-0
64

ИСТОРІЯ
44-го ДРАГУНСКАГО
НИЖЕГОРОДСКАГО
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
ГОСУДАРЯ
НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА
ПОЛКА.

ТОМЪ VIII.

Составилъ В. ПОТТО.

1376/7

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-Литографія Р. Голике. Спасская улица, домъ № 17
1896.

Ю
П64

ИСТОРІЯ
44-го ДРАГУНСКАГО
НИЖЕГОРОДСКАГО
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
ГОСУДАРЯ
НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА
ПОЛКА.

ТОМЪ VIII.

Составилъ В. ПОТТО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Р. Голике, Спасская улица, домъ № 17.
1895.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
537425 М

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 29 Мая 1895 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава. Стр.

I. Драгуны въ Нагорной Чечнѣ 1

(1859). Графъ Ностицъ.—Неожиданное развитіе военныхъ дѣйствій въ Чечнѣ и движеніе къ Ведено.—Занятіе Бассенъ-Берды и Таузенской поляны.—Отрядъ графа Ностица.—Попытка горцевъ овладѣть вагенбургомъ.—Выбытіе изъ полка князя Чавчавадзе.—Летучій отрядъ графа Ностица на Хулхулау.—Нападеніе горцевъ на хуторъ Сержантъ.—Опасное положеніе отряда у Ерсеноя.—Переходъ на правый берегъ Хулхулау и начало переселенія горцевъ.—Набѣгъ графа Ностица на хуторъ Дольце и взятіе непріятельскаго орудія.—Награды.

Рисунки:

1) Ущелье Хулхулау.
2) Графъ Ностицъ съ офицерами полка.
3) Мѣсто, гдѣ стоялъ аулъ Назыръ.
4) Мѣсто, гдѣ находился хуторъ Дольце.
5) Князь А. И. Барятинскій.

II. Покореніе Чечни и Дагестана 15

(1859). Прибытіе въ отрядъ Кабардинскаго батальона.—Переселеніе маіортуповцевъ.—Шамиль-Шеханъ.—Свѣтлое Воскресеніе въ отрядѣ графа Ностица.—Переходъ на Гудермесъ.—Посѣщеніе лагеря графомъ Евдокимовымъ.—Добровольное покореніе Ичкеріи.—Походъ въ Дарго.—Засада.—Смерть штабсъ-капитана Конце.—Отвѣтъ графа Ностица на предложеніе помощи со стороны пѣхоты.—Стоянка на Шалинской полянѣ и праздникъ въ Нижегородскомъ лагерѣ.—Пріѣздъ Главнокомандующаго.—Походъ отъ Таузена до Гимръ.—Возвращеніе въ Чиръ-Юртъ.—Гунибъ и взятіе Шамиля.—Гунибскій памятникъ.—Шамиль мирнымъ гостемъ въ Чиръ-Юртѣ.—Портретъ Шамиля, снятый графомъ Ностицемъ.—Проводы Шамиля отъ Чиръ-Юрта до Ташъ-Качу.—Сцены въ послѣднемъ аулѣ.—Замиреніе Чечни и Дагестана.

Рисунки:

1) Гора Гунибъ (съ рисунка Горшельдта).
2) Развалины стараго Гуниба.
3) Новый Гунибъ.
4) Шамиль — имамъ Чечни и Дагестана (съ фотографіи, снятой въ Чиръ-Юртѣ графомъ Ностицемъ).
5) Памятникъ на Гунибѣ.

Глава. Стр.

III. Нижегородцы противъ Шапсуговъ. 31

(1860). Чиръ-Юртъ по окончаніи войны. — Переходъ полка на правое крыло.—Встрѣча съ Шуанетой.—Проводы Барковскаго.—Тихорѣцкъ.—Нижегородцы въ Шапсугскомъ отрядѣ.—Бивуачныя развлеченія.—Первый походъ и впечатлѣніе его на Нижегородцевъ.—Первая встрѣча съ шапсугами.—Отрѣзанныя головы.—Постройка Ильскаго укрѣпленія, и наши дѣйствія на Илѣ.—Нижегородцы въ колоннѣ у Левашова.—Назначеніе двухъ дивизіоновъ въ Главный, и одного въ Средне-шапсугскій отряды.—Дѣйствія главнаго отряда на Афипсѣ, и переходъ на Шебжу.—Графъ Ностицъ назначается флигель-адъютантомъ.—Долина Шебжа.—Григорьевское укрѣпленіе.—Горшельдтъ.—Дѣло 7-го августа въ ущеліи Афипса.—Поручикъ Махатадзе и маленькая плѣнница.—Набѣги изъ Григорьевскаго.—1-й дивизіонъ въ Средне-шапсугскомъ отрядѣ.

Рисунки:

1) Ханская станица.
2) Наибы Шамиля.
3) Кухни шапсугскаго отряда.
4) Видъ на рѣкѣ Илѣ.
5) Возвращеніе казаковъ съ набѣга (съ картины Горшельдта).

IV. Отъ Шапсуговъ къ Абадзехамъ 53

(1860—1861). Зачисленіе графа Ностица въ свиту Его Величества.—Новый командиръ полка полковникъ Граббе.—Переломъ въ характерѣ нашихъ военныхъ дѣйствій за Кубанью.—Прибытіе графа Евдокимова.—Продолженіе военныхъ дѣйствій зимою.—Нижегородцы въ отрядѣ на Хаблѣ.—Горячій бой 14-го декабря въ Хабльскомъ ущельи и смерть князя Вахвахова.—Принцъ Баденскій въ экспедиціи на Шебжѣ.—Походъ подъ Ставрополь.—Безпорядки въ Кубанскомъ войскѣ.—Граббе въ Александровской станицѣ.—Прибытіе къ полку резервнаго эскадрона изъ Чиръ-Юрта.—Переходъ на Лабинскую линію.—Выселеніе Бесленевцевъ.

Рисунки:

1) Тихорѣцкая станица.
2) Принцъ Вильгельмъ Баденскій.
3) Переселеніе горцевъ.

V. Императоръ Александръ II на Кавказѣ. 67

(1861). Ожиданія пріѣзда государя.—Первая встрѣча его въ станицѣ Фарской.—Милостивыя слова, обращенныя имъ къ Нижегородцамъ.—Царскій смотръ.—Пріемъ государемъ черкесской депутаціи.—Отзывъ князя Барятинскаго о Нижегородцахъ.—Конецъ 1861 года на Лабинской линіи.

Рисунки:

1) Памятникъ въ станицѣ Царской въ честь пребыванія на Кавказѣ Императора Александра II.
2) Пріемъ горской депутаціи Императоромъ Александромъ II въ 1861 г. (съ картины Горшельдта).
3) Хакметинскій лагерь.

VI. Между Лабою и Бѣлой. 77

(1862). Положеніе дѣлъ на правомъ крылѣ въ началѣ 1862 года.—Нижегородцы при переселеніи Бѣлорѣчинскихъ ауловъ.—Первая экспедиція въ землю Абадзеховъ.—Выселеніе Махошевцевъ.—Служба 1-го дивизіона на Абадзехской линіи.—Нападенія горцевъ на посты и разъѣзды.—Тревога въ Свѣт-

Глава. Стр.

лое Воскресеніе. — Молодецкое дѣло 19-го апрѣля. — Перемѣщеніе полка на передовую линію. — Населеніе новыхъ станицъ. — Линейныя тревоги. — Общее наступленіе войскъ въ горы.

Рисунки:

1) Домъ полкового командира въ Майкопѣ.
2) Укрѣпленіе Майкопъ.
3) Переселеніе казаковъ на передовую линію.

VII. На Бѣлорѣчинской линіи. 89

(1862). Задачи лежавшія передъ войсками весной 1862 года. — Даховскій и Пшехскій отряды. — Первая курджипская экспедиція, и смерть поручика князя Амилахвари. — 2-я курджипская экспедиція. — Бой 3-го дивизіона у Курале. — Вторженіе въ долину Пшехи и участіе драгунъ въ бою при занятіи лѣваго берега. — Опасное положеніе Бѣлорѣчинской линіи. — 2-й дивизіонъ занимаетъ кордонный участокъ ея отъ Майкопа до Каменнаго моста. — Трудная кордонная служба и лихорадки. — Уменьшеніе численнаго состава 2-го дивизіона до 40 человѣкъ. — Тревоги 6-го и 13-го іюня. — Нападеніе горцевъ на Хакметы. — Большая тревога подъ Севастопольской станицей. — Характерный эпизодъ ея. — Драгуны въ Даховскомъ отрядѣ, и опять на Каджохѣ. — Участіе 3-го дивизіона въ бою у Ханской станицы. — Представленіе Граббе о необходимости отдыха для Нижегородскаго полка. — Слухи о переформированіи полка въ четырехъ-эскадронный составъ.

Рисунки:

1) Спускъ съ горъ партіи горцевъ для набѣга (съ картины Гагарина).
2) Охотники Нижегородцы.
3) Абадзехская станица.

VIII. До занятія Курджипса. (Подвигъ поручика Баранова). . . . 107

(1862). Переформированіе полка въ 4-хъ эскадронный составъ. — Возвращеніе полку штандарта 3-го дивизіона. — Большой набѣгъ изъ Майкопа 12-го августа. — Смерть Сумбатова. — Переходъ 1-го эскадрона въ Даховскій отрядъ. — Блистательное дѣло 1-го эскадрона 18-го августа. — Поручикъ Барановъ получаетъ Георгіевскій крестъ. — Тревоги у Ерукаевской станицы. — Гибель четырехъ Нижегородцевъ. — Новая линія на Курджипсѣ, и занятіе пространства отъ Курджипса до Пшехи.

Рисунки:

1) Поѣздка по линіи. (съ картины Грузинскаго).
2) Подвигъ поручика Баранова 18 августа 1864 года.
3) Прапорщикъ Сумбатовъ.
4) Поручикъ Барановъ.

IX. На Пшехѣ и Курджипсѣ. 119

(1863). Принцъ Альбертъ прусскій на Кавказѣ. — Экспедиція его на Пшеху. — Занятіе Хомышейскаго общества. — Новый главнокомандующій великій князь Михаилъ Николаевичъ. — Встрѣча его на рѣкѣ Курджипсѣ. — Заложеніе Самурской станицы. — Мѣсяцъ отдыха. — Занятіе Нижегородскимъ полкомъ новыхъ передовыхъ линій. — 1-й дивизіонъ въ дѣлѣ 30-го мая подъ Майкопомъ. — Перемиріе съ Абадзехами. — Опять тревоги на линіи, и печальный случай въ охотничьей командѣ. — Временное командованіе полкомъ князя Амилахвари. — Занятіе перевала Гойтхъ. — Послѣднія военныя дѣйствія полка въ 1863 году. — Новое переформированіе полка.

Глава. Стр.

Рисунки.

1) Курджинская станица.
2) Переправа Принца Прусскаго черезъ Пшеху.
3) Абадзехъ.

X. Окончаніе Кавказской войны. 137

(1864). Положеніе дѣлъ въ началѣ 1864 года.—Экспедиція въ Тубу.—Вторичный набѣгъ въ Тубу пластунской команды, и ея пораженіе. — Большая тревога, собравшая войска съ Пшехской, Курджинской и Бѣлорѣчинской линій.—Евтушенко, и геройская защита его съ горстію оставшихся въ живыхъ пластуновъ.—Выручка ихъ княземъ Амилахвари.—Даховскій отрядъ на южномъ склонѣ горъ.—Замѣчательное движеніе Граббе черезъ главный Кавказскій хребетъ къ Бабукову аулу, и обратное возвращеніе его черезъ Бѣлорѣчинскій перевалъ.—Окончаніе войны на Западномъ Кавказѣ.—Нижегородцы въ Туапсѣ и на Гойтхѣ.—Большой парадъ въ Красномъ селѣ 12-го іюля.—Государь зачисляетъ себя въ Нижегородскій полкъ.—Царскія милости полку. — Поѣздка Граббе въ Штутгартъ. — Новое назначеніе генерала Граббе.—Два вопроса, рѣшенные въ полку минувшею кампаніей.—Послѣдняя экспедиція на Хакучей.

Рисунки:

1) Бѣлорѣчинскій перевалъ.
2) Смотръ на Гойтхскомъ перевалѣ.
3) Бабуковъ аулъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Императоръ Александръ II (съ портрета пожалованнаго полку Государемъ).

2) Графъ Ностицъ.

3) Офицеры 2-го дивизіона.

4) Офицеры 1 и 3 дивизіоновъ.

5) Генералъ-Маіоръ Граббе.

6) Наѣздникъ 2-го дивизіона (акварель).

7) Охотники-Нижегородцы.

8) У. оф. Баранчукъ, (акварель) рисунокъ съ натуры.

9) Карта праваго фланга.

ИСТОРІЯ
44-го Драгунскаго Нижегородскаго полка.

Императоръ Александръ II

(съ портрета пожалованнаго полку Государемъ).

Ущелье Хулхулау.

I.

Драгуны въ Нагорной Чечнѣ.

(1859 г.)

Графъ Ностицъ.—Неожиданное развитіе военныхъ дѣйствій въ Чечнѣ и движеніе къ Ведено. — Занятіе Бассенъ-Берды и Таузенской поляны.— Отрядъ графа Ностица.— Попытка горцевъ овладѣть вагенбургомъ.—Выбытіе изъ полка князя Чавчавадзе.— Легучій отрядъ графа Ностица на Хулхулау.—Нападеніе горцевъ на хуторъ Сержанъ.— Опасное положеніе отряда у Ерсеноя.—Переходъ на правый берегъ Хулхулау и начало переселенія горцевъ.—Набѣгъ графа Ностица на хуторъ Дольце и взятіе непріятельскаго орудія.—Награды.

На мѣсто князя Дондукова-Корсакова командиромъ Нижегородскаго полка назначенъ былъ полковникъ графъ Иванъ Григорьевичъ Ностицъ,—

сынъ знаменитаго кавалерійскаго генерала, израненнаго въ рукопашной сѣчѣ подъ стѣнами Варшавы, гдѣ онъ съ юношеской пылкостью рубился во главѣ лейбъ-гусаровъ и нынѣшнихъ конногренадеровъ. Воспитанникъ Пажескаго корпуса, Иванъ Григорьевичъ былъ выпущенъ въ 1841 году корнетомъ въ Лейбъ-гвардіи конный полкъ и, прослуживъ въ немъ 16 лѣтъ, въ исходѣ 1857 года въ чинѣ полковника назначенъ былъ въ распоряженіе главнокомандующаго Кавказскою арміею, съ переводомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Многіе тогда увидѣли въ немъ преемника князя Дондукова-Корсакова.

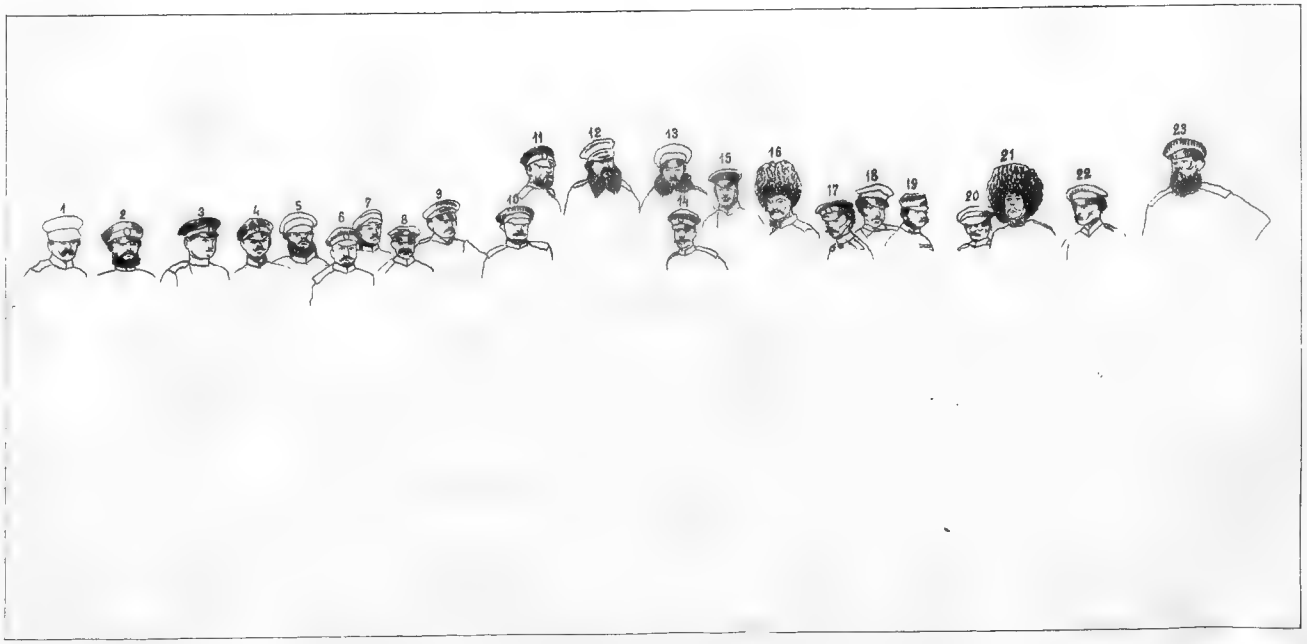
Первыя слова графа Ностица, обращенныя къ полку, носили на себѣ печать глубокаго уваженія къ старымъ традиціямъ и заслугамъ полка: «Храбрые Нижегородцы, боевые товарищи!»—говорилъ онъ, обращаясь къ новымъ своимъ сослуживцамъ:—«Да благословитъ насъ Богъ на продолженіе вмѣстѣ доблестныхъ дѣлъ, неразлучныхъ съ вами» (1).

Наслѣдный принцъ Виртембергскій, Августѣйшій шефъ полка, выразилъ также увѣренность, что новое командованіе прибавитъ только новыя славныя страницы къ исторіи полка. «Графъ! — писалъ онъ къ нему,— Я съ удовольствіемъ прочиталъ ваше письмо, въ которомъ вы докладываете Мнѣ о назначеніи вашемъ командиромъ Моего Нижегородскаго полка. Поздравляю васъ съ этимъ отличіемъ, оказаннымъ вамъ Государемъ-Императоромъ. Я вполнѣ увѣренъ, что въ ваше командованіе храбрые драгуны Мои всегда и вездѣ будутъ отличаться и еще болѣе упрочатъ свою громкую и доблестную славу» (2).

Внутренняя жизнь полка въ то время совершенно стушевывалась за тою кипучею боевою дѣятельностію, которою жилъ край, а вмѣстѣ съ нимъ и Нижегородскій полкъ. Время стояло горячее, наступала пора, когда предстояло нанести послѣдній ударъ мюридизму.

Послѣ проѣзда великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей, видѣвшихъ тѣ гигантскія работы, которыя произведены были въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ войсками лѣваго крыла, вся дѣятельность генерала Евдокимова обратилась на соединеніе Аргунскаго ущелья съ Сунженскою линіею и Владикавказскимъ округомъ прямыми и безопасными дорогами. Только при такихъ условіяхъ мы становились полными хозяевами края, и Малая Чечня окончательно была бы потеряна для Шамиля. Но для этого являлась прежде всего необходимость выселить на плоскость безпокойныхъ галашевцевъ и карабулаковъ изъ глубокихъ уще-

Графъ Ностицъ съ офицерами полка.



1) Зинченко.
2) Кн. Баратовъ.
3) Махатадзе.
4) Климентовъ.
5) Кн. Вахваховъ.
6) Кн. Чавчавадзе.
7) Гизети.
8) Тявкежевъ.
9) Джемарджидзе.
10) Кн. Амилахвари 2.
11) Кишикскій.
12) Гр. Ностицъ.
13) Калмыковъ.
14) Ключаревъ.
15) Батіевскій.
16) Кн. Амилахвари 1.
17) Др. Мисловскій.
18) Милошъ.
19) Торіани.
20) Ветеринар. врачъ
21) Николевъ.
22) Готовицкій.
23) Ивановъ.

Графъ Ностицъ съ офицерами полка.

лій, гдѣ они гнѣздились въ послѣднее время. Вся тяжесть этихъ экспедицій въ странѣ, представлявшей непроходимыя дебри, пала на одну пѣхоту, потому что кавалеріи въ этихъ трущобахъ дѣйствовать было нельзя, и первый дивизіонъ Нижегородскаго полка оставленъ былъ въ Грозной.

Въ то время, когда войска приступили къ переселенію карабулаковъ, Шамиль уже задумывалъ новый походъ, чтобы вторженіемъ въ ту же Малую Чечню, но съ другой стороны ея, поставить насъ самихъ въ опасное положеніе. Въ половинѣ декабря 1858 года въ предгоріяхъ Большой Чечни, именно въ ущельи Басса, показались сильныя скопища подъ предводительствомъ Кази-Магомы; но это былъ въ сущности только одинъ отводъ, а ударъ грозилъ намъ со стороны, откуда его не ожидали. Въ Аргунскомъ округѣ, выше Шатоя, стояло укрѣпленіе Евдокимовское, составлявшее крайній пунктъ нашей линіи по Аргуну,—и далѣе дорогъ уже не было: отроги снѣжнаго хребта преграждали всякій путь войску въ это время года. Между Шатоевскимъ и Евдокимовскимъ укрѣпленіемъ Аргунъ течетъ въ каменной трещинѣ неизмѣримой глубины, куда, извиваясь по карнизамъ скалъ, ведетъ единственная тропа, служившая для сообщеній между двумя укрѣпленіями. Въ это ущелье и задумалъ двинуться Шамиль, чтобы раздѣлить оба укрѣпленья и, уничтоживъ ихъ порознь, прорваться въ Малую Чечню, гдѣ быстрыя движенія войскъ въ такую суровую зиму были немыслимы. Планъ былъ превосходный, но Шамиль упустилъ изъ вида, что его наибамъ придется дѣйствовать посреди чеченскаго населенія, уже разорвавшаго съ нимъ нравственную связь, и что при такихъ условіяхъ ни одно движеніе его не могло оставаться тайною для Евдокимова. И, дѣйствительно, Шамиль, бросившись на Аргунъ, встрѣтилъ баталіоны на пунктахъ, которые надѣялся захватить нечаянно, и вынужденъ былъ отказаться отъ своего предпріятія (3).

Въ то же время Кази-Магома, стоявшій въ предгоріи Большой Чечни, понесъ пораженіе,—а это дало возможность Евдокимову воспользоваться выгоднымъ оборотомъ дѣлъ, и неожиданно развить свои военныя дѣйствія до такихъ размѣровъ, которые привели его въ началѣ апрѣля слѣдующаго года уже въ Ведено,—въ пунктъ, гдѣ сосредоточилась вся духовно-религіозная, административная и боевая сила Шамиля.

Получивъ извѣстіе о покушеніи Шамиля противъ Аргунскаго ущелья, Евдокимовъ понялъ, что подобныя попытки будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока мы не станемъ твердою ногою въ предѣлахъ Большой Чечни

и, не откладывая, рѣшилъ приступить не медля къ военнымъ дѣйствіямъ. 20-го декабря весь Чеченскій отрядъ, частію находившійся въ землѣ Галашевцевъ и Карабулаковъ, а частію раскинутый по линіи Аргуна въ оборонительномъ положеніи, сосредоточился у Бердыкеля. Туда же прибыли 1-й дивизіонъ Нижегородскаго полка изъ Грозной, и 3-й дивизіонъ, приведенный изъ Чиръ-Юрта самимъ командиромъ полка [4]).

Въ Большой Чечнѣ, параллельно Аргуну, протекаетъ рѣчка Басс, роясь все время въ узкомъ ущельѣ, обставленномъ высокими горами, покрытыми сплошь вѣковымъ лѣсомъ. Это ущелье, занятіе котораго открывало намъ прямой путь въ глубину шамилевскихъ владѣній, и составило исключительную заботу Евдокимова. Но итти въ это ущелье на проломъ не было никакой возможности, потому что входъ въ него защищало укрѣпленіе Бассенъ-Берды, за которымъ стоялъ Кази-Магома съ значительными силами. Евдокимовъ рѣшилъ прибѣгнуть къ своему обычному средству, т. е. къ обходу позиціи, — а для этого нужно было спуститься въ ущелье безъ всякихъ дорогъ, по мѣстамъ, гдѣ едва ли ступала когда-нибудь нога человѣка. Это смѣлое движеніе, порученное полковнику Баженову, и стоившее пѣхотѣ громадныхъ усилій, исполнено было блистательно, и Кази-Магома долженъ былъ отступить—иначе, запертый въ ущельи съ обѣихъ сторонъ, онъ неминуемо погибъ бы въ немъ со всѣмъ своимъ скопищемъ.

Теперь войска на свободѣ занялись вырубкою просѣкъ и, тихо подвигаясь впередъ, 30-го декабря дошли наконецъ до знаменитой Таузенской поляны, имѣвшей для насъ важное стратегическое значеніе, потому что по ней, какъ змѣи, расползались дороги: въ Ведень, въ Андію, въ Шатой и къ Чаберлоевцамъ. Разстояніе отъ сильно укрѣпленнаго Таузена до мѣстопребыванія имама не превышало 14 верстъ. Во время движенія войскъ непріятель почти ежедневно тревожилъ наши работы, а по ночамъ обстрѣливалъ лагерь изъ четырехъ орудій, при чемъ, во время одной изъ такихъ канонадъ, ядро попало въ коновязь Нижегородскаго полка и убило строевую лошадь ([5]).

Въ дальнѣйшемъ движеніи по Басскому ущелью и при занятіи Таузенской долины драгуны уже не участвовали. Оба дивизіона и 11 казачьихъ сотенъ, подъ общей командой графа Ностица, отправлены были назадъ въ Бассенъ-Берды, чтобы быть ближе къ плоскости, и прикрыть ваген-бургъ, оставленный въ крѣпкой засѣкѣ. Предусмотрительность эта оказа-

лась какъ нельзя болѣе кстати. 18-го января, едва лишь зимнее солнце озолотило своими лучами вершины безлиственнаго лѣса, — какъ по ту сторону Басса показалась сильная непріятельская конница. По первой тревогѣ графъ Ностицъ съ третьимъ дивизіономъ полковника Кишинскаго поскакалъ къ рѣкѣ и, увидя горцевъ уже на нашемъ берегу, приказалъ прекратить перестрѣлку и бросился въ шашки. Не мало горцевъ было изрублено, но остальные, укрывшись въ кустахъ и оврагахъ, открыли бѣглый огонь. Въ эту минуту подоспѣлъ 1-й дивизіонъ, казаки и милиція. Приказавъ командиру Гребенскаго полка полковнику Петрову (старому Нижегородцу) атаковать непріятеля съ фронта, графъ съ 3-мъ дивизіономъ пронесся мимо горцевъ, чтобы занять переправу и отрѣзать имъ отступленіе. Непріятель, сообразившій чѣмъ можетъ разразиться этотъ ударъ, тотчасъ отступилъ на правый берегъ Басса. Тамъ начинались глухіе, еще не тронутые топоромъ лѣса, и преслѣдованіе было остановлено. Въ 3-мъ дивизіонѣ ранены при этой стычкѣ два драгуна, изъ которыхъ одинъ, рядовой Шеваль, смертельно (*).

Въ февралѣ мѣсяцѣ въ Бассенъ-Берды прибылъ изъ Чиръ-Юрта 2-й дивизіонъ и смѣнилъ 1-й, который отправился въ свою штабъ-квартиру. Этотъ дивизіонъ прибылъ подъ командою капитана князя Амилахвари, потому что настоящій дивизіонеръ подполковникъ князь Чавчавадзе за нѣсколько дней до похода былъ вызванъ въ Тифлисъ главнокомандующимъ, и болѣе къ полку не возвращался. Князь Барятинскій, лично знавшій Чавчавадзе, высоко цѣнилъ его боевую дѣятельность, и потому назначилъ его командиромъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка. Такъ выбылъ штабъ-офицеръ, которому по справедливости принадлежало имя витязя кавказской войны. Онъ прослужилъ въ полку 17 лѣтъ, и Нижегородскій полкъ никогда не забудетъ, что обязанъ ему многими блестящими страницами своей исторіи. За выбытіемъ князя Чавчавадзе командиромъ 2-го дивизіона назначенъ былъ подполковникъ Кишинскій, а 3-й получилъ маіоръ Калмыковъ.

На главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій совершались между тѣмъ крупныя историческія событія. Таузенъ былъ взятъ, войска шли впередъ и послѣднимъ словомъ въ этомъ маршрутѣ стояло Ведено. Тридцатилѣтняя кровавая война съ мюридизмомъ близилась къ своей развязкѣ. Какъ только неизбѣжность осады Веденя сдѣлалась очевидною, Шамиль покинулъ свою резиденцію и выѣхалъ въ ичкеринскій аулъ Гуни,

взявъ съ собою большую часть кавалеріи и два орудія. Слухъ о его намѣреніи дѣйствовать на нашихъ сообщеніяхъ заставилъ генерала Евдокимова сформировать для охраны коммуникаціонной линіи особый летучій отрядъ, который онъ поручилъ командиру Нижегородскаго полка. Въ составъ этого отряда вошли оба дивизіона драгунъ, 11-ть сотенъ казаковъ, два батальона пѣхоты (Эриванскій и Виленскій) и 8 конныхъ орудій. Для исполненія этого порученія графъ Ностицъ оставилъ въ Бассенъ-Берды батальонъ Эриванскаго полка, а съ остальными войсками направился по Большой Чечнѣ, вдоль подножія Черныхъ горъ, къ рѣчкѣ Хулхулау. Движеніе это представляло неимовѣрныя трудности, такъ какъ приходилось буквально прорубаться черезъ густой кустарникъ, при чемъ не только Виленцы, но даже драгуны и казаки—всѣ превращались въ саперъ, работая топорами, мотыгами и лопатами. Пока Евдокимовъ велъ гигантскую сапу по дѣвственнымъ лѣсамъ, пуская въ ходъ разомъ тысячи топоровъ, графъ Ностицъ прочищалъ себѣ дорогу въ орѣшникахъ, стараясь быть на высотѣ главнаго отряда, повернувшаго отъ Таузена на Ведено, и всякій разъ, пройдя нѣсколько верстъ, онъ предпринималъ набѣги въ глубь горъ, чтобы жечь аулы, а жителей выселять на плоскость. Это движеніе вдоль подножья Черныхъ горъ безъ дорогъ и тропинокъ, которое рѣдко предпринимали отряды дѣйствующіе въ Чечнѣ, было цѣлесообразно, потому что, угрожая постоянно скопищамъ чеченцевъ, давало возможность выселять жителей ауловъ на плоскость. Погода все время стояла ужасная: дождь смѣнялся снѣгомъ, и туманы были такъ густы, что съ трудомъ можно было видѣть въ нѣсколькихъ шагахъ, а это давало возможность непріятелю скрытно подползать къ нашимъ пикетамъ и тревожить лагерь. Но несмотря на всѣ эти трудности и лишенія, больныхъ въ отрядѣ не было: энергія поддерживала бодрость и позволяла выносить труды, которые въ другое время были бы не подъ силу даже желѣзному кавказскому солдату (7).

Двадцать пятаго февраля графъ Ностицъ, оставивъ у хутора Сержана двѣ роты пѣхоты, 4 сотни казаковъ и 2 орудія, подъ командою полковника Петрова, самъ съ остальными войсками вошелъ въ ущелье Хулхулау и сталъ у большого аула Цудахары. Были получены извѣстія, что Шамиль выслалъ изъ Ичкеріи конную партію, которая, подъ начальствомъ извѣстнаго наиба Османа, должна была напасть на мирные аулы во время ихъ переселенія. Османъ, дѣйствительно, явился, но замѣтивъ,

что переселенцы стоятъ подъ прикрытіемъ сильнаго отряда, бросился на хуторъ Сержанъ и атаковалъ Петрова.

Графъ Ностицъ услыхалъ пушечные выстрѣлы, которые глухими ударами доносились до него по рѣкѣ со стороны Сержана, и не сомнѣваясь, что горцы атаковали Петрова, поскакалъ на помощь съ 3-мъ дивизіономъ. Онъ прибылъ въ самый разгаръ канонады, и тотчасъ приказалъ переправиться въ бродъ чрезъ вышедшую изъ береговъ р. Хулхулау и атаковать непріятеля, занимавшаго вершину горы. Несмотря на крутизну подъема и на глубокій снѣгъ, препятствовавшій движенію, кавалерія такъ лихо устремилась въ гору, что непріятель едва успѣлъ дать картечный выстрѣлъ, и, не имѣя времени увезти орудіе, сбросилъ его въ сторону обратнаго ската горы. Спускаться въ долину, чтобы взять это орудіе, графъ счелъ излишнимъ, такъ какъ на защиту его уже сбѣгались жители со всѣхъ окрестныхъ ауловъ, а рисковать потерею нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ не слѣдовало, тѣмъ болѣе, что цѣль атаки была вполнѣ достигнута и канонада прекратилась. Командиръ полка далъ приказаніе отступать вдоль хребта; но едва кавалерія повернула назадъ, какъ горцы бросились на нее въ кинжалы и шашки. Пришлось спѣшиться,—и отступать перекатными цѣпями. При этой перестрѣлкѣ командиръ полка получилъ сильную контузію въ бедро, убитъ былъ одинъ гребенской казакъ, ранены: адъютантъ главнокомандующаго князь Горчаковъ, одинъ казачій офицеръ, 10 нижнихъ чиновъ и 23 лошади ([8]).

Послѣ описаннаго дѣла графъ Ностицъ расположилъ свой бивакъ близъ Ерсеноя, чтобы наблюдать за Османомъ, который упорно препятствовалъ чеченцамъ выселяться на плоскость,—и перестрѣлки въ отрядѣ происходили почти ежедневныя. Въ это же время онъ получилъ извѣстіе отъ полковника Бѣлика, завѣдывавшаго фуражными складами, что не только въ Шали и въ Бердыкелѣ, но даже въ Грозной не осталось никакихъ продовольственныхъ запасовъ, и что отряду необходимо отступить на линію. Послѣднее было для насъ немыслимо, потому что Османъ, конечно, воспользовался бы временнымъ уходомъ отряда, и не только угналъ бы въ горы выселившихся жителей, но и перервалъ бы сообщеніе главныхъ силъ, находившихся тогда у Веденя, съ базисомъ, который былъ въ Грозной. Положеніе являлось отчаяннымъ, но рѣшеніе графа Ностица остаться во что бы то ни стало на занятой имъ позиціи было также безповоротное. Онъ собралъ всѣхъ командировъ кавалерійскихъ частей,

Мѣсто, гдѣ находился хуторъ Дольце.

разныя стороны, и стали бросаться съ кручъ. Аулъ пылалъ, зажженный съ обѣихъ сторонъ. Женщины съ раздирающими воплями, какъ безумныя, метались по аулу, отыскивая дѣтей, а дѣти, потерявшія своихъ матерей, сновали подъ конскими ногами, рискуя ежеминутно быть раздавленными всадниками. Ужасъ и паника царили повсюду. Приказавъ полковнику Кишинскому водворить хотя какой-нибудь порядокъ и защищать безоружныхъ и женщинъ, графъ Ностицъ съ 3-мъ эскадрономъ князя Амилахвари, съ сотней гребенцовъ и съ сотнею милиціонеровъ маіора Арцу, не теряя минуты, пустился на хуторъ Дольце, опасаясь, что Османъ, разбуженный тревогой, уйдетъ прежде, чѣмъ мы доскачемъ. Оно такъ и случилось. Когда кавалерія вскочила въ хуторъ, горцы бѣжали изъ него уже въ разныя стороны. Пушку, которая стояла у сакли Османа и наведена была на дорогу, горцы собирались уже увезти, но въ это время были настигнуты нашею кавалеріей, которая, изрубивъ прислугу, захватила орудіе, и тутъ же отбила три значка, принадлежавшіе партіи Османа. Самъ Османъ ушелъ, но его жена и дѣти были взяты въ плѣнъ. Графъ Ностицъ, впрочемъ, по просьбѣ наиба, въ тотъ же день приказалъ возвратить имъ свободу.

Какъ послѣ бури наступаетъ затишье, такъ и тутъ послѣ криковъ, гама, шума и стоновъ раненыхъ водворилась вдругъ тишина, не предвѣщающая, впрочемъ, ничего хорошаго.

Османъ успѣлъ остановить чеченцевъ, къ которымъ скоро примкнули бѣжавшіе изъ Назыра тавлинцы, и вся эта толпа, ободренная малочисленностью отряда, двинулась на хуторъ съ цѣлью отбить обратно орудіе и плѣнныхъ. Графъ Ностицъ приказалъ князю Амилахвари спѣшить свой эскадронъ и залечь за срубами деревъ, находившихся на полянѣ не вдалекѣ отъ хутора. 20 минутъ шла перестрѣлка; положеніе наше становилось опаснымъ, но подоспѣвшій сюда батальонъ кабардинцевъ остановилъ натискъ непріятеля. Отбитое орудіе осталось въ рукахъ кавалеріи ([10]). Это былъ единорогъ, взятый при разгромѣ одного изъ нашихъ укрѣпленій въ Дагестанѣ и находившійся у Шамиля съ 1843 года. Кромѣ того, какъ въ Дольце, такъ и въ Назыръ—аулѣ были освобождены еще 15 плѣнныхъ солдатъ и казаковъ, которыхъ разыскали въ смрадныхъ подземельяхъ и ямахъ, гдѣ ихъ держали почти безъ одежды и пищи.

Графъ Ностицъ «за успѣшный исходъ этого набѣга, окончательно уничтожившаго вліяніе Шамиля на населеніе нагорной части Большой

Чечни, за взятіе непріятельскаго орудія и трехъ значковъ» награжденъ былъ орденомъ св. Великомученика и побѣдоносца Георгія 4 степени (*).

«Храбрые Нижегородцы!» — писалъ онъ въ приказѣ по полку по этому поводу: —«Я уже поздравлялъ васъ въ ущельѣ рѣки Джаги съ молодецкимъ подвигомъ, совершеннымъ вами, а теперь, боевые товарищи мои, выражаю вамъ искреннюю и сердечную благодарность за высокую награду, которую ради васъ удостоился я получить. Благодарю въ особенности третій эскадронъ, командира его князя Амилахвари и господъ офицеровъ сего эскадрона, непосредственно участвовавшихъ въ отбитіи непріятельскаго орудія и трехъ значковъ. Выдаю для раздачи нижнимъ чинамъ 3-го эскадрона сто рублей, 4-го, 5-го и 6-го по пятидесяти, а въ 1-й и 2-й эскадроны по двадцати пяти рублей» ([11]).

Князь Амилахвари получилъ за этотъ же набѣгъ орденъ св. Владиміра 4-й степени, а нижнимъ чинамъ назначено было нѣсколько знаковъ отличія Военнаго ордена. Къ сожалѣнію самое число знаковъ и имена кавалеровъ не сохранились въ документахъ (**).

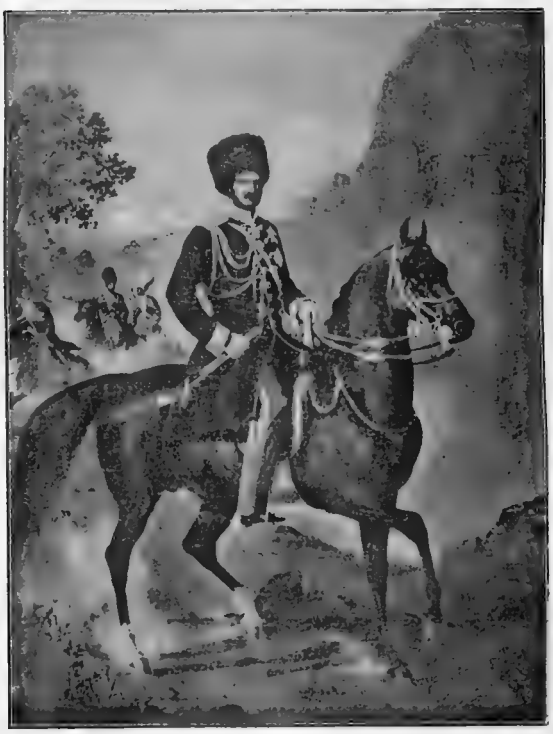
Въ заключеніе намъ слѣдуетъ упомянуть, что одинъ изъ офицеровъ Нижегородскаго полка прапорщикъ графъ Ферзенъ, находившійся при Евдокимовѣ, былъ посланъ съ донесеніемъ главнокомандующаго о взятіи Веденя, и лично докладывалъ государю подробности штурма. Государь произвелъ его въ поручики, съ переводомъ тѣмъ же чиномъ въ Кавалергардскій полкъ, и назначилъ флигель-адъютантомъ. Всѣмъ офицерамъ, участвовавшимъ въ походѣ, данъ былъ полугодовой окладъ жалованья, а нижнимъ чинамъ по два рубля серебромъ.

Генералъ Евдокимовъ за взятіе Веденя получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени и былъ возведенъ въ графское достоинство Россійской Имперіи. Такимъ образомъ сынъ армейскаго солдата, не имѣвшій никакихъ связей, достигъ одного изъ высшихъ и почетнѣйшихъ званій государства. На данномъ ему гербѣ были, такъ сказать, изображены всѣ обстоятельства его жизни и службы: графскій щитъ раздѣленъ былъ на двѣ половины — направо, въ красномъ полѣ, полуразрушенная башня,

(*) Такъ значится въ патентѣ графа Ностица на орденъ св. Георгія 4 ст. Тотъ же орденъ получилъ и командовавшій въ отрядѣ милиціею маіоръ Арцу, нынѣ генералъ-маіоръ, проживающій въ Терской области.

(**) Въ общихъ спискахъ нижнихъ чиновъ, награжденныхъ знаками отличія Военнаго ордена, не обозначалось за какія именно дѣла они ихъ получили.

налѣво—въ голубомъ полѣ, земледѣльческая борона. Щитъ увѣнчанъ графскою короной, которую поддерживаютъ съ одной стороны филинъ, а съ другой черкесъ въ полномъ вооруженіи и съ краснымъ значкомъ въ рукахъ. На этомъ гербѣ государь собственноручно начерталъ девизъ: «Съ бою»...



Князь А. И. Барятинскій.

Гора Гунибъ (съ рисунка Горшельдта).

II.

Покореніе Чечни и Дагестана.

(1859 г.).

Прибытіе въ отрядъ Кабардинскаго батальона.—Переселеніе маіортуповцевъ.—Шамиль-Шехань.—Свѣтлое Воскресеніе въ отрядѣ графа Ностица.—Переходъ на Гудермесъ.—Посѣщеніе лагеря графомъ Евдокимовымъ.—Добровольное покореніе Ичкеріи.—Походъ въ Дарго.—Засада.—Смерть штабсъ-капитана Конце.—Отвѣтъ графа Ностица на предложеніе помощи со стороны пѣхоты.—Стоянка на Шалинской полянѣ и праздникъ въ Нижегородскомъ лагерѣ.—Пріѣздъ Главнокомандующаго.—Походъ отъ Таузена до Гимръ.—Возвращеніе въ Чиръ-Юртъ.—Гунибъ и взятіе Шамиля.—Гунибскій памятникъ.—Шамиль мирнымъ гостемъ въ Чиръ-Юртѣ.—Портретъ Шамиля, снятый графомъ Ностицемъ.—Проводы Шамиля отъ Чиръ-Юрта до Ташъ-Качу.—Сцены въ послѣднемъ аулѣ.—Замиреніе Чечни и Дагестана.

На другой день послѣ разгрома Назыра и Дольце наступила страстная суббота. Отрядъ возвратился на свою первоначальную стоянку у рѣчки

Джаги, разсчитывая получить вполнѣ заслуженный отдыхъ, и спокойно встрѣтить Свѣтлое Христово Воскресеніе; но эта мечта не осуществилась. Въ субботу еще до разсвѣта въ лагерь прискакало нѣсколько чеченцевъ, прося защитить ихъ отъ своеволія разбитыхъ наканунѣ тавлинцевъ Османа, которые, разсыпавшись по краю, грабили аулы и не позволяли имъ переселяться. «Ты разбилъ грознаго Османа,—говорили они:—такъ протяни же и намъ свою могущественную руку». Въ распоряженіи графа Ностица находилась въ то время только одна кавалерія; вся пѣхота размѣщена была по засѣкамъ, и въ лагерѣ оставались только двѣ слабыя роты Виленскаго полка. Итти въ дремучіе лѣса съ такими ничтожными силами было крайне рисковано, а съ другой стороны отклонить эту просьбу не представлялось удобнымъ, такъ какъ отказъ сразу подорвалъ бы къ намъ довѣріе цѣлаго народа. Выбирать, стало быть, было не изъ чего,—и графъ Ностицъ рѣшилъ итти съ тѣмъ, что было у него подъ рукою.

Драгуны уже сидѣли на коняхъ, когда на полянѣ, ближайшей къ нашему лагерю, показался батальонъ Кабардинскаго полка, съ бравымъ своимъ командиромъ, старымъ, израненнымъ кавказцемъ, маіоромъ Гейманомъ. Впереди его шла стрѣлковая рота, только что вооруженная нарѣзными ружьями съ пулями Минье, что было тогда новинкой еще для кавказскихъ войскъ. Батальонъ слѣдовалъ изъ колонны генерала Кемпферта и былъ посланъ на помощь къ графу Ностицу. Прибытіе его было какъ нельзя болѣе кстати. Но кабардинцы шли всю ночь, сдѣлали 50 верстъ безъ отдыха, и были крайне утомлены. «Братцы!—обратился къ нимъ графъ — нужно итти впередъ. Достанетъ ли въ васъ силы двигаться»? «Съ нашими кунаками Нижегородцами на край свѣта пойдемъ!» грянулъ дружный отвѣтъ. «Ведите куда нужно, пойдемъ припѣваючи». Сдѣлали короткій привалъ, подкрѣпили себя пищей, забравши все, что было у маркитантовъ, и черезъ часъ весь отрядъ уже втянулся въ дремучій лѣсъ, хорошо знакомый нашимъ войскамъ, такъ какъ изъ него въ былое время чаще всего стрѣляла шамилевская артиллерія. Между громадными чинарами этого лѣса не было даже кустовъ, которые тщательно вырубались чеченцами, чтобы дать возможность орудіямъ безпрепятственно выскакивать изъ Джагинскаго ущелья, считавшагося тогда еще неприступнымъ. Лѣсъ этотъ былъ пройденъ безъ выстрѣла, и передъ отрядомъ открылась огромная поляна, на которой стояли конныя толпы тавлинцевъ. Развѣвавшіеся большіе значки пока-

зывали, что здѣсь не одинъ, а нѣсколько наибовъ. Вся наша кавалерія съ мѣста устремилась на это скопище, которое повернуло назадъ и скрылось въ лѣсу; одно только конное орудіе и успѣло проводить ихъ картечью. Видя пораженіе тавлинцевъ, ободренные чеченцы встрѣтили ихъ въ лѣсу и пропустили сквозь строй своихъ выстрѣловъ. Второй день къ ряду не везло Осману. Длинными вереницами, на арбахъ, и вьюкахъ, стали выходить затѣмъ чеченцы изъ своихъ трущобъ, показывая, что у нихъ давно уже все приготовлено было къ переселенію. Кавалерія между тѣмъ пошла впередъ и, отойдя версты четыре, увидѣла курганъ, носившій громкое имя Шамиль-Шехана. Съ этой возвышенности видна почти вся большая Чечня до Ичкеріи, и Шамиль обыкновенно избиралъ это мѣсто наблюдательнымъ постомъ во время своихъ набѣговъ. Несмотря на свою усталость, кабардинцы лихо взошли на Шамиль-Шеханъ, гдѣ графъ Ностицъ приказалъ имъ тотчасъ устроить засѣку, и поручилъ маіору Гейману оставаться здѣсь до переселенія всѣхъ маіортуповцевъ, жителей нѣкогда богатаго и славнаго аула, давно уже уведеннаго въ горы Шамилемъ. Ободренные приходомъ нашихъ войскъ, маіортуповцы сами напали на тавлинцевъ, выгнали ихъ изъ ауловъ, и начали выходить со всѣми своими пожитками и семьями. Ликованіе было общее, и толпа около 2-хъ тысячъ человѣкъ еще до вечера двинулась къ своимъ прежнимъ роднымъ мѣстамъ, гдѣ было широко и привольно.

Оставивъ кабардинцевъ на Шамиль-Шеханѣ, начальникъ отряда со всею кавалеріей возвратился къ вечеру на свой бивуакъ у рѣчки Джаги, и тотчасъ послалъ донесеніе Евдокимову. «Поздравляю васъ—писалъ онъ:—съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій въ Большой Чечнѣ. Сегодня на курганѣ Шамиля окончилось владычество его, и отъ Басса до Ичкеріи Чечня покорена и приноситъ присягу Царю» (1).

Наступило Свѣтлое Христово Воскресеніе. Въ полночь всѣ офицеры собрались въ нарочно устроенный шатеръ и пропѣли «Христосъ Воскресе!» Командиръ полка подошелъ къ отбитому орудію и, приложивъ пальникъ, самъ сдѣлалъ первый салютаціонный выстрѣлъ. Въ отвѣтъ ему началась пальба со всѣхъ нашихъ засѣкъ по горамъ и ущельямъ. Нижегородцы, казаки и пѣхота весело разговлялись и пировали на полянкѣ близъ своего бивуака. Ночь была тихая; весна вступила въ свои права; но не прошло и часа, какъ сторожевые посты замѣтили пробиравшагося въ кустарникѣ какого-то всадника, окруженнаго татарами. Посты подняли тревогу, но

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

скоро все разъяснилось: таинственный гость былъ офицеръ, посланный генераломъ Кемпфертомъ, съ цѣлью узнать объ участи нашего отряда. Дѣло въ томъ, что въ теченіе послѣднихъ трехъ дней нельзя было посылать донесенія изъ отряда, вслѣдствіе небезопасности сообщеній, а это послужило поводомъ къ распространенію слуховъ, что весь отрядъ погибъ въ ущельѣ Джаги. Тревожная вѣсть повторялась настолько настойчиво, что генералъ Кемпфертъ, отправивъ, какъ мы знаемъ, на помощь къ графу Ностицу цѣлый батальонъ кабардинцевъ, вслѣдъ за нимъ выступилъ изъ Таузена и самъ съ цѣлымъ отрядомъ. Онъ расположился лагеремъ на плоскости у бывшаго аула Маіортупа и, услыхавъ ночью пушечные выстрѣлы, послалъ своего адъютанта узнать въ чемъ дѣло (²).

Не мало было удивленіе посланнаго, когда вмѣсто катастрофы онъ нашелъ веселый пиръ, и встрѣтилъ Свѣтлое Христово Воскресеніе въ странѣ уже мирной, покоренной Царю безъ пролитія тѣхъ потоковъ крови, которые искони лились въ ней. Къ полудню прибылъ и самъ Кемпфертъ. Онъ осмотрѣлъ всѣ засѣки, сооруженныя въ ущельѣ,—и въ виду изнуреннаго состоянія въ полку лошадей, вслѣдствіе тягостнаго зимняго похода по горамъ, назначилъ ему для отдыха стоянку на берегу Гудермеса. Графъ Евдокимовъ, находившійся тогда въ Ведено, собственноручнымъ письмомъ благодарилъ командира Нижегородцевъ за лихое дѣло въ ущельѣ Джаги, и несмотря на свою болѣзнь, и на значительный крюкъ, который приходилось ему сдѣлать отъ Маіортупа, гдѣ стоялъ отрядъ генерала Кемпферта, обѣщалъ посѣтить бивуакъ Нижегородцевъ на Гудермесѣ. Намѣреніе свое онъ исполнилъ, и вотъ что разсказываетъ графъ Ностицъ объ этомъ свиданіи. «Когда показался знакомый намъ всѣмъ значекъ графа Евдокимова, съ ребусомъ, какъ мы его называли, потому что на одной сторонѣ чернаго значка было нарисовано «крыло», а на другой читалось «Лѣвое»,—отрядъ выстроился на берегу Гудермеса, и громкимъ ура привѣтствовалъ покорителя Веденя. Генералъ съ трудомъ вышелъ изъ тарантаса; ноги были въ валенкахъ, и видно было что онъ страдалъ. Похристосовавшись, и поблагодаривъ отрядъ за молодецкую службу, онъ взошелъ вмѣстѣ со мною въ палатку и сталъ ее тщательно застегивать. Это меня крайне удивило, и я недоумѣвалъ о причинѣ такой предосторожности. Наконецъ палатка была застегнута; Евдокимовъ подошелъ ко мнѣ, обнялъ и сказалъ: «Тамъ, у войска, я съ вами христосовался, здѣсь же обнимаю васъ отъ души, чтобы выразить еще разъ благодарность за оказанную

мнѣ и главнокомандующему услугу. Послѣ донесенія моего, что Ведень палъ, и Чечня у ногъ царя,—еслибы въ этой Чечнѣ началась рѣзня, то это произвело бы весьма и весьма тягостное впечатлѣніе въ Петербургѣ. Не могъ я допустить мысли, что Османъ такъ долго будетъ сопротивляться. Узнавъ о его предпріимчивости, я послалъ противъ него моего помощника съ девятью батальонами. Кемпфертъ, конечно, справился бы съ тавлинцами и задушилъ Чечню, но что бы это ему стоило! Вы поняли это, и пораженіемъ Османа предупредили большую катастрофу». Онъ еще разъ обнялъ меня и перемѣнилъ разговоръ» (3).

Чрезъ нѣсколько дней Кемпфертъ получилъ предписаніе двинуться въ Ичкерію и приступить къ прокладыванію дороги къ Дарго. Большаго сопротивленія нельзя было ожидать, потому что всѣ отъ наиба до послѣдняго абрека упали духомъ, и хотя чинары покрылись уже листвой, но проведеніе просѣки представлялось дѣломъ легко выполнимымъ.

Пока пѣхота работала въ Ичкеріи, драгуны оставались на Гудермесѣ, и только 3-й дивизіонъ ушелъ въ Чиръ-Юртъ, а на смѣну его прибылъ первый, подъ командой полковника Барковскаго. По его словамъ, въ штабъ-квартирѣ полка было тоже не совсѣмъ покойно; партіи, собиравшіяся въ Салатавіи, нѣсколько разъ пытались напасть на лѣсной редутъ, чтобы угнать лошадей, и первому дивизіону приходилось нести довольно тяжелую кордонную службу. Нельзя было стоять оплошно и на самомъ Гудермесѣ. Шамиль, желая спасти Ичкерію, послалъ туда Кази-Магому съ приказаніемъ взять аманатовъ. Но ичкеринцы, давно уже желавшіе сбросить съ себя иго имама, сами извѣстили объ этомъ генерала Кемпферта, и графу Ностицу приказано было поспѣшно занять аулъ Гурдали. Быстрое появленіе драгунъ разстроило всѣ планы Кази-Магомы, и онъ едва успѣлъ ускакать съ своими мюридами. Вся Ичкерія выслала тогда депутатовъ, и 12-го мая на вершинѣ горы Котинъ-Кортъ принесла присягу на подданство. Остался не мирнымъ только аулъ Беной съ нѣсколькими хуторами, въ которыхъ поселились абреки. Этимъ отчаяннымъ головорѣзамъ нечего было терять, и они не торопились изъявленіемъ покорности. Ихъ оставили въ покоѣ, зная, что время само заставитъ ихъ подчиниться неизбѣжности.

Въ іюнѣ просѣка была наконецъ готова, и генералъ Кемпфертъ, собираясь итти въ Дарго, потребовалъ къ себѣ два эскадрона Нижегородцевъ. Графъ Ностицъ прибылъ съ 1-мъ дивизіономъ Барковскаго, и

тотчасъ пошелъ въ авангардѣ пѣхоты. Странно было проходить по этой, когда-то страшной Ичкеріи, стоившей намъ въ прежніе годы такъ много жертвъ, и теперь повсюду встрѣчавшей насъ съ хлѣбомъ и солью. Послѣ короткаго привала въ Дарго, пѣхота возвратилась назадъ, а графъ Ностицъ остался ожидать вечерней прохлады, чтобы напрасно не утомлять лошадей, съ ранняго утра находившихся подъ сѣдлами. Выступили около пяти часовъ пополудни, разсчитывая къ закату солнца быть въ лагерѣ у Кемпферта. Обстановка была совершенно мирная, а потому и принимать особыя предосторожности казалось лишнимъ. За авангардомъ, состоящимъ изъ одного взвода, ѣхали пѣсельники, и лихая кавказская пѣсня стоустнымъ эхомъ разносилась по горамъ и лѣсамъ Ичкеріи. Всѣ были въ веселомъ расположеніи духа, и никто не думалъ о грозившей опасности. Вдругъ изъ сосѣднихъ кустовъ грянулъ залпъ, и цѣлый рой пуль пролетѣлъ мимо офицеровъ; нѣкоторыя пробили значекъ, который везли за командиромъ полка. Капитанъ Конце, ѣхавшій рядомъ съ нимъ, упалъ съ лошади, смертельно раненный пулей въ животъ. Драгуны спѣшились; но начавшаяся перестрѣлка была скоро остановлена, потому что абреки уже скрылись. Выстрѣлы между тѣмъ услыхали въ Дарго, откуда прискакалъ офицеръ съ предложеніемъ выслать, въ виду поздняго часа дня, на помощь роту Куринцевъ. Драгуны съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали отвѣта своего командира. «Поблагодарите полковника Черткова за его любезное предложеніе,—сказалъ графъ Ностицъ присланному:—но Нижегородцамъ итти подъ охраной пѣхоты не подобаетъ; скажите ему, что съ моими молодцами я пройду всѣ кавказскія трущобы». Не успѣлъ графъ это вымолвить, какъ дивизіонъ грянулъ ура. «Благодаримъ ваше сіятельство, за доброе слово!»—послышалось въ рядахъ Нижегородцевъ. Тотчасъ устроили носилки для умирающаго Конце, раскинули пѣшія боковыя цѣпи, и двинулись дальше. Въ лагерь Кемпферта, благодаря этой задержкѣ, прибыли однако поздно, и здѣсь ночевали. Конце не пережилъ ночи, и къ утру скончался. Похоронили его возлѣ Хоби-Шавдонской башни, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ такъ часто сходились Нижегородскіе офицеры во время ихъ долгихъ и скучныхъ стоянокъ на этихъ высотахъ (4).

Съ окончательнымъ утвержденіемъ въ Черныхъ горахъ русскаго владычества, наступило время для движенія нашихъ войскъ въ Андію и Аварію, то-есть въ послѣднія земли, еще оставшіяся вѣрными своему имаму. Войска готовились двинуться туда изъ Чечни, Дагестана и съ

Развалины стараго Гуниба.

Новый Гунибъ.

Лезгинской кордонной линіи. Ожидали только пріѣзда главнокомандующаго, который возвращался изъ Петербурга, и долженъ былъ остановиться въ Грозной. Въ ожиданіи этого времени вся кавалерія графа Ностица передвинулась въ Шали, и расположилась на прекрасныхъ, обширныхъ полянахъ, предоставлявшихъ лошадямъ изобильный подножный кормъ. На этой позиціи на смѣну 2-го дивизіона изъ Чиръ-Юрта прибыли 5-й и 6-й эскадроны Нижегородскаго полка, подъ командою маіора Калмыкова. Съ дивизіономъ пришелъ обозъ, нагруженный парадной одеждой, форменными офицерскими сѣдлами и вальтрапами; но мундштуковъ не брали, и эскадроны должны были представиться главнокомандующему на трензелькахъ (5).

Изъ чиръ-юртовскихъ новостей много разсказывали тогда о сильной бурѣ, которая въ началѣ іюня едва не уничтожила плашкоутнаго сулакскаго моста. Изъ Чиръ-Юрта вызвали всю инвалидную роту, и только ея самоотверженію, и распорядительности командовавшаго ею капитана Зинченки обязаны тѣмъ, что мостъ остался не поврежденнымъ (6).

Въ Шали командиръ полка устроилъ великолѣпный праздникъ, на который пригласилъ всю свиту главнокомандующаго, ожидавшую пріѣзда князя въ Грозной. «Нижегородскій полкъ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ Инсарскій, стоялъ верстахъ въ десяти отъ Грозной, и всѣ мы на приглашеніе графа Ностица пустились туда верхами, пробуя по дорогѣ нашихъ походныхъ коней. Справедливость требуетъ сказать, что праздникъ былъ очень хорошъ: съ иллюминаціей, моремъ вина, пѣснями, добрымъ ужиномъ, качаньемъ на рукахъ, и со всею обстановкой, какой отличаются военные праздники на Кавказѣ» (7).

Наконецъ пріѣхалъ и князь Барятинскій. Проѣздомъ въ Дагестанъ, онъ посѣтилъ Шалинскій лагерь, и драгуны сопровождали его до Таузена, откуда 3-й дивизіонъ вернулся на свою стоянку, а 1-й, съ графомъ Ностицемъ, двинулся форсированнымъ маршемъ на Андійскій хребетъ, и присоединился къ главному Чеченскому отряду, расположенному на высотахъ у Андійскаго озера. На этой позиціи узнали, что Шамиль покинулъ Карату, и изгнанный самимъ народомъ изъ Койсубы и Аваріи, бѣжалъ въ Андалялъ. Лучшіе наибы его, знаменитые въ лѣтописяхъ Кавказской войны, какъ Даніель-султанъ, Кибитъ-Магома, Талгикъ и другіе, стали появляться въ русскомъ лагерѣ съ изъявленіемъ покорности. Странно было видѣть этихъ вождей мюридизма, имена которыхъ связывались со всѣми боевыми событіями, мирными гостями среди нашихъ войскъ; но самый фактъ этотъ

неотразимо свидѣтельствовалъ, что мюридизмъ палъ, и война могла почитаться оконченною. Отъ Андійскаго озера главнокомандующій продолжалъ свой путь подъ прикрытіемъ только 1-го дивизіона Нижегородскаго полка, полусотни казаковъ и туземной милиціи, подъ общею командой графа Ностица. Но и этотъ конвой, пожалуй, былъ лишнимъ. Слѣдованіе главнокомандующаго черезъ весь покоренный край имѣло видъ торжественнаго шествія, и жители съ своими старшинами сами провожали его отъ аула къ аулу. Такъ проѣхалъ онъ Чиркатъ, Ахульго и, наконецъ, Ашальты.

На послѣднемъ переходѣ случилось, однакоже, крайне непріятное происшествіе: вьюки главнокомандующаго отстали отъ поѣзда, проводникъ сбился съ дороги, и темная ночь захватила отрядъ въ то время, когда онъ поднимался отъ бушующего Койсу прямо на крутую гору по едва проходимой тропѣ, среди хаоса скалъ и разбросанныхъ камней. Вдобавокъ небо покрылось черными тучами, и разразилась страшная гроза. Одинъ изъ вьюковъ генерала Милютина сорвался въ пропасть и былъ поглощенъ разсвирѣпѣвшими волнами рѣки. Объ этомъ можно пожалѣть дѣйствительно, потому что вмѣстѣ съ вьюкомъ погибло много драгоцѣнныхъ бумагъ и записокъ, которыя велъ Д. А. Милютинъ ([8]).

Изъ Ашальтовъ поѣхали дальше на Унцукуль и Гимры въ Аварію; но такъ какъ войска лѣваго крыла не были назначены для осады Гуниба, то изъ Гимръ князь Барятинскій поѣхалъ далѣе уже съ дивизіономъ Сѣверскихъ драгунъ и милиціей, а графъ Ностицъ съ своими Нижегородцами возвратился черезъ Каранаевскія высоты въ Чиръ-Юртъ.

Нижегородскому полку не суждено было быть подъ Гунибомъ, гдѣ сказано было послѣднее слово кавказскихъ имамовъ,—слово, стряхнувшее съ народовъ тяжелую цѣпь мюридизма. Замѣчательна игра случая: при послѣднемъ моментѣ покоренія Кавказа не было двухъ старѣйшихъ кавказскихъ борцовъ—Нижегородцевъ и Кабардинцевъ. Безъ нихъ отданъ былъ Барятинскимъ его знаменитый приказъ на Кегерскихъ высотахъ:

«Воины Кавказа! Въ день моего пріѣзда, я призвалъ васъ къ стяжанію великой славы Государю нашему, и вы исполнили надежду его. Въ три года вы покорили Кавказъ отъ моря Каспійскаго до Военно-грузинской дороги». Драгуны читали этотъ приказъ у себя въ Чиръ-Юртѣ, гдѣ сосредоточены были первые два дивизіона, а третій все еще оставался въ Чечнѣ, въ ожиданіи развязки подъ Гунибомъ. Развязку, впрочемъ, пришлось ожидать не долго. «Шамиль взятъ. Поздравляю

Кавказскую армію»,—вотъ лаконическій, короткій, но много говорящій приказъ главнокомандующаго, отданный 26-го августа на высотахъ покореннаго имъ Гуниба. Тамъ, среди раскидистой березовой рощи, и до нынѣ сохраняемой, какъ историческій памятникъ великаго историческаго событія, вы увидите камень, на которомъ сидѣлъ главнокомандующій, принимая сдачу Шамиля, а на камнѣ—высѣченную лаконическую надпись: «1859 года 25-е августа, четыре часа пополудни».

Это годъ, день и часъ окончанія войны на Восточномъ Кавказѣ.

Въ началѣ сентября 1859 года Шамиль—повелитель горъ, имамъ Чечни и Дагестана, явился гостемъ Чиръ-Юрта. Онъ прибылъ изъ Гуниба въ сопровожденіи полковника Трамповскаго, который долженъ былъ доставить его въ Чугуевъ, гдѣ находился тогда государь. При плѣнномъ имамѣ былъ сынъ его Кази - Магома и нѣсколько приближенныхъ лицъ. Въ Чиръ-Юртѣ онъ жилъ три дня, и это долгое пребываніе было вызвано крайнею необходимостью одѣть прилично имама, у котораго была только изношенная черкеска, да разорванный бешметъ, такъ какъ всѣ вьюки Шамиля были отбиты и разграблены его же бывшими поклонниками. Всѣ славившіеся портные Дербента, Темиръ-Ханъ-Шуры и Кяфиръ-Кумыка были собраны въ Чиръ-Юртъ, гдѣ имъ отвели полковую швальню — и работа кипѣла. Какъ любезный хозяинъ, графъ Ностицъ старался доставлять развлеченіе своему именитому гостю, и замѣтивъ, что Шамиль любитъ музыку, всякій день во время завтраковъ, обѣдовъ и ужиновъ, приготовляемыхъ лучшими мѣстными татарскими поварами, заставлялъ играть трубачей. Самъ большой любитель свѣтописи, онъ показывалъ Шамилю также свои альбомы, и пояснялъ ихъ разсказами. Но живописная мѣстность Дагестана, Чечни или Закавказья мало интересовали Шамиля; онъ желалъ видѣть то, на что придется ему смотрѣть на сѣверѣ, и видъ европейскаго города, церкви, какого-нибудь многоэтажнаго дома, и въ особенности «шайтанъ-дороги», какъ онъ называлъ чугунку, съ ея паровозами, вагонами и дебаркадерами, заставляли его серьезно задумываться, и внимательно, подолгу разсматривать эти картины, точно онъ старался усвоить себѣ ихъ изображенія, чтобы потомъ ничему не удивляться.

«Не желалъ я—разсказываетъ графъ—выпустить Шамиля изъ моего дома, не снявъ съ него портрета, но два дня бушевалъ чиръ-юртовскій вѣтеръ и невозможно было приняться за работу. Наконецъ, уже въ

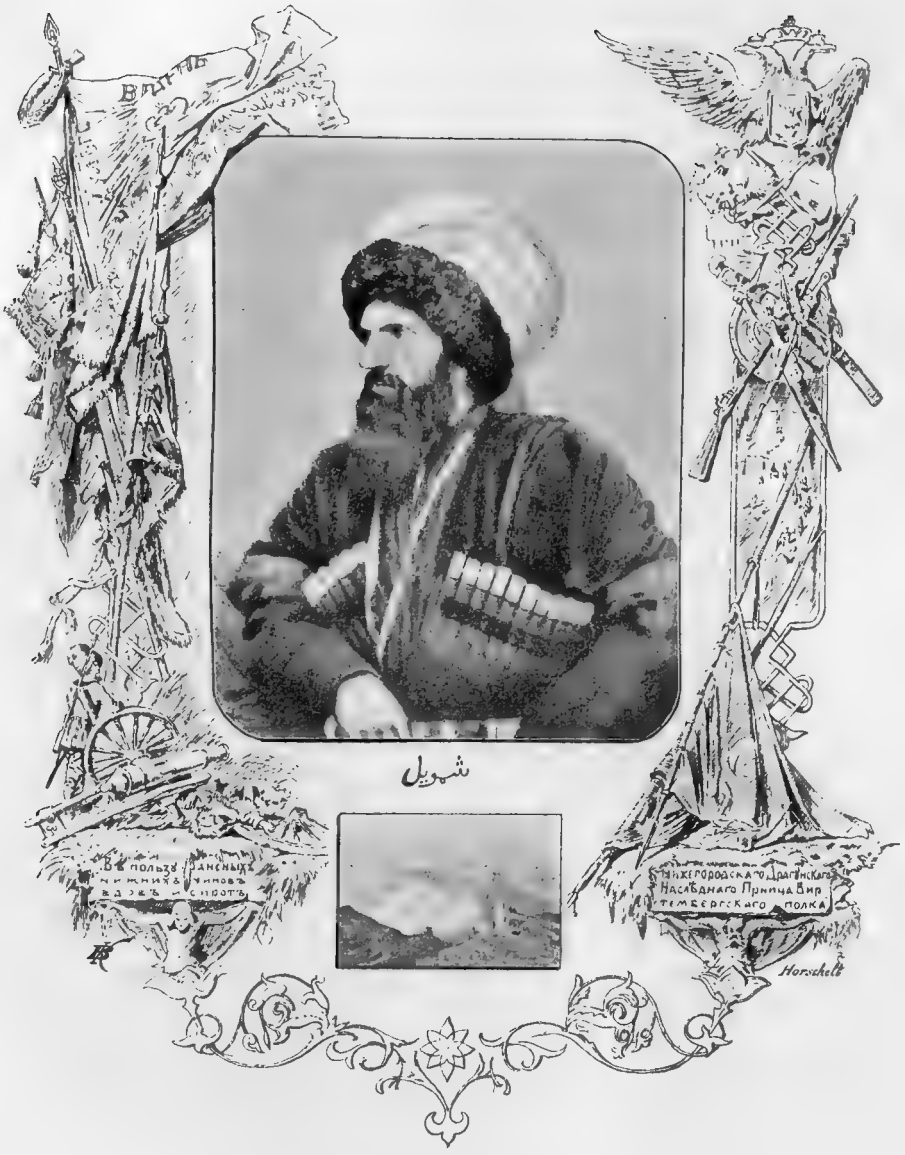
день отъѣзда вѣтеръ стихъ, и я спросилъ Шамиля не хочетъ ли онъ имѣть свой портретъ? Имамъ не понималъ въ чемъ дѣло, но желая сдѣлать угодное своему новому кунаку, который угощалъ его три дня, согласился и вошелъ въ садикъ, гдѣ находилась моя лабораторія. Съ нимъ были Кази-Магома и переводчикъ. Я усадилъ имама на стулѣ, прося его сидѣть неподвижно въ теченіе десяти секундъ,—тогда мгновенной свѣтописи еще не знали—и навелъ на него камеру съ большимъ объективомъ, который въ своей мѣдной оправѣ блестѣлъ на солнцѣ, какъ маленькое орудіе. Къ моей немалой досадѣ, Шамиль сидѣлъ неспокойно, тревожно оглядывался по сторонамъ, и, судорожно ворочаясь на стулѣ, то и дѣло брался за рукоятку кинжала. Работа не удавалась; нѣсколько разъ я возвращался въ мою лабораторію, чтобы заготовить новыя стекла, а время уходило, дормезъ князя Барятинскаго, присланный изъ Тифлиса, былъ заложенъ, конвой ожидалъ, и меня торопили, говоря, что переѣздъ, назначенный въ этотъ день, былъ далекій. Все это мѣшало мнѣ еще больше, но я уже рѣшилъ, что имамъ не покинетъ мою штабъ-квартиру, не оставивъ на стеклѣ своего изображенія, и не замѣчалъ совсѣмъ, что лицо Шамиля изображало далеко не дружелюбное ко мнѣ отношеніе, и что кинжалъ его былъ вытащенъ до половины. Принесъ я стекло,—опять неудача: нужно было заготовить новую пластинку; но на этотъ разъ, идя въ лабораторію, я случайно обернулся назадъ, и увидѣлъ передъ собой картину далеко не мирнаго характера: за кустами и каменной оградой моего мизернаго чиръюртовскаго садика стояли драгуны и держали ружья наготовѣ; штыки были примкнуты. Полковой адъютантъ, узнавъ, что я буду въ саду одинъ на одинъ съ Шамилемъ, да еще вооруженнымъ, вообразилъ, что я могу подвергнуться опасности, и, побѣжавъ въ первую казарму, вызвалъ штуцерныхъ (*). Ихъ размѣстили частію за оградой, а частію въ кустахъ, съ приказомъ не высовываться, но быть въ готовности, если случится что-нибудь недоброе. Драгуны были старослуживые; многіе изъ нихъ провели по десятку и болѣе лѣтъ на Кавказѣ, но никогда не видѣли Шамиля, а теперь случай представлялся такой удобный, что они мало-по-малу начали выползать изъ своей засады,—но ружья держали наготовѣ. Вотъ эта-то картина, не представлявшая ничего успокоительнаго, и смущала Шамиля. Я мгновенно удалилъ ихъ и извинился передъ имамомъ,

(*) Тогда въ каждомъ эскадронѣ полка было всего по 16-ти нарѣзныхъ ружей съ пулей Минье,—всѣ остальныя были гладкоствольныя, кремневыя.

который, понявъ, что было какое-то недоразумѣніе, сѣлъ смирно и далъ съ себя снять портретъ. Затѣмъ я ввелъ его въ лабораторію и проявилъ передъ нимъ пластинку, что очень поразило Шамиля, но онъ постарался скрыть свое удивленіе; за то сынъ его не выдержалъ и началъ плясать нѣчто въ родѣ лезгинки въ моей маленькой лабораторіи, высоко подымая руки. При каждомъ движеніи этого энтузіаста, мнѣ казалось, что онъ длинными рукавами своей черкески непремѣнно свалитъ на голову своего отца какую-нибудь азотную или сѣрную кислоту, и что Шамиль, взятый невредимымъ на высотахъ Гуниба, будетъ попорченъ въ моей лабораторіи. Въ темнотѣ я искалъ дверь, чтобы вытолкнуть Кази-Магому, но, какъ всегда бываетъ второпяхъ, я ручки не нашелъ и выломалъ дверь. Шамиль благодарилъ меня и, взявъ меня за руку, отвелъ въ сторону. —«У меня просьба къ тебѣ, сказалъ онъ: сдѣлай мнѣ портретъ моей любимой Шуанеты; она, вѣроятно, будетъ проѣзжать твою крѣпость, но я чую, что родичи ее въ Моздокѣ остановятъ, и я ея болѣе не увижу». «Она будетъ, вѣроятно, ночевать въ моемъ домѣ», отвѣчалъ я, «но она будетъ въ чадрѣ, и лица ея я не увижу». «Я дамъ ей письмо», отвѣтилъ Шамиль,— и этотъ автографъ имама долгое время сохранялся у меня въ бумагахъ.

Черезъ недѣлю Шуанета была въ Чиръ-Юртѣ, и я исполнилъ желаніе Шамиля. Потомъ, уже нѣсколько лѣтъ спустя, я встрѣтилъ Шамиля съ его семействомъ близъ Кіева на днѣпровскомъ пароходѣ; онъ ѣхалъ въ Мекку. Мы встрѣтились, какъ старые знакомые, и во время плаванья до Кременчуга вспомнили, между прочимъ, о пребываніи его въ Чиръ-Юртѣ и о моей фотографіи. «Я былъ увѣренъ», говорилъ мнѣ Шамиль, «что меня лишатъ жизни, и полагалъ, что тебѣ данъ приказъ разстрѣлять меня, — да и кто же могъ бы это лучше исполнить, какъ не командиръ «шайтанъ драгуновъ»? Къ тому же ты мнѣ сдѣлалъ новую одежу, а такъ поступали у насъ съ наибами, которыхъ я приказывалъ казнить,—ихъ всегда одѣвали во все лучшее и новое. Ты меня посадилъ на стулѣ въ уединенномъ саду, навелъ на меня маленькую пушку, и велѣлъ сидѣть смирно: я думалъ, что если ты не попадешь, то меня добьютъ, стоящіе въ десяти шагахъ, твои шайтаны—драгуны. Богъ спасъ тогда тебя; рука моя была еще сильна, и я готовъ былъ вонзить кинжалъ въ твою грудь. Убили бы меня, но и ты въ живыхъ не остался бы» (9).

Портретъ, сдѣланный въ Чиръ-Юртѣ графомъ Ностицемъ, былъ первымъ портретомъ имама. Онъ былъ отпечатанъ на большомъ листѣ,



Шамиль—имамъ Чечни и Дагестана.

(Съ фотографіи, снятой въ Чиръ-Юртѣ графомъ Ностицемъ).

а знаменитый Горшельдтъ украсилъ его своею прекрасной виньеткой; на правой сторонѣ портрета изображенъ двуглавый орелъ, осѣняющій своимъ крыломъ оружіе кавказскихъ горцевъ и ихъ поверженные значки; на лѣвой—штандартъ Нижегородскаго полка, значки отбитые драгунами, и пушка взятая на хуторѣ Дольце. Пушка поломана, и возлѣ нея характерная фигура Нижегородскаго драгуна. Внизу портрета видъ Гуниба и автографъ Шамиля. Все это роскошное изданіе пожертвовано было графомъ Ностицемъ въ пользу раненыхъ нижнихъ чиновъ, вдовъ и сиротъ Нижегородскаго полка.

Сцены, сопровождавшія отъѣздъ Шамиля изъ Чиръ-Юрта, были поразительны и трогательны со стороны народа. Падшій имамъ возбуждалъ у нихъ участіе. Всѣ вспоминали слова, сказанныя имъ князю Барятинскому: «Сардарь, я не внялъ твоимъ совѣтамъ,—прости и не осуждай меня. Я простой уздень, тридцать лѣтъ дравшійся за родину; но теперь народы мои мнѣ измѣнили, наибы мои разбѣжались, да и самъ я утомился борьбою. Я старъ, мнѣ 63 года. Поздравляю васъ съ владычествомъ надъ Дагестаномъ, и отъ души желаю Государю успѣха въ управленіи горцами для ихъ собственнаго блага».

До Хасавъ-Юрта Шамиля конвоировалъ 1-й дивизіонъ Нижегородскаго полка. По всей дорогѣ горцы при видѣ кареты, изъ которой виднѣлось хорошо знакомое имъ лицо имама, становились на колѣни и, поднимая руки, просили его благословенія. Въ Хасавъ-Юртѣ одинъ солдатъ, протѣснившись къ каретѣ, поцѣловалъ у Шамиля руку. Когда его спросили—зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? солдатъ отвѣчалъ: «Шамиль добрый человѣкъ. Когда я былъ въ плѣну, онъ насъ жалѣлъ: насъ обижали наибы, а тамъ, гдѣ онъ былъ самъ, намъ было хорошо, и мы завсегда его помнить будемъ». Отъ Хасавъ-Юрта въ конвой пошелъ 2-й дивизіонъ. Ходили тревожные слухи, заставлявшіе насъ серьезно призадумываться, что въ Ташъ-Кичу готовится мятежъ съ цѣлью убить имама. Самый мотивъ объяснили различно: одни припи сывали его мщенію ташкичинцевъ, такъ какъ между Шамилемъ и ими была кровь; другіе утверждали, напротивъ, что фанатики желаютъ лучше видѣть своего имама мертвымъ, чѣмъ въ рукахъ невѣрныхъ. Надо сказать, что Ташъ-Кичу, дѣйствительно, былъ аулъ исключительный: отъ его населенія вѣяло фанатизмомъ. Между его мечетями одна считалась священною, и къ ней сходились на поклоненіе изъ самыхъ далекихъ мѣстъ мусуль-

манскаго кавказскаго міра; даже горцы непокорныхъ намъ обществъ, рискуя головами, пробирались сюда для поклоненія тайкомъ въ темныя ночи. Одна изъ школъ этого аула пользовалась уваженіемъ между правовѣрными, какъ разсадникъ ученыхъ и проповѣдниковъ. Ташъ-Кичу для восточнаго Кавказа былъ тѣмъ же, чѣмъ былъ Самаркандъ для мусульманъ средней Азіи. Подъѣзжая къ Ташъ-Кичу, драгуны, дѣйствительно, увидѣли громадный аулъ, переполненный тысячами вооруженнаго народа. Драгуны плотно окружили коляску. Съ ея появленіемъ поднялись вопли и стоны, и народъ устремился къ имаму, чтобы поцѣловать хоть слѣдъ, оставленный на землѣ колесомъ его экипажа. Драгуны не безъ труда возстановили порядокъ и сдали плѣннаго гребенскимъ казакамъ [10].

3-го сентября оба дивизіона возвратились въ Чиръ-Юртъ, а 25-го пришли изъ Чечни и послѣдніе два эскадрона съ маіоромъ Калмыковымъ. Война окончилась. Послѣдними, какъ бы замиравшими звуками ея было извѣстіе, полученное въ Чиръ-Юртѣ, о торжественной встрѣчѣ намѣстника въ Тифлисѣ. Въ адресѣ, которымъ привѣтствовало побѣдителя Тифлисское дворянство, говорилось между прочимъ, что «народы закавказскіе привыкли встрѣчать своихъ героевъ—военачальниковъ, возвращающихся съ побѣдными лаврами, но событіе, которое совершилось теперь, безпримѣрно въ лѣтописяхъ Кавказа. Оно имѣетъ народное значеніе. Умиротвореніемъ Чечни и Дагестана исполнилось обязательство, данное Россіею передъ цѣлымъ міромъ, когда Грузія, опустошенная, и изнуренная нашествіемъ сильныхъ враговъ, поступила въ ея подданство, съ теплою вѣрою пріобрѣсти въ отечествѣ своемъ миръ и спокойствіе. Теперь это святое предназначеніе Россіи совершилось: вѣковая борьба прекращена; тысячи людей, уведенныхъ въ плѣнъ, возвращаются въ свои семейства; миръ и спокойствіе прочно водворятся тамъ, гдѣ искони вѣковъ, для земледѣльца, плугъ былъ неразлученъ съ оружіемъ». Когда въ Петербургъ пришло извѣстіе о взятіи Шамиля, Государь въ собственноручномъ рескриптѣ на имя князя Барятинскаго начерталъ слѣдующія памятныя слова: «Слава Тебѣ Господи. И честь, и слава тебѣ и нашимъ кавказскимъ молодцамъ». Князю Барятинскому пожалованы были ордена св. Георгія 2-го класса и Андрея Первозваннаго, а графъ Евдокимовъ назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ [11]. Въ память покоренія Восточнаго Кавказа тогда же учреждена для войскъ особая серебряная медаль съ вензелевымъ изображеніемъ имени императора Але-

ксандра II-го для ношенія на соединенной лентѣ орденовъ св. Георгія и Александра Невскаго, какъ знакъ военныхъ успѣховъ, наряду съ заслугами, оказанными дѣлу мирнаго, гражданскаго развитія побѣжденнаго края (12).

Памятникъ на Гунибѣ.

Ханская станица.

III.

Нижегородцы противъ Шапсуговъ.

(1860 г.).

Чиръ-Юртъ по окончаніи войны.—Переходъ полка на правое крыло.—Встрѣча съ Шуанетой. — Проводы Барковскаго. — Тихорѣцкъ. — Нижегородцы въ Шапсугскомъ отрядѣ.—Бивуачныя развлеченія.—Первый походъ и впечатлѣніе его на Нижегородцевъ.—Первая встрѣча съ шапсугами.—Отрѣзанныя головы.—Постройка Ильскаго укрѣпленія, и наши дѣйствія на Илѣ. — Нижегородцы въ колоннѣ у Левашова.—Назначеніе двухъ дивизіоновъ въ главный, и одного въ Средне-шапсугскій отряды.—Дѣйствія главнаго отряда на Афипсѣ, и переходъ на Шебжу.—Графъ Ностицъ назначается флигель-адъютантомъ. — Долина Шебжа. — Григорьевское укрѣпленіе.—Горшельдтъ.—Дѣло 7-го августа въ ущеліи Афипса.—Поручикъ Махатадзе и маленькая плѣнница.—Набѣги изъ Григорьевскаго.—1-й дивизіонъ въ Средне-шапсугскомъ отрядѣ.

Съ сентября мѣсяца 1859 года боевая дѣятельность Нижегородскаго полка прекращается. Графъ Ностицъ, находившійся все время въ экспедиціяхъ и почти цѣлый годъ не видавшій своей штабъ-квартиры, естественно долженъ былъ обратить теперь вниманіе на внутрен-

нее состояніе полка и на его хозяйство. Изъ распоряженій, послѣдовавшихъ за это время, одно обращаетъ на себя особое вниманіе— это забота графа Ностица о сохраненіи Караагачскаго лѣса, истреблявшагося до сихъ поръ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Лѣсъ принадлежалъ князьямъ Казанолиповымъ и, какъ частная собственность, заслуживалъ большаго вниманія, чѣмъ то, которое удѣлялось ему до настоящаго времени. Теперь, въ первый разъ со времени прихода полка на Сулакъ, были учреждены для рубки его болѣе стѣснительныя, но за то и болѣе раціональныя правила: весь лѣсъ раздѣленъ былъ на 30 участковъ и работать позволялось ежегодно только въ одномъ изъ нихъ, а остальные отдыхали. Лѣсное хозяйство, о которомъ теперь такъ много пишутъ, тогда примѣнено было едва ли не въ первый разъ на Кавказѣ (1). Кругомъ Чиръ-Юрта царило ничѣмъ не возмутимое спокойствіе, и тамъ, гдѣ еще недавно ходили оказіи съ пушками, теперь мчалась лихая русская тройка съ колокольцами подъ дугою, и съ ухорскимъ ямщикомъ на облучкѣ. Боевому Нижегородскому полку въ замиренномъ краѣ нечего было дѣлать. Здѣсь онъ отслужилъ свою службу. Но было еще мѣсто на обширномъ Кавказѣ, гдѣ кипѣла война, и туда, т. е. на правое крыло Кавказской арміи, и былъ отправленъ Нижегородскій полкъ въ суровую зиму 1860 г. Онъ выступилъ изъ Чиръ-Юрта 5-го февраля, въ страшные морозы, когда снѣговые метели были такъ сильны, что нѣсколько разъ пришлось измѣнять маршрутъ и дѣлать дневки тамъ, гдѣ ихъ не предполагали (2).

Проходя черезъ Моздокъ, графъ Ностицъ узналъ, что Шуанета, жена Шамиля, которую онъ принималъ у себя въ Чиръ-Юртѣ, живетъ здѣсь у родственниковъ, и пошелъ навѣстить ее (*). Шуанету онъ засталъ въ слезахъ. «Вотъ уже третій мѣсяцъ», жаловалась она, «какъ мои родные не даютъ мнѣ покоя; они желаютъ окрестить меня снова, чтобы навсегда разлучить съ моимъ мужемъ. Это моральная пытка. Я мужа моего никогда не оставлю. Когда онъ былъ въ славѣ и величіи, я была вѣрною его женою; теперь же, когда онъ въ несчастіи, когда его плѣннаго повезли далеко на сѣверъ, покинуть его было бы безчестно. Какъ въ радости, такъ и въ горѣ я хочу раздѣлить его судьбу».

Графъ позвалъ къ себѣ ея старшаго родственника. «Завтра», ска-

*) Шуанета - армянка, бывшая воспитанница Ставропольскаго института, была похищена близъ Моздока партіей чеченцевъ на возвратномъ пути изъ института къ родителямъ. Сестра ея была выкуплена, а Шуанета полюбила Шамиля, перешла въ исламъ и сдѣлалась женой имама.

залъ онъ ему категорически, я въ 10 часовъ утра буду съ полкомъ на полъ-пути къ слѣдующей станицѣ, и если Шуанета не обгонитъ меня къ этому времени, я возвращусь въ Моздокъ, и прикажу на почтовыхъ отправить васъ въ Тифлисъ съ письмомъ моимъ къ князю Барятинскому». Эта угроза привела въ смятеніе весь домъ, но за то на другой день кибитка, въ которой сидѣла Шуанета, на второй верстѣ уже обогнала полкъ. Ностицъ остановилъ сани, и убѣдившись, что ребенокъ и прислуга ея находятся при ней, пожелалъ ей добраго пути. Шуанета благодарила его со слезами. Когда кибитка тронулась, онъ скомандовалъ полку «смирно!»—и Нижегородскій полкъ отдалъ честь достойной женѣ своего врага, бывшаго грознаго имама Чечни и Дагестана (3).

Въ Екатериноградѣ Нижегородцы простились съ однимъ изъ своихъ старѣйшихъ товарищей, полковникомъ Барковскимъ, который былъ назначенъ командиромъ Тверского драгунскаго полка, расположеннаго на Кубани, въ станицѣ Ильинской: Барковскій 30 лѣтъ не снималъ съ себя нижегородскаго мундира. Онъ прибылъ въ полкъ въ кандалахъ, ссыльнымъ, обездоленнымъ юношей, и покидалъ его уже старикомъ, всѣми уважаемый и всѣми любимый. Его считали патріархомъ полка и уважали его за честность и доброе, отзывчивое сердце. Никогда не забуду,—говоритъ одинъ изъ современниковъ,—какъ передъ своимъ отѣздомъ въ Ильинскую, онъ всѣхъ насъ повелъ въ ограду Екатериноградскаго собора на могилу Круковскаго, долго молился на ней, и потомъ сказалъ: «Подражайте ему, друзья мои, во всемъ, и вашу могилу съ такимъ же благоговѣніемъ и любовью будутъ посѣщать ваши товарищи» (4).

Въ Ставрополѣ узнали, что штабъ-квартира полка назначена въ станицѣ Тихорѣцкой, 1-й бригады Кавказскаго казачьяго войска, расположенной почти на границѣ съ землею черноморскихъ казаковъ. Теперь Тихорѣцкъ, стоящій въ углѣ желѣзныхъ дорогъ, людное, и годъ отъ году богатѣющее торговое мѣстечко, а тогда и самъ онъ, и окружающія его станицы представляли собою одно изъ самыхъ глухихъ кубанскихъ захолустій. 18-го марта полкъ прибылъ на мѣсто, и эскадроны разошлись по станицамъ. 1-й дивизіонъ, подполковника Макарова, расположился при штабѣ полка; 2-й, полковника Кишинскаго, въ станицѣ Новорождественской, и 3-й, подполковника Калмыкова, въ Новодонской. Устроивъ полкъ на новыхъ квартирахъ, графъ Ностицъ уѣхалъ въ шестинедѣльный отпускъ, поручивъ командованіе полкомъ старшему по себѣ

штабъ-офицеру Кишинскому. 2-й дивизіонъ принялъ капитанъ князь Амилахвари.

Не успѣли, что называется, еще оглядѣться на новыхъ мѣстахъ, какъ полкъ 18-го апрѣля потребовали уже въ главный Шапсугскій отрядъ, собиравшійся на лѣвомъ берегу Кубани, подъ начальствомъ генерала Филипсона, командовавшаго войсками праваго фланга. Ближайшая цѣль эспедиціи заключалась въ томъ, чтобы проникнуть въ землю воинственныхъ Шапсуговъ, и занять въ ней опорный пунктъ, откуда отрядъ могъ бы постепенно распространять свои дѣйствія во всѣ стороны враждебнаго края. Такимъ именно пунктомъ являлся аулъ Кабаницы, расположенный на рѣчкѣ Иль, въ центрѣ самаго густого шапсугскаго населенія.

25-го апрѣля войска перешли Кубань и двинулись на Кабаницы. Нижегородскому полку приказано было прикрывать обозы. По сторонамъ ихъ раскинули густыя цѣпи. Шли съ такою осторожностью, что при появленіи даже маленькой партіи колонна останавливалась и строилась; все это было чрезвычайно утомительно. Нижегородцы, привыкшіе въ лѣсной войнѣ смотрѣть на поляны, какъ на мѣсто отдыха, гдѣ никто не осмѣливался ихъ потревожить, недоумѣвали, что такое кругомъ нихъ происходитъ. «Это вамъ не чеченцы,—говорили имъ въ назиданіе:—эти сейчасъ въ шашки кинутся». «Ну, такъ что жь? Слава Богу, что кинутся, и мы кинемся», возражали драгуны. «Попробуйте», отвѣчали имъ съ усмѣшкою.

Драгуны рѣшительно не понимали въ чемъ дѣло, и какой-то острякъ тутъ же сложилъ пѣсню:

Насъ Шапсугами пугаютъ,
Говорятъ, что сорванцы.
Но и мы-то – кто жь такіе?
Нижгородцы молодцы!
Ахъ ты полкъ, ты нашъ кормилецъ,
Славу мы твою поемъ;
Командиръ у насъ любимецъ—
Съ нимъ нигдѣ не пропадемъ! (5)

И, дѣйствительно, ближайшее знакомство съ шапсугами было не за горами.

Пробило уже три часа пополудни, когда обозы присоединились, наконецъ, къ главному лагерю, и Нижегородцамъ съ мѣста пришлось итти на фуражировку. Назначено было по полуэскадрону отъ каждаго

НАИБЫ ШАМИЛЯ.

1. Магометъ-Аминъ.
2. Даніель-султанъ Елисуйскій.
3. Кади-Магома.
4. Талгикъ Аргунскій.
5. Идиль Веденскій.
6. Дуба.
7. Хамзатъ.
8. Батуко-Шатоевскій.
9. Эски-Хулхулинскій.
10. Са-Ду Мичикскій.
11. Мирза Хазьяо (письмоводитель Шамиля).

эскадрона, подъ начальствомъ князя Амилахвари. Прошли верстъ пять, какъ начался маленькій кустарникъ, среди котораго бѣжала горная рѣчка, а кругомъ колосилась прекрасная пшеница. Наѣздники раскинули цѣпь, и подъ ихъ прикрытіемъ драгуны начали косить и вязать огромные вьюки. Вдругъ изъ-за кустовъ показалась большая конная партія. «Вьюки долой! Садись!» крикнулъ Амилахвари. Полуэскадроны выстроились. Черкесы между тѣмъ надвигались быстро, и въ цѣпи завязалась уже перестрѣлка. Амилахвари тронулъ эскадроны впередъ, но въ тотъ моментъ, какъ онъ готовъ уже былъ перейти въ карьеръ,—со стороны лагеря показалось большое движущееся облако пыли. Неслась вся кавалерія, и впереди генералъ Рудановскій. «Стой! стой! Назадъ, назадъ!» кричалъ онъ, махая руками, и нагнавъ Амилахвари, приказалъ какъ можно скорѣй забрать накошенный хлѣбъ и убираться въ лагерь. Его удивила попытка Нижегородцевъ схватиться въ рукопашную.

На другой день послѣ этой встрѣчи, черкесы, пріѣзжавшіе въ лагерь, съ любопытствомъ разспрашивали, что это за драгуны, которыхъ они никогда не видѣли,—гдѣ они были прежде? Имъ объяснили, что они воевали съ чеченцами, и взяли въ плѣнъ Шамиля. Шапсуги переглянулись между собою и заговорили разомъ: «О-о! Шамиль драгунъ, кирмизъ драгунъ! Слышали, слышали!»—и названія кирмизъ драгунъ (красные драгуны) съ того дня такъ и утвердилось за Нижегородцами (6).

Самые Кабаницы,—цѣль нашего похода, былъ занятъ безъ боя, если не считать небольшихъ перестрѣлокъ въ боковыхъ цѣпяхъ. Это былъ большой аулъ, совсѣмъ не похожій на то, что драгуны привыкли видѣть на лѣвомъ флангѣ. Онъ тянулся верстъ на шесть, и потребовалось нѣсколько дней, чтобы его совершенно очистить отъ непріятеля. Наконецъ 9-го мая, когда въ окрестныхъ лѣсахъ проложены были просѣки, обезпечившія сообщенія съ Кубанью, а въ самомъ центрѣ аула выросло большое укрѣпленіе, названное Ильскимъ, войска двинулись дальше, и заняли урочище, носившее названіе Эмпехіако. Съ главнымъ отрядомъ пришли только два первые дивизіона Нижегородскаго полка, а 3-й остался въ Кабаницахъ для прикрытія нашего тыла.

На этой позиціи, съ такимъ мудренымъ названіемъ, лагерь Шапсугскаго отряда посѣтилъ начальникъ главнаго штаба Кавказской арміи генералъ-адъютантъ Милютинъ, для встрѣчи котораго ходилъ 2-й дивизіонъ Нижегородскаго полка съ четырьмя орудіями казачьей артиллеріи. По

пути непріятель все время велъ перестрѣлку, и въ 3-мъ эскадронѣ былъ раненъ прапорщикъ Гизети, командовавшій правою цѣпью.

Во время пребыванія въ лагерѣ Милютина случился одинъ эпизодъ, который опять заставилъ говорить о Нижегородцахъ.

17-го мая, когда очередная колонна рубила лѣсъ по рѣкѣ Убину, 2-й дивизіонъ, подъ командой князя Амилахвари, стоялъ въ резервѣ за рабочими. Послѣ обѣда пріѣхалъ генералъ Рудановскій. Онъ осмотрѣлъ работы, какъ всегда кипятился (*), шумѣлъ, и только подъ вечеръ уже отправился обратно въ лагерь, сопровождаемый сотнею Лабинскаго линейнаго казачьяго полка. Князь Амилахвари замѣтилъ однако, что почти одновременно съ Рудановскимъ потянулась стороною большая партія, которая скоро пустилась вскачь и скрылась изъ виду. Амилахвари сталъ внимательно слѣдить за тѣмъ, что будетъ дальше, а между тѣмъ приказалъ драгунамъ приготовиться. Дѣйствительно, не прошло и получаса, какъ въ той сторонѣ, куда пошелъ Рудановскій, послышалась страшная перестрѣлка. Крикнувъ «Садись!» Амилахвари, не теряя времени, понесся на выручку, и подоспѣлъ въ ту минуту, когда сотня, спустившись въ лѣсистую балку, была внезапно атакована огромною партіею. Сотня однако не дрогнула, и руководимая молодыми, но уже опытными кавказскими офицерами, какъ графъ Воронцовъ-Дашковъ, Шереметевъ, князь Щербатовъ (*) и другими—сама бросилась въ шашки. Но абадзеховъ было много, и положеніе сотни могло бы стать отчаяннымъ, если бы не подоспѣлъ Амилахвари съ своимъ дивизіономъ. При одномъ видѣ несущихся «кирмизъ-драгунъ», горцы бросили казаковъ и разсыпались въ разныя стороны (7).

Другимъ эпизодомъ было довольно жаркое дѣло 18-го мая во время рубки лѣса по берегамъ Убина. Въ этихъ лѣсахъ разбросано было много ауловъ, которые надо было сжечь, а шапсуги упорно ихъ защищали. 1-й и 3-й дивизіоны Нижегородскаго полка были спѣшены и дѣйствовали стрѣлковыми цѣпями, а наѣздники подъ командой поручика князя Баратова имѣли даже лихую кавалерійскую стычку, и привезли съ собою нѣсколько шапсугскихъ головъ. Въ Чечнѣ и Дагестанѣ драгуны обыкно-

(*) За свой кипучій нравъ Рудановскаго называли на Кавказѣ «Самоваръ-пашею».

(*) Графъ Воронцовъ-Дашковъ и Шереметевъ—тогда флигель-адъютанты, были прикомандированы къ линейному казачьему войску, а князь Щербатовъ служилъ поручикомъ въ Нижегородскомъ полку и находился ординарцемъ у генерала Рудановскаго.

венно привозили эти головы, какъ доказательство, что стычка была рукопашная, и по количеству головъ судилось даже о важности самого дѣла. Выступая на правый флангъ, Нижегородцы захватили съ собою свои обычаи, и вотъ, нарубивъ при первомъ удобномъ случаѣ 6—7 головъ, они привезли ихъ въ лагерь, и вытряхнувъ изъ саквъ, поставили по ранжиру передъ ставкой начальника отряда. Къ величайшему ихъ удивленію, Рудановскій не только не принялъ головъ, а еще прочелъ имъ внушительную нотацію, объявивъ, что такъ поступать на правомъ флангѣ совсѣмъ не годится, и что тѣла должны доставляться въ полной сохранности, такъ какъ за каждое изъ нихъ горцы платятъ по двѣ пары быковъ. Подивились наши драгуны такой меркантильной расчетливости, но такъ какъ въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ, то и они стали сдавать отбиваемыя тѣла въ особый складъ, помѣщавшійся на самой линіи передовыхъ постовъ, подъ охраною казачьяго пикета. О каждой новой парѣ быковъ, подгоняемой для мѣны, пикетъ обыкновенно извѣщалъ отрядъ трубнымъ звукомъ, и части, которымъ принадлежали тѣла, высылали пріемщиковъ. Самый обрядъ совершался всегда съ мрачною торжественностью. Искомый мертвецъ бережно завертывался горцами въ бурку, какъ кукла, перетягивался ремнями, и взваливался поперекъ сѣдла на колѣни къ ближайшему родственнику, сидѣвшему уже на лошади. Затѣмъ, не проронивъ ни слова, горцы удалялись во свояси шагомъ, чинно и спокойно, такъ какъ у всѣхъ кавказскихъ племенъ, а у черкесовъ въ особенности, выказывать наружу волнующія человѣка ощущенія считалось недостойнымъ мужчины ([8]).

Вскорѣ послѣ этого дѣла, 23-го мая генералы Милютинъ и Филипсонъ уѣхали въ Тифлисъ, и начальство надъ отрядомъ перешло къ Рудановскому, который въ тотъ же день съ большею частью войскъ покинулъ Иль и перешелъ на слѣдующую рѣчку—Афипсъ. Нижегородскій полкъ остался у Эмпехіако въ колоннѣ полковника Левашова.

Расположившись на высокомъ пригоркѣ подъ тѣнью старыхъ могучихъ дубовъ, колонна Левашова проводила время сравнительно спокойно. По вечерамъ въ лагерѣ играла даже музыка, а потомъ, когда догорала заря, и сумерки смѣнялись свѣтлою лунною ночью, кругомъ начинали заливаться соловьи, точно гдѣ-нибудь въ мирномъ деревенскомъ затишьи. Но едва мысль, не знающая пространства, уносилась куда-нибудь въ тихую безмятежную даль малороссійскаго хутора, какъ выстрѣлъ подкравшагося

горца возвращалъ мечтателей къ дѣйствительности. Утро окончательно разсѣивало иллюзіи; изъ лагеря выступала конница съ пушками, а за нею тянулись длинныя колонны пѣхоты,—и все это по росистой, еще не просохшей травѣ, черезъ густыя заросли, направлялось къ лѣсамъ и ауламъ, обреченнымъ на всесожженіе. Начиналось обыкновенно съ того,

Кухни шапсугскаго отряда.

что артиллерія обстрѣливала кругомъ значительное пространство, точно очерчивала волшебный кругъ, черезъ который не смѣла переступить вражеская сила, а затѣмъ разставлялась цѣпь, и солдаты принимались за свою всеистребляющую работу. Такъ шли дѣла до 27-го мая, когда Нижегородскій полкъ, вызванный на Афипсъ въ главный отрядъ Руда-

новскаго, участвовалъ съ нимъ въ рекогносцировкѣ, а на ночь возвратился опять къ Левашову. Отсутствіе его изъ отряда, однакоже, было замѣчено, и передъ вечеромъ партія шапсуговъ кинулась на скотъ, чтобы угнать его съ водопоя. Стада оказались, впрочемъ, подъ охраной пѣхоты, и шапсуги хотя не имѣли успѣха, но и не понесли никакой потери. Драгуны очень сожалѣли, что ихъ задержали въ отрядѣ Рудановскаго на нѣсколько лишнихъ часовъ,—иначе они какъ разъ поспѣли бы къ дѣлу, и шапсугамъ, конечно, не пришлось бы тогда отдѣлаться такъ дешево. Этимъ эпизодомъ и закончилась стоянка у Эмпехіако. 29-го мая колонна Левашова, съ 1-мъ дивизіономъ Нижегородскаго полка, перешла обратно къ Ильскому редуту, образовавъ Средне-шапсугскій отрядъ, а 2-й и 3-й дивизіоны Нижегородцевъ поступили въ главныя силы (9).

На Афипсѣ въ то время происходила вырубка лѣса, и 2-му дивизіону на слѣдующій же день, 30-го мая, довелось прикрывать рабочихъ. На этотъ разъ шапсуги, собранные въ значительныхъ силахъ, внезапно бросились на нашу правую цѣпь. Но пока Гейманъ съ кабардинцами и подполковникъ графъ Гауке (*) съ Ставропольскимъ батальономъ отбивались огнемъ и штыками, 2-й дивизіонъ Нижегородцевъ, скрытно пробравшись лѣсными тропами, вдругъ кинулся на шапсуговъ съ тыла. Подъ этимъ ударомъ горцы понеслись назадъ, и, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько тѣлъ, укрылись въ оврагѣ. Наѣздники, подъ командой поручиковъ князя Вахвахова и Махотадзе, неотступно сидѣвшіе на плечахъ бѣгущихъ, также устремились было за ними въ ту же лѣсистую балку, но ихъ отозвали, такъ какъ отрядъ возвращался въ лагерь. Въ этомъ бою у Нижегородцевъ раненъ поручикъ князь Чавчавадзе пулею въ ногу, и выбыло изъ строя 11-ть нижнихъ чиновъ.

Наконецъ просѣки по Афипсу были окончены, и войска перешли на третью рѣчку — Шебжъ, гдѣ предполагалось поставить укрѣпленіе Григорьевское. Переправа черезъ Шебжъ, 7-го іюня, сопровождалась жаркимъ боемъ и стоила намъ значительной потери. Въ числѣ убитыхъ находился Кабардинскаго полка прапорщикъ князь Грузинскій, родной братъ нашего нижегородца, погибшаго подъ Карсомъ. Ему также было

(*) Это тотъ Гауке, который черезъ три года является однимъ изъ выдающихся дѣятелей на сценѣ Польскаго возстанія, подъ именемъ генерала Боссака, начальника народныхъ силъ Краковскаго и Сандомірскаго воеводствъ.

20 лѣтъ отъ роду, и онъ также убитъ на повалъ пулею въ сердце. Въ числѣ особенно отличившихся реляція называетъ прапорщика Нижегородскаго полка князя Щербатова, находившагося ординарцемъ при Рудановскомъ (10).

На эту позицію вернулся изъ отпуска командиръ Нижегородскаго полка графъ Ностицъ, — и вернулся уже флигель-адъютантомъ, «обязанный этимъ высокимъ отличіемъ», — какъ свидѣтельствуетъ онъ самъ въ приказѣ по полку отъ 18-го мая, — «славнымъ и извѣстнымъ цѣлой Россіи подвигамъ Нижегородскаго полка». Вотъ что говоритъ онъ въ своихъ запискахъ: «Имѣя шестинедѣльный отпускъ по семейнымъ дѣламъ, я отправился я въ Москву повидаться съ моею невѣстой, дѣвицей Раевской, внукой славнаго боеваго генерала двѣнадцатаго года, съ которой былъ обрученъ до отъѣзда моего на Кавказъ (*). Изъ Москвы проѣхалъ я въ Петербургъ, и въ качествѣ кавалера св. Георгія, имѣлъ счастіе представляться государю императору. Это случилось наканунѣ дня рожденія государя. Его величество обнялъ меня, благодарилъ за мою боевую службу, и между прочимъ сказалъ: «Барятинскій тобою доволенъ. Онъ говорилъ мнѣ, что ты лихо показалъ себя во многихъ дѣлахъ. Я вижу, что ты достойный командиръ моихъ молодцовъ-Нижегородцевъ. Я доволенъ, что ты идешь по стопамъ твоего отца, котораго императрица, матушка моя, называла храбрымъ Ностицемъ. Дѣйствительно, онъ этимъ и былъ». «Какъ выразить то,—говоритъ въ своихъ запискахъ Ностицъ,—что я въ это время чувствовалъ! Слезы, которыя показались на глазахъ, однѣ были отвѣтомъ на милостивыя слова нашего Царя-освободителя. На другой день я былъ назначенъ флигель-адъютантомъ» (11).

Военныя дѣйствія на Шебжѣ начались 13-го іюня съ занятія нами урочища Ханмезыкъ, гдѣ предполагали поставить Григорьевское укрѣ-

*) Супруга графа Ностица, графиня Александра Александровна, была дочерью Александра Николаевича, старшаго сына Раевскаго. Нельзя не обратить вниманіе, что дѣдъ ея, герой Смоленска и Бородина, въ исходѣ прошлаго столѣтія командовалъ Нижегородскимъ полкомъ, тогда только что прибывшимъ на Кавказъ, въ Георгіевскъ. Тѣмъ же полкомъ, спустя 30 лѣтъ, въ Карагачѣ командовалъ сынъ его, родной дядя графини Александры Александровны, Николай Николаевичъ, доставившій полку первые георгіевскіе штандарты во время славныхъ Паскевичевскихъ войнъ, и, наконецъ, сама Александра Александровна вышла замужъ, тоже спустя 30 лѣтъ, за командира Нижегородскаго полка графа Ностица, при которомъ и совершилось покореніе Восточнаго Кавказа, доставившее полку еще небывалое въ русской арміи отличіе—георгіевскія петлицы на воротники мундировъ нижнихъ чиновъ. Замѣчательно также, что какъ оба Раевскіе, такъ и графъ Ностицъ—всѣ трое во время службы въ Нижегородскомъ полку, получили георгіевскіе кресты.

пленіе. Сильная непріятельская партія шла по ту сторону рѣчки и вела перестрѣлку съ наѣздниками 2-го и 3-го дивизіоновъ, которые не подпускали ее близко къ отряду *). Урочище между тѣмъ было осмотрѣно, мѣсто подъ укрѣпленіе выбрано, и войска возвратились въ лагерь съ ничтожною потерею. Этою экспедиціею и закончилось пребываніе 3-го дивизіона въ шапсугскомъ отрядѣ, такъ какъ на другой день онъ былъ отправленъ въ станицу Новодонецкую, чтобы заготовить фуражъ для полка на цѣлую зиму. Въ отрядѣ остался только 2-й дивизіонъ, который вмѣстѣ съ другими войсками и участвовалъ въ заложеніи Григорьевскаго.

Съ постройкой этого укрѣпленія можно было сказать, что пройденное нами пространство непріятель терялъ безвозвратно, потому что долина Шебжа, въ которой мы теперь утвердились, считалась житницей Шапсугіи, и населеніе безъ нея существовать не могло. Чтобы выразить богатство этого края, довольно сказать, что вся эта долина состоитъ изъ засѣянныхъ полей, покрытыхъ или хлѣбами, поражающими своимъ урожаемъ, или бѣлымъ клеверомъ въ такомъ изобиліи, какое можно встрѣтить только на лучшихъ поляхъ Бельгіи или Шотландіи. Шапсугамъ, не желавшимъ покоряться, волею-неволею приходилось покидать эту роскошную полосу земли и уходить въ глубь суровыхъ ущелій, гдѣ имъ нечѣмъ было питаться самимъ, и нечѣмъ было кормить свои стада. Нѣкоторые и пытались поэтому, не смотря ни на что, укрываться на плоскости; но трудно себѣ представить болѣе бѣдственное существованіе, чѣмъ то, которое приходилось имъ испытывать подъ угрозою вѣчной и смертельной опасности быть застигнутыми нашими войсками. Тѣ, которые бѣжали въ горы, лишились своего имущества; но тѣ, которые оставались, рисковали не только имуществомъ, но и самою жизнію, потому что изъ Григорьевскаго войска то и дѣло выходили въ набѣги,—съ цѣлью опустошать окрестность, жечь хлѣба́ и истреблять послѣдніе слѣды осѣдлости туземнаго населенія. Офиціальные источники даютъ намъ мало интереснаго матеріала для описанія этихъ набѣговъ, но подробности ихъ сохранились въ запискахъ нѣкоторыхъ очевидцевъ, и, между

*) Памятникомъ этой перестрѣлки остался приказъ графа Ностица, отданный имъ по полку 13-го іюня. «Сегодня—говоритъ онъ:—я видѣлъ съ удовольствіемъ съ какою быстротой и отвагой дѣйствовали наѣздники 2-го и 3-го дивизіоновъ, и съ какимъ умѣньемъ и ловкостью владѣли они своимъ оружіемъ. Благодарю эскадронныхъ командировъ, а наѣзднкамъ объявляю мое спасибо, и жалую по чаркѣ водки».

прочимъ, Горшельдта, извѣстнаго художника, сдѣлавшаго съ шапсугскимъ отрядомъ всю кампанію 1860 года *) ([12]).

Однажды, въ самую полночь съ 6-го на 7-е августа—разсказываетъ Горшельдтъ: — изъ воротъ Григорьевскаго выступилъ дивизіонъ Нижегородскаго полка, подъ командой капитана князя Амилахвари, и сотня линейныхъ казаковъ, съ графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ; за ними

Видъ на рѣкѣ Илѣ.

пошли одиннадцать ротъ пѣхоты и два орудія. Намъ отданъ былъ приказъ сохранять величайшую тишину, и войска, привычныя къ ночнымъ экскурсіямъ, двигались беззвучно, какъ ночныя привидѣнія. Ночь дышала

*) Нѣмецъ по происхожденію, Теодоръ Горшельдтъ всею своею художественною дѣятельностью принадлежалъ Россіи, русскимъ интересамъ и русскимъ симпатіямъ. Никто изъ нашихъ отечественныхъ художниковъ не понялъ такъ глубоко, и не воспроизвелъ такъ вѣрно типа кавказскаго солдата, казака или горца. Многіе эпизоды нашей героической борьбы на Кавказѣ запечатлѣны карандашемъ или кистью этого талантливаго художника. Рисунки его пользуются общею и заслуженною извѣстностью въ цѣлой Европѣ.

прохладою; звѣзды горѣли на чистомъ безоблачномъ небѣ; но было такъ темно, что едва можно было различать силуэтъ отряда, двигавшагося среди густого кустарника. Вдругъ, вправо отъ насъ, сверкнулъ огонекъ, и пуля съ визгомъ прорѣзала воздухъ. Это былъ непріятельскій пикетъ, замѣтившій наше движеніе,—и вслѣдъ за его выстрѣломъ на всѣхъ окрестныхъ пригоркахъ зажглись сигнальные маяки. Мы были открыты. Въ это время начало свѣтать, и кавалерія, спустившись къ долину Афипса, ринулась на огромный аулъ, имѣвшій болѣе тысячи домовъ, раскинутыхъ у самаго входа въ ущелье. Это былъ знаменитый аулъ Сухунокоякъ, за которымъ опять начинались густые лѣса. Туда, по всей вѣроятности, и бѣжали жители, разбуженные зловѣщими огнями, сверкнувшими на сосѣднихъ пригоркахъ. Но имущества, оставшагося въ домахъ, они спасти не могли, и подоспѣвшая пѣхота зажгла аулъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Пока разбушевавшееся море огня истребляло послѣдніе достатки горцевъ, кавалерія понеслась впередъ и отхватила скотъ, притаившійся за сосѣдней горою. Въ эту минуту показались, наконецъ, большія массы шапсуговъ, спѣшившія на помощь къ аулу, и 3-й эскадронъ, разсыпавъ наѣздниковъ, завязалъ съ ними живую перестрѣлку. Скотъ, между тѣмъ, отправили назадъ, и только тогда, когда онъ былъ уже въ безопасности, князь Амилахвари приказалъ отступать и 3-му эскадрону. Съ этимъ приказаніемъ былъ посланъ поручикъ Махатадзе, которому пришлось скакать черезъ лощину, усѣянную густымъ и частымъ кустарникомъ. Вотъ здѣсь-то, можно сказать на глазахъ цѣлаго отряда, и произошла оригинальная сцена: изъ кустовъ выскочили двое шапсуговъ и напали на Махатадзе; одинъ кинулся съ обнаженной шашкой, другой почти въ упоръ выстрѣлилъ въ него изъ ружья. Махатадзе моментально срубилъ обоихъ и поскакалъ дальше передавать приказаніе. На возвратномъ пути онъ увидѣлъ маленькую дѣвочку, сидѣвшую на дорогѣ возлѣ одного изъ убитыхъ, и, схвативъ ее на сѣдло, привезъ къ отряду. «Издали—разсказываетъ Горшельдтъ:—я принялъ этого ребенка за обезьяну, такъ грязна и худа была маленькая дѣвочка. Сначала она плакала, однако громадный усатый драгунъ, которому ее поручили, скоро утѣшилъ ее и успокоилъ, точно онъ всю свою жизнь былъ нянькою».

3-й эскадронъ, между тѣмъ, отступалъ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ; дѣло становилось горячее; на смѣну его выдвинули цѣлый батальонъ пѣхоты, но шапсуги дѣйствовали съ такимъ упорствомъ,

что провожали отрядъ съ перестрѣлкою до самаго лагеря. Въ оффиціальномъ донесеніи объ этомъ набѣгѣ Рудановскій говоритъ, что наша потеря состояла изъ пяти человѣкъ и пяти лошадей ранеными, а непріятель оставилъ въ нашихъ рукахъ много добычи, двухъ плѣнныхъ и одну плѣнницу. Эта плѣнница, взятая Махатадзе, и была та пятилѣтняя Афизе, которой суждено было оставить глубокій слѣдъ въ исторіи Нижегородскаго полка.

Но объ этомъ разскажемъ послѣ.

Второй набѣгъ былъ сдѣланъ 17-го августа, но на этотъ разъ драгуны сожгли только нѣсколько пустыхъ ауловъ, и истребивъ небольшую партію, захваченную гдѣ-то въ кутанахъ, привезли съ собой четыре непріятельскія тѣла, изъ которыхъ одно было обезглавлено,—это былъ опять богатырскій ударъ Махатадзе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, лазутчики дали знать, что видѣли огромныя стада, которыя паслись на Шебжѣ, не вдалекѣ отъ нашего лагеря. Они отправились слѣдить за этою добычею, а кавалеріи, между тѣмъ, приказано было держать лошадей подъ сѣдлами. Въ полдень 23-го августа условный сигналъ былъ, наконецъ, данъ. Кавалерія бросилась къ лошадямъ, — и, черезъ полминуты — разсказываетъ Горшельдтъ,—мы уже мчались за проводникомъ, встрѣтившимъ насъ въ полѣ. Драгуны и казаки, перемѣшавшись между собою, неслись во весь опоръ, съ единственнымъ желаніемъ обогнать сосѣда. День былъ необычайно знойный, и мы задыхались отъ пыли, которая клубилась до самыхъ небесъ. Офицеры напрасно старались умѣрить эту бѣшеную скачку, опасаясь, что лошади не выдержатъ. Въ это время впереди насъ показалось какое-то облако, очевидно пыль, поднятая стадомъ. При видѣ этого облака мы понеслись, не чуя уже подъ собою земли, и даже офицеры только и кричали теперь: Пошелъ! Пошелъ!... Значки, которые везлись до сихъ поръ опущенными книзу, теперь развѣвались по вѣтру. Нагнувшись впередъ и высоко держа надъ собою винтовки, катила наша ватага. Крикъ и стонъ стоялъ въ воздухѣ. Стадо, между тѣмъ, обозначилось уже явственно, и уморительно было смотрѣть, какъ эти тежеловѣсныя туши, болтая въ разныя стороны хвостами, трусили рысцой и даже дѣлали попытку подняться въ галопъ. Въ этотъ моментъ казаки на скаку дали залпъ, и испуганное стадо, метнувшись въ сторону, тотчасъ оцѣплено было нашею кавалеріей.

Шагахъ въ полутораста отъ этого мѣста виднѣлся большой аулъ, повидимому только что покинутый, такъ какъ въ немъ стояло еще множество аробъ, нагруженныхъ до верху невымолоченнымъ хлѣбомъ. Часть нашей кавалеріи повернула въ аулъ, другая продолжала скакать, преслѣдуя новое стадо, которое горцы угоняли въ ущеліе рѣчки Безепсъ. Дорога пошла, изрытая оврагами; притомившіеся кони тяжело дышали и были покрыты пѣною; но стадо все-таки было настигнуто въ тотъ моментъ, когда шапсуги пытались перегнать его черезъ рѣчку. Видя, что мы уже спускаемся къ нимъ съ нагорнаго берега, прикрытіе дало залпъ, и кинулось въ разныя стороны. Стадо было захвачено. Немало, однакоже, пришлось употребить усилій нашимъ драгунамъ и казакамъ, чтобы поднять упрямыхъ животныхъ и заставить ихъ выйти изъ воды, гдѣ было такъ свѣжо и привольно. Тревога, между тѣмъ, распространилась по обоимъ ущельямъ, и шапсуги, собравшись въ значительныхъ силахъ, завязали горячее дѣло. Князь Амилахвари отступалъ отъ аула медленно, перекатными цѣпями, спѣшивая поочередно то драгунъ, то казаковъ, и предавая огню всѣ лежавшіе на его пути аулы вмѣстѣ съ имуществомъ жителей и запасами хлѣба. На одномъ крутомъ поворотѣ, который дѣлала дорога, непріятель успѣлъ обскакать нашъ отрядъ и бросился съ фланга. Произошла даже рукопашная схватка, при чемъ у насъ оказалось нѣсколько человѣкъ ранеными, и въ томъ числѣ поручики князь Эристовъ и Махатадзе. Послѣдній срубилъ налетѣвшаго на него шапсуга, но и самъ былъ раненъ пистолетнымъ выстрѣломъ. Въ эту минуту подоспѣвшая пѣхота смѣнила, наконецъ, драгунъ, и дала имъ возможность вывести изъ ущелья свою огромную добычу. На этотъ разъ кавалерія, дѣйствительно, отбила до тысячи головъ скота и сожгла 17 ауловъ. Даже Рудановскій, всегда всѣмъ недовольный, благодарилъ Амилахвари и шутя замѣтилъ: «Скажите вашему магистру богословія *), что если онъ такъ будетъ рубить, то перерубитъ всѣхъ шапсуговъ, и намъ воевать будетъ не съ кѣмъ». Рана Махатадзе, по счастію, оказалась легкой, и черезъ нѣсколько дней онъ уже участвовалъ въ новомъ набѣгѣ.

Этотъ набѣгъ былъ одинъ изъ тѣхъ кровавыхъ набѣговъ, которые близко напоминаютъ позабытые набѣги 20-хъ и 30-хъ годовъ. Ударъ намѣченъ былъ давно, но чтобы вѣрнѣе нанести его, кавалерія—дивизіонъ Ни-

*) Такъ онъ называлъ Махатадзе, окончившаго курсъ въ Тифлисской духовной семинаріи.

ВОЗВРАЩЕНІЕ КАЗАКОВЪ СЪ НАБѢГА.

Съ картины Горшельдта.

жегородскихъ драгунъ и двѣ линейныя сотни—вышла изъ Григорьевскаго 2-го сентября вмѣстѣ съ оказіей, которая шла къ Екатеринодару. Черкесы, давно привыкшіе къ подобнымъ колоннамъ, проходившимъ мимо нихъ почти ежедневно, проводили ее нѣсколько верстъ, и затѣмъ оставили въ покоѣ, не замѣтивъ, какъ князь Амилахвари, отдѣлившись отъ отряда, скрытно перешелъ черезъ Шебжъ и бросился въ дремучій лѣсъ, чтобы захватить стада, ходившія на его полянахъ. Лѣсъ былъ густой, дорога незнакомая, но съ отрядомъ былъ одинъ изъ лучшихъ лазутчиковъ, по имени Нуко, самъ уроженецъ здѣшнихъ мѣстъ, принадлежавшихъ его родному дядѣ,— и сбиться съ пути было невозможно. Нуко перемѣнилъ, однако, черкеску и закутался до самыхъ бровей башлыкомъ, чтобы не быть узнаннымъ своими соотечественниками. «Въ лѣсу — разсказываетъ Горшельдтъ, участникъ этого набѣга:—мы наткнулись на двѣ арбы, запряженныя волами; двое шапсугъ укладывали на нихъ нарубленныя дрова. Увидѣвъ насъ, они пустились бѣжать, но казаки настигли и изрубили обоихъ. Одинъ изъ нихъ успѣлъ, однако, выстрѣлить изъ ружья и предупредить объ опасности. Тогда вся кавалерія, уже не теряя времени, понеслась карьеромъ, и едва выскочила на поляну, какъ увидѣла передъ собою два большіе аула,—и между ними огромное стадо, которое во всѣ глаза, неподвижно смотрѣло на нашихъ мчавшихся всадниковъ. Старый пастухъ отошелъ въ сторону и положилъ оружіе; другой, помоложе, хотѣлъ защищаться и былъ изрубленъ. Пока драгуны возились около стада, казаки ворвались въ аулы, и все, что не успѣло бѣжать, легло подъ ихъ ударами, или было захвачено въ плѣнъ. Посреди этой сумятицы были убиты и дѣти и женщины. Князь Амилахвари, предвидя возможность подобныхъ сценъ, послалъ Махатадзе остановить кровопролитіе и вывести казаковъ изъ ауловъ. Махатадзе пустился напрямикъ, и наткнулся въ лѣсу на 18 черкесскихъ дѣвушекъ, оцѣпенѣвшихъ отъ ужаса при видѣ русскаго всадника. Махатадзе, говорившій по-черкесски, успокоилъ ихъ насколько могъ, и приказалъ трубачу проводить къ отряду. На пути имъ встрѣтились казаки, возвращавшіеся изъ ауловъ, уже разграбленныхъ и превращенныхъ ими въ груды угля и мусора... Много посторонній зритель могъ бы наблюдать здѣсь тяжелыхъ, трогательныхъ и полныхъ драматизма сценъ, которыя способны были оставить впечатлѣніе на цѣлую жизнь». «Я видѣлъ—разсказываетъ Горшельдтъ,—какъ одинъ казакъ, съ рыжею бородой во всю грудь, везъ на сѣдлѣ раненую, почти совсѣмъ

обнаженную женщину; другой держалъ на рукахъ ея шестинедѣльнаго младенца, къ которому она то и дѣло протягивала руки. Казакъ подавалъ ей ребенка, но только на нѣсколько минутъ, такъ какъ она навѣрное бы его уронила. Тутъ же, на сѣдлѣ передъ другимъ казакомъ, сидѣлъ прострѣленный въ грудь мальчикъ, курчавый и необычайно красивый. Мѣховая шапочка и короткая канаусовая рубашка, насквозь пропитанная кровью, составляли всю его одежду. Онъ былъ въ агоніи, и скоро скончался на рукахъ казака, который тихо спустилъ его на траву. Всѣ, кто проѣзжалъ мимо, останавливались и крестились. Далеко растянулись казачьи сотни, возвращавшіяся домой съ богатою добычею. Драгуны прикрывали отступленіе. Набѣгъ удался вполнѣ и мы успѣли миновать опасный лѣсъ прежде, чѣмъ горцы собрались на тревогу *).

Затѣмъ въ двѣ экспедиціи 14 и 21-го сентября истреблены были всѣ остальные аулы, остававшіеся еще на притокахъ Шебжа и Афипса. Окрестность совершенно обезлюдѣла, и шапсуги, загнанные въ горы, не смѣли уже показываться на плоскости. Разъ только, 29-го сентября, попытались они выпустить свой скотъ на привольное пастбище, но князь Амилахвари налетѣлъ на нихъ съ своею кавалерію такъ неожиданно, что горцы оставили въ нашихъ рукахъ болѣе тысячи головъ скота, 11 тѣлъ и 8 плѣнныхъ. Въ другой разъ, 17-го октября, 2-й дивизіонъ сдѣлалъ такой же успѣшный поискъ въ Ильское ущелье, гдѣ сжегъ семь ауловъ, и привелъ 18 плѣнныхъ. Это былъ послѣдній налетъ изъ Григорьевскаго. Вскорѣ послѣ этого генералъ Рудановскій получилъ въ командованіе пѣхотную дивизію, расположенную въ Царствѣ Польскомъ, и 17-го ноября въ Григорьевское прибылъ новый начальникъ Шапсугскаго отряда, свиты его величества генералъ-маіоръ князь Святополкъ-Мірскій. Но прежде чѣмъ говорить о дальнѣйшихъ событіяхъ, надо вернуться назадъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о 1-мъ дивизіонѣ, находившемся въ колоннѣ полковника Левашова.

Весь іюнь мѣсяцъ Средне-шапсугскій отрядъ провелъ въ усиленныхъ работахъ по возведенію новыхъ казачьихъ станицъ, окоповъ и постовъ на Илѣ. Кавалерія или прикрывала рабочихъ, или ходила на фуражировки, рѣдкій день не сопровождавшіяся болѣе или менѣе значительными перестрѣлками ([13]). Горцы неохотно уступали намъ пастбища,

*) Возвращеніе съ этого набѣга и послужило Горшельдту сюжетомъ для его извѣстной картины: «Возвращеніе кавалеровъ съ набѣга».

которыя берегли для себя, а одинъ разъ совсѣмъ переградили даже путь къ ущелью, гдѣ были ихъ посѣвы. Батальонъ графа Гауке открылъ себѣ путь штыками, и отбросилъ горцевъ какъ разъ на дивизіонъ Нижегородцевъ, скакавшій изъ лагеря на выстрѣлы. Подполковникъ Макаровъ ударилъ въ шашки и, разогнавъ непріятеля, принялся вмѣстѣ съ пѣхотой за истребленіе полей, покрытыхъ роскошнымъ клеверомъ. «Въ другой разъ,—разсказываетъ одинъ изъ участниковъ похода:—мы возвращались съ фуражировки, и были уже не далеко отъ лагеря, какъ вдругъ въ аррьергардѣ поднялась перестрѣлка. Драгунскіе кони, сильно навьюченные накошенной травою, по обыкновенію шли въ поводу, и двигались въ головѣ колонны. Въ эту минуту прискакалъ казакъ съ приказаніемъ, чтобы мы какъ можно скорѣе атаковали непріятеля. Остановить растянувшіеся болѣе чѣмъ на версту эскадроны, сбросить громадные вьюки, оправить сѣдла, и потомъ проскакать назадъ значительное разстояніе, не представлялось возможности,—на все это потребовалось бы слишкомъ много времени, и подполковникъ Макаровъ рѣшилъ послать однихъ наѣздниковъ. Офицеры, ѣхавшіе въ сторонѣ, и услыхавшіе это распоряженіе, первые понеслись къ аррьергарду; а за ними поскакало нѣсколько унтеръ-офицеровъ, у которыхъ лошади не были завьючены. Вся эта ватага, человѣкъ въ 15—20, съ такимъ отчаяннымъ гикомъ кинулась на сотню шапсуговъ, что тѣ повернули назадъ и скрылись въ первую попавшуюся балку. Мы тотчасъ замѣтили, что балка эта терялась въ густомъ лѣсу, и, перескочивъ черезъ нее, отрѣзали непріятелю отступленіе. Не знаю, почему горцы не кинулись въ шашки, но только они спѣшились и открыли по насъ сильный огонь; мы также принялись стрѣлять изъ револьверовъ. Между тѣмъ къ намъ подоспѣли наѣздники; ихъ было человѣкъ тридцать, и мы уже составили планъ нападенія—какъ вдругъ прискакалъ ординарецъ съ приказаніемъ отступать: отрядъ отошелъ далеко и поддерживать насъ было некому. Стычка эта, хотя и не значительная сама по себѣ, стоила однако шапсугамъ пяти или шести человѣкъ убитыми, а у насъ раненъ старый ветеранъ вахмистръ 2-го эскадрона Батановъ, да подъ однимъ изъ офицеровъ, поручикомъ Баратовымъ, убита лошадь (11).

Въ такихъ стычкахъ прошло все лѣто. Между тѣмъ дознано было, что два пустые аула Кіабъ и Беружъ, находившіеся не вдалекѣ отъ нашего лагеря, опять заселились жителями, и что они-то и служили притономъ для всѣхъ собиравшихся шаекъ. Терпѣть подобное сосѣдство

было нельзя, и полковникъ Левашовъ рѣшилъ истребить эти аулы, но предварительно отогнать у нихъ скотъ, пасшійся въ долинѣ Убына, отдѣленной отъ насъ невысокимъ, но весьма крутымъ кряжемъ.

Ночью на 10-е іюля изъ лагеря тихо выступили три сотни линейныхъ казаковъ и, дойдя до горнаго кряжа, притаились за гребнемъ, поджидая драгунъ, которые пошли въ обходъ, чтобы отрѣзать непріятеля отъ лѣса. Стало свѣтать, и солнце озарило равнину, пестрѣвшую многочисленными стадами, ходившими подъ прикрытіемъ одной или двухъ сотенъ шапсуговъ. Казаки притаили дыханіе. Вдругъ въ лѣсу грянулъ выстрѣлъ, и почти вслѣдъ за тѣмъ изъ опушки показались четыре всадника, мчавшіеся по долинѣ прямо къ стадамъ. За ними въ карьеръ неслись два эскадрона драгунъ и, какъ налетѣвшій шквалъ, захлестнули всадниковъ, которые исчезли въ толпѣ ихъ,—и больше не показывались. Въ этотъ самый моментъ казаки съ гикомъ вынеслись изъ своей засады, а на гребнѣ показалась спрятанная дотолѣ пѣхота. Шапсугамъ, угрожаемымъ со всѣхъ сторонъ, ничего не оставалось больше, какъ спасаться бѣгствомъ; но пока драгуны гнали и рубили прикрытіе, казаки уже захватили скотъ и погнали его за перевалъ подъ охраной пѣхоты. Драгуны также привезли съ собою 18 непріятельскихъ тѣлъ, потерявъ сами одного человѣка раненымъ и пять лошадей убитыми. На другой день войска подошли къ Кіабу, но уже не застали жителей, бѣжавшихъ въ прикубанскія плавни. Небольшая партія шапсуговъ, оставленная въ аулѣ, отступила послѣ горячей перестрѣлки, и пѣхота заняла Кіабъ. Другой, сосѣдній съ нимъ аулъ Беружъ былъ взятъ и истребленъ кавалеріею.

Доведенные до нищеты потерею скота и имущества, шапсуги не замедлили, однако, отомстить намъ самымъ чувствительнымъ образомъ. 20-го іюля небольшая партія ихъ вдругъ кинулась на наши покосы. 2-й эскадронъ отразилъ нападеніе, но пока преслѣдовалъ бѣгущихъ, нѣсколько человѣкъ, спрятавшихся на самомъ покосѣ, успѣли пустить палъ, и сухой бурьянъ, раздуваемый вѣтромъ, вспыхнулъ какъ порохъ. Степной пожаръ охватилъ огромное пространство. Драгуны, покинувъ погоню, прискакали назадъ, но, сколько войска ни боролись съ огнемъ, у насъ все-таки сгорѣло болѣе трехсотъ пятидесяти стоговъ, и лѣтніе тяжелые труды пришлось начинать сначала.

Въ концѣ августа мѣсяца 1-й дивизіонъ былъ спущенъ на отдыхъ и ушелъ въ станицу Тихорѣцкую; 2-й дивизіонъ остался въ Григорьев-

скомъ, а 3-й передвинутъ былъ въ станицу Темиргоевскую для содержанія кордона по Нижне-Лабинской линіи. Такое распредѣленіе полка приказано было считать нормальнымъ съ тѣмъ, чтобы дивизіонъ, стоявшій въ Тихорѣцкой, по усмотрѣнію полкового командира, смѣнялъ другіе два дивизіона, находившіеся въ отрядахъ или на кордонахъ ([15]).

Лагерь шапсугскаго отряда.

Тихорѣцкая станица.

IV.

Отъ Шапсуговъ къ Абадзехамъ.

(1860—1861 г.).

Зачисленіе графа Ностица въ свиту Его Величества.—Новый командиръ полка полковникъ графъ Граббе.—Переломъ въ характерѣ нашихъ военныхъ дѣйствій за Кубанью. — Прибытіе графа Евдокимова.—Продолженіе военныхъ дѣйствій зимою.—Нижегородцы въ отрядѣ на Хаблѣ. — Горячій бой 14-го декабря въ Хабльскомъ ущельи и смерть князя Вахвахова. — Принцъ Баденскій въ экспедиціи на Шебжѣ.—Походъ подъ Ставрополь.—Безпорядки въ Кубанскомъ войскѣ.—Граббе въ Александровской станицѣ.—Прибытіе къ полку резервнаго эскадрона изъ Чиръ-Юрта.—Переходъ на Лабинскую линію. — Выселеніе Бесленевцевъ.

Въ сентябрѣ 1860 года, когда Шапсугскій отрядъ заканчивалъ свои военныя операціи, командиромъ Нижегородскаго драгунскаго полка на мѣсто графа Ностица, отчисленнаго въ свиту, назначенъ былъ флигель-адъютантъ полковникъ Николай Павловичъ Граббе. «Грустно было мнѣ,—говоритъ въ своихъ запискахъ графъ Ностицъ:—покинуть моихъ славныхъ боевыхъ товарищей, но я долженъ былъ принести эту жертву семьѣ, и по моей просьбѣ отчисленъ былъ въ свиту Его Величества».

«Разставаясь съ вами, боевые товарищи мои—писалъ онъ въ прощальномъ приказѣ по полку: —изъявляю вамъ искреннюю и сердечную признательность за доблестную службу вашу. Сожалѣю, что семейныя обстоятельства, вынудившія меня обратиться къ генералъ-фельдмаршалу съ просьбой о сдачѣ полка, лишили меня высокой чести быть командиромъ Нижегородцевъ».

Съ 7-го октября 1860 года начинается командованіе Граббе.

Сынъ знаменитаго кавказскаго генерала, Павла Христофоровича, героя Ахульгинскаго штурма, молодой Граббе былъ выпущенъ въ 1850 году изъ камеръ-пажей въ Кавалергардскій полкъ, гдѣ прослужилъ восемь лѣтъ, и перешелъ на Кавказъ подполковникомъ, съ назначеніемъ состоять въ распоряженіи князя Барятинскаго. При немъ онъ находился во время осады Гуниба, и затѣмъ былъ посланъ съ донесеніемъ къ государю о взятіи Шамиля. Государь произвелъ его въ полковники, съ переводомъ обратно въ Кавалергардскій полкъ и назначилъ его флигель-адъютантомъ. Но Граббе черезъ нѣсколько мѣсяцевъ снова перешелъ на Кавказъ въ Крымскій пѣхотный полкъ, расположенный за Кубанью, а вслѣдъ затѣмъ назначенъ былъ и командиромъ Нижегородскаго Драгунскаго полка.

Молодой—ему было только 27 лѣтъ отъ роду,—привѣтливый со всѣми, Граббе оставилъ по себѣ прекрасную память на Кавказѣ, и несмотря на молодость, съумѣлъ заставить полюбить себя каждаго, ни въ комъ рѣшительно не возбуждая зависти быстрымъ своимъ повышеніемъ по службѣ. Онъ обладалъ такою блистательною храбростью и имѣлъ въ характерѣ такъ много рыцарскихъ чертъ, что къ нему относились съ уваженіемъ даже сѣдые ветераны ([1]).

Какъ разъ въ это же время совершился крутой переворотъ въ характерѣ нашихъ военныхъ дѣйствій за Кубанью, гдѣ общіе результаты, добытые въ періодъ лѣтней кампаніи 1860 года, далеко не удовлетворяли желаніямъ князя Барятинскаго. Правда, мы прочно утвердились на занятомъ нами пространствѣ, но все это, по мнѣнію фельдмаршала, не соотвѣтствовало тѣмъ значительнымъ средствамъ, которыя даны были въ распоряженіе начальника края, и, главное, грозило затянуть развязку на слишкомъ продолжительное время. Вслѣдствіе этого Филипсонъ былъ отозванъ въ Тифлисъ, а дѣло покоренія Западнаго Кавказа Барятинскій рѣшилъ передать въ энергическія руки графа Евдокимова.

Слухъ о прибытіи Учъ-геза (трехглазаго) быстро прошелъ по горамъ,

и вызвалъ въ нихъ нескрываемыя опасенія за будущее. Вѣстовщики поторопились даже разнести слова, будто бы сказанныя имъ въ Екатеринодарѣ: «Первая филантропія—своимъ. Я считаю себя въ правѣ предоставить горцамъ лишь то, что останется на ихъ долю послѣ удовлетворенія послѣдняго изъ русскихъ интересовъ». Войскамъ онъ объявилъ, что военныя дѣйствія будутъ продолжаться и зимою.

Познакомившись затѣмъ на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ, онъ счелъ необходимымъ прежде всего установить безопасное сообщеніе Шапсугскаго отряда съ Адагумскимъ и приказалъ соединить Григорьевское укрѣпленіе съ Крымскимъ широкою просѣкою. Мѣсто для этой просѣки указано было имъ вдоль сѣверныхъ предгорій Шапсугской земли, и если намѣченный путь представлялъ для войскъ значительно болѣе трудностей при его разработкѣ, чѣмъ прямая анапская дорога, за то и отрѣзывалъ у непріятеля гораздо болѣе плоскостной земли, лишая его возможности пользоваться угодьями этого богатаго края.

Пока шапсугскій и адагумскій отряды рубили просѣку одинъ на встрѣчу другому, на рѣчку Хабль былъ выдвинутъ третій, промежуточный отрядъ, подъ начальствомъ генерала Карцева, на случай, ежели бы шапсуги начали военныя дѣйствія. Въ составъ этого отряда былъ вызванъ и 2-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, подъ командой князя Амилахвари.

Долина Хабля была одна изъ самыхъ населенныхъ частей этого края; поля ея были засѣяны пшеницей, просомъ и кукурузою; аулы окружены фруктовыми садами, а въ покинутыхъ сакляхъ замѣчались слѣды не только довольства, но даже богатства и прихотей. Кромѣ огромныхъ запасовъ хлѣба, который жители не успѣли вывести, въ сосѣднихъ рощахъ хранились цѣлые склады воска, меда и тысячи улій, свидѣтельствовавшихъ, что пчеловодство было однимъ изъ любимѣйшихъ промысловъ края. И все это цвѣтущее пространство, начиная отъ Хабля до небольшой поляны, за которой начинались уже кубанскія плавни, предано было огню и истребленію. Кромѣ того подвижныя колонны безпрестанно выходили изъ отряда и тѣснили шапсуговъ съ мѣста на мѣсто, не давая имъ рѣшительно ни часу покоя. Двѣ недѣли, безъ отдыховъ и промежутковъ, продолжалась эта безпрерывная атака, и за все это время произошла одна только стычка, когда шапсуги бросились было преслѣдовать колонну, но были отброшены полковникомъ Граббе, атаковавшимъ ихъ со 2-мъ дивизіономъ Нижегородскаго полка.

Вся равнина между Григорьевскимъ и Крымскимъ была очищена отъ населенія, но нужно было очистить и ближайшія ущелья, гдѣ горцы могли найти для себя все тѣ же удобства, что и на плоскости. И вотъ, какъ только просѣка была готова, шапсугскій отрядъ двинулся тремя колоннами вверхъ по Азипсу и Хаблю: лѣвою командовалъ князь Святополкъ-Мирскій, среднею генералъ Карцевъ, и правою полковникъ Граббе, отрядъ котораго состоялъ изъ дивизіона Нижегородскаго полка, сотни пластуновъ и двухъ батальоновъ пѣхоты. Вмѣстѣ съ этою колонною отправились и находившіеся при нашихъ войскахъ французскій военный агентъ Генеральнаго штаба полковникъ Кольсонъ *) и сынъ французскаго посланника въ С.-Петербургѣ, поручикъ венсенскихъ стрѣлковъ, графъ Монтебелло. До Ичичили—Хабльскаго ущелья, куда направлялся Граббе, было верстъ пятнадцать. Дорога шла лѣсомъ, по берегу рѣчки, и въ одномъ мѣстѣ, гдѣ дѣлала крутой поворотъ, была преграждена заваломъ. Пока пѣхота вела перестрѣлку, драгуны свернули въ сторону, и, пробравшись сквозь колючій кустарникъ, вдругъ съ полугоры понеслись карьеромъ. Появленіе ихъ въ тылу непріятеля было такъ неожиданно, что растерявшіеся шапсуги кинулись прочь отъ завала и разсыпались по лѣсу. Такъ вошли въ ущелье, и принялись жечь аулы, поселки и запасы горцевъ. Вдали слышались пушечные выстрѣлы: это пѣхота Карцева, спустившаяся въ долину Азипса, сражалась теперь вмѣстѣ съ отрядомъ князя Святополкъ-Мирскаго. Но выстрѣлы скоро смолкли. Очевидно, что наша пѣхота возвратилась въ лагерь, и теперь всѣ силы шапсуговъ свободно могли обратиться на слабую колонну Граббе. Граббе, дѣйствительно, и пришлось отступать уже подъ натискомъ огромной толпы непріятеля. Преслѣдованіе съ каждымъ шагомъ становилось назойливѣе. Къ счастію, Граббе еще при наступленіи распорядился оставить у себя въ тылу небольшую часть войскъ, приказавъ пластунской сотнѣ занять большой кутанъ, обнесенный плетневымъ заборомъ, а дивизіону Нижегородцевъ расположиться не вдалекѣ отъ него за лѣсистымъ курганомъ. Продолжая отступать шагъ за шагомъ, Граббе и навелъ шапсуговъ на эту приготовленную для нихъ засаду. Пластуны залегли въ кутанѣ до того искусно, что шапсуги, спѣшившись, привязали своихъ лошадей къ тому же плетню, подъ

*) Впослѣдствіи онъ былъ начальникомъ штаба въ арміи Макъ-Магона и въ 1870 году убитъ подъ Вертомъ.

которымъ они лежали. Вдругъ, прямо въ лицо имъ грянулъ залпъ сотни винтовокъ: одни изъ шапсуговъ повалились, другіе—въ смятеніи кинулись назадъ къ лошадямъ; но лошади находились уже въ рукахъ пластуновъ. Завязалась отчаянная рукопашная свалка. Начальникъ сотни знаменитый Ступакъ, потомокъ старыхъ запорожцевъ, былъ убитъ, и пластуны понесли чувствительную потерю,—какъ вдругъ въ дыму новаго залпа сверкнули шашки налетѣвшихъ драгунъ, — и сорокъ шапсуговъ моментально были изрублены. Все остальное въ паническомъ страхѣ бѣжало въ лѣсъ — и больше изъ него не показывалось (2).

Самъ Граббе, и бывшіе съ нимъ французы—попали въ самую середину шашечной свалки. Ординарецъ Граббе юнкеръ князь Сандро Амилахвари схватился съ коннымъ черкесомъ и изрубилъ противника, несмотря на то, что тотъ успѣлъ выпустить въ него всѣ шесть пуль изъ своего револьвера (3). Замѣчательно, что въ этомъ рукопашномъ бою ни одинъ изъ нижнихъ чиновъ не былъ ни убитъ, ни раненъ; и вся наша потеря заключалась только въ двухъ офицерахъ Нижегородскаго полка: командовавшій 3-мъ эскадрономъ штабсъ-капитанъ князь Вахваховъ былъ убитъ, и прапорщикъ князь Сандро Эристовъ получилъ двѣ шашечныя раны въ руку; онъ былъ окруженъ непріятелемъ, но его спасъ рядовой Исаевъ. Лошадей у насъ выбыло девять, и въ томъ числѣ лошадь поручика Махатадзе, раненная также двумя шашечными ударами. По окончаніи боя, по старому кавказскому обычаю, унтеръ-офицеръ Ткаченко поднесъ командиру полка лучшее оружіе, снятое съ убитаго князя Берзека, а Подъусовъ и рядовой Исаевъ исполнили тотъ же обрядъ по отношенію къ нашимъ гостямъ: полковнику Кольсонъ и графу Монтебелло.

На другой день въ Григорьевское пріѣхало нѣсколько шапсуговъ и пригнали съ собой цѣлое стадо воловъ—плату за выкупъ убитыхъ. Граббе вышелъ къ нимъ самъ. «Возьмите ваши тѣла», сказалъ онъ, «я не хочу за нихъ выкупа. Вы славно дрались, а русскіе привыкли уважать храбрость и въ своихъ врагахъ». Слова эти произвели на шапсуговъ сильное впечатлѣніе, но еще сильнѣе отразились на нашихъ солдатахъ, съумѣвшихъ прямо и безхитростно взглянуть на рыцарски-великодушный поступокъ своего молодого командира (4).

Черезъ два дня 2-й дивизіонъ выступилъ въ Екатеринодаръ и повезъ съ собою тѣло убитаго князя Вахвахова. Его похоронили въ оградѣ тамошней кладбищенской церкви, и надъ его могилой поставили простой

деревянный крестъ, котораго быть можетъ теперь уже и не существуетъ. Трогательно было видѣть—говоритъ одинъ очевидецъ,—какъ два француза раздѣляли нашу общую скорбь и, преклонивъ колѣна, горячо и долго молились надъ гробомъ русскаго офицера. Изъ Екатеринодара 2-й дивизіонъ уже не вернулся въ отрядъ, а прошелъ прямо въ станицу Новорождественскую и расположился на зимовыя квартиры.

Такимъ образомъ новый 1861 годъ Нижегородскій полкъ встрѣтилъ по станицамъ Кубанскаго войска. Всѣ мечтали объ отдыхѣ, но въ то трудное время, когда война велась съ такой неумолимой и безпощадною суровостью, отдыхать не приходилось никому, и 23-го января 1-й и 3-й дивизіоны, поднятые по тревогѣ, уже шли форсированными маршами опять къ Екатеринодару. Тамъ они встрѣтили его высочество принца Вильгельма Баденскаго *), пріѣхавшаго на Кавказъ съ тѣмъ, чтобы участвовать въ зимней экспедиціи, и вмѣстѣ съ нимъ выступили въ Григорьевское укрѣпленіе, гдѣ былъ сосредоточенъ сильный отрядъ подъ личнымъ начальствомъ графа Евдокимова. Отсюда предполагалось сдѣлать большой набѣгъ въ долину Шебжа, чтобы выгнать изъ нея всѣ шапсугскія семьи, которыя вернулись на плоскость, загнанныя суровою зимою опять въ развалины своихъ старыхъ ауловъ. Этотъ набѣгъ былъ равносиленъ для нихъ смертному приговору, потому что въ горахъ, куда могли бѣжать несчастныя семьи, стояли сильные морозы и бушевали вьюги, грозившія смертію на каждомъ шагу. Но характеръ войны, обрекавшій на гибель цѣлыя племена, исключалъ гуманныя чувства. Евдокимовъ даже счелъ нужнымъ заблаговременно посвятить во всѣ эти соображенія молодого принца. Въ нѣсколько дней экспедиція была покончена, но войска нигдѣ не застали жителей, и только жгли пустые аулы съ покинутымъ въ нихъ скуднымъ имуществомъ. 11-го февраля отрядъ, прошедшій грозою всю котловину Шебжа, повернулъ назадъ, и принцъ остался при аррьергардѣ, которымъ командовалъ полковникъ Граббе. При отступленіи завязалось горячее дѣло, и Граббе, подмѣтивъ запальчивость, съ которой нападали шапсуги, опять устроилъ засаду. 3-й дивизіонъ, отдѣлившись отъ отряда, скрытно расположился въ устьяхъ рѣчки Психабе и, пропустивъ мимо себя шапсуговъ, вдругъ налетѣлъ на нихъ съ тыла. Молодецкая атака произведена была на гла-

*) Братъ великой княгини Ольги Феодоровны,—тогда женихъ дочери Великой Княгини Маріи Николаевны—принцессы Маріи Максимиліановны Лейхтенбергской.

Принцъ Вильгельмъ Баденскій.

захъ отряда, и принцъ вмѣстѣ съ своею свитой принялъ участіе въ жестокой рукопашной схваткѣ, стоившей шапсугамъ восемнадцать изрубленныхъ тѣлъ. Этимъ кровавымъ эпизодомъ и закончилась экспедиція. Войска вступили въ Григорьевское, откуда 3-й дивизіонъ кратчайшимъ путемъ пошелъ на свои квартиры, а 1-й проводилъ принца до Екатеринодара. Уѣзжая съ Кавказа, принцъ пожелалъ сохранить у себя память о Нижегородскихъ драгунахъ и вывезъ съ собою фотографію, на которой сняты были всѣ офицеры 1-го и 3-го дивизіоновъ. Въ свою очередь на память о себѣ онъ прислалъ тогда же полковнику Граббе, князю Амилахвари *) и эскадроннымъ командирамъ свои фотографическія карточки (°). Драгуны не безъ гордости узнали впослѣдствіи, что принцъ былъ удостоенъ за эту атаку орденомъ св. Георгія 4 ст.

Не успѣли эскадроны, участвовавшіе въ зимнемъ походѣ, вернуться домой, какъ 3-го марта весь полкъ потребованъ былъ въ Ставрополь, гдѣ произошли безпорядки среди Кубанскаго войска. Ходили темные слухи о томъ, что весь Хоперскій полкъ, поголовно назначенный къ переселенію на новыя передовыя линіи, отказался исполнить это требованіе, такъ какъ казаки находили подобный способъ переселенія для себя невыгоднымъ, и даже нарушавшимъ ихъ старыя войсковыя привилегіи. Они не отказывались отдать въ распоряженіе правительства всѣ свои наличныя боевыя силы, испытанныя и закаленныя въ порубежной войнѣ, но не хотѣли разрушать своего экономическаго благосостоянія, нажитаго вѣками, и поставить лицомъ къ лицу съ непріятелемъ своихъ женъ, малыхъ дѣтей и старцевъ,—все, что дорого казаку семьянину. По случаю сильныхъ волненій, войска въ окрестностяхъ Ставрополя были усилены, и два дивизіона Нижегородскаго полка получили приказаніе расположиться въ станицѣ Николаевской, а 3-й—въ Убѣжной. Изъ разспросовъ жителей можно было только понять, что казаки требовали переселенія по ихъ стародавнымъ обычаямъ—по жеребью, или по приговорамъ обществъ, безъ всякаго вмѣшательства со стороны администраціи. Это было ихъ право, и нарушеніе его вызывало въ станицахъ сильное броженіе. Такъ наступила весна, когда передовому эшалону Хоперскаго полка приказано было выступить на новую линію. Въ назначенный

*) Командиръ 1-го дивизіона подполковникъ Макаровъ находился въ отпуску и дивизіономъ въ походѣ командовалъ князь Амилахвари.

для этого день казаки, дѣйствительно, собрались въ станицу Александровскую, но вмѣсто того, чтобы готовиться къ походу, выгнали полкового командира, отняли знамена, и потребовали предъявленія имъ царскаго указа, безъ котораго не хотѣли сдѣлать ни шагу. Такого указа не было, и мѣстныя власти поставлены были въ большое затрудненіе. Приведенный сюда батальонъ имѣлъ неосторожность зарядить ружья на глазахъ казаковъ, и этимъ вызвалъ цѣлую бурю. Казаки зарядили винтовки, и объявили, что будутъ съ такимъ же упорствомъ отстаивать свои привилегіи, добытыя кровью ихъ отцовъ и дѣдовъ, съ которымъ тѣ отстаивали когда-то рубежъ русской земли. Къ Александровской станицѣ поспѣшно двинуты были еще два батальона пѣхоты и весь Нижегородскій полкъ, подъ общею командою полковника Граббе. Войска расположились передъ станицей, а казаки съ своей стороны поставили аванпостную цѣпь, которая никого не пропускала.

При такомъ напряженномъ состояніи обѣихъ сторонъ, одинъ опрометчивый шагъ могъ вызвать цѣлые потоки крови. Чтобы избѣжать такихъ печальныхъ послѣдствій, грозившихъ краю страшной катастрофой, Граббе взялъ поручика Лужина, и вдвоемъ съ нимъ отправился въ бунтующую станицу. Пикетные казаки пропустили его свободно. Ворота въ станицѣ были заперты, но ихъ тотчасъ открыли, и урядникъ Басовъ, старый ветеранъ, съ бѣлою какъ лунь бородою и съ тремя георгіями, встрѣтилъ Граббе съ обычнымъ рапортомъ. Этотъ Басовъ былъ выбранъ казаками въ главные начальники движенія, и потому явился въ сопровожденіи конвоя изъ 80 человѣкъ, которые находились при немъ безотлучно. «Здорово Басовъ! Здорово молодцы Хоперцы!»—привѣтствовалъ ихъ Граббе,—и отвѣтный крикъ: «Здравія желаемъ!» дружно подхваченный сотнями другихъ голосовъ, вовсе не показывалъ какого-либо мятежнаго настроенія. Порядокъ былъ вездѣ образцовый. Граббе объявилъ, что будетъ здѣсь ночевать, и приказалъ собрать стариковъ, съ которыми хотѣлъ говорить о дѣлѣ. Подъѣзжая къ отведенному для него помѣщенію въ домѣ бывшаго полкового командира, Граббе съ удивленіемъ увидѣлъ почетный караулъ, встрѣтившій его съ военною почестью. Явились и старики. Граббе бесѣдовалъ съ ними долго и вынесъ только убѣжденіе, что весь этотъ мятежъ—одно громадное недоразумѣніе, которое для общаго блага нужно было разъяснить какъ можно скорѣе. Онъ тотчасъ написалъ объ этомъ въ Ставрополь, и, можетъ

быть, первый выставилъ событія въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Но пока ожидали отвѣта, случилось одно происшествіе, показавшее какія ничтожныя причины могутъ иногда дать поводъ къ крупнымъ и уже ничѣмъ не вознаградимымъ послѣдствіямъ. Однажды ночью въ станицѣ вдругъ ударили въ набатъ, и улицы мгновенно покрылись бѣгущими казаками. Въ общемъ шумѣ ничего нельзя было разобрать, кромѣ какихъ-то угрозъ и дикихъ мятежныхъ возгласовъ. Очевидно вспыхнулъ бунтъ,—но никто не зналъ, почему онъ вспыхнулъ. Первымъ побужденіемъ Граббе было послать урядника въ отрядъ съ запискою, чтобы войска отнюдь не трогались съ мѣста, хотя бы услыхали въ станицѣ даже сильную перестрѣлку. Только успокоившись на этотъ счетъ, Граббе вышелъ на крыльцо и приказалъ узнать въ чемъ дѣло. Оказалось, что казаки поймали трехъ солдатъ линейнаго батальона, забравшихся ночью въ станицу, и вообразили себѣ, что они хотѣли выкрасть у нихъ знамена. Самое предположеніе о покражѣ знаменъ чрезвычайно удивило Граббе; но тутъ же ему пришлось узнать одно любопытное и въ высшей степени характерное обстоятельство. Когда вспыхнулъ мятежъ, казаки прежде всего овладѣли своими знаменами, и помѣстили ихъ въ отдѣльный домъ, приставивъ караулъ изъ пятисотъ человѣкъ, день и ночь не выпускавшихъ изъ рукъ заряженныхъ винтовокъ. Казаки берегли свои знамена пуще головъ, потому что среди нихъ сложилось уже такое убѣжденіе, что если знамена возьмутъ и отвезутъ на новую линію, тогда переселеніе полка неизбѣжно. «Тогда намъ конецъ», жаловались они Граббе. «Почему же конецъ?» спрашивалъ ихъ Граббе.—«А то какъ же? отвѣчали ему старики:—гдѣ будутъ знамена—тамъ должны быть и мы. Тутъ уже ничего не подѣлаешь. Бросай все, и дома и семьи,—а иди за ними. Безъ знаменъ—какіе же мы слуги царевы? Безъ нихъ намъ никакъ не возможно. Вотъ почему и бунтъ вышелъ: боимся, чтобы не взяли ихъ у насъ какою-либо хитростью или навожденіемъ». «Да вотъ, прибавилъ одинъ старикъ таинственно:—двухъ солдатъ сейчасъ приведутъ къ тебѣ, а третій—сказываютъ часовые: на ихъ глазахъ въ свинью перекинулся,—оборотень, значитъ. Такому долго ли сдѣлать какую-либо пакость». Граббе не стоило большого труда убѣдить казаковъ, что солдаты пришли воровать совсѣмъ не знамена, а куръ, поросятъ и индюшекъ. Удостовѣрившись въ этомъ, казаки сами стали смѣяться надъ своими опасеніями и первые явились усердными ходатаями за попавшихся солдатиковъ. Между тѣмъ черезъ два

дня послѣ письма Граббе въ станицу прибылъ свиты его величества генералъ-маіоръ князь Святополкъ-Мирскій, и отъ имени командующаго войсками объявилъ, что переселенія въ этомъ году вовсе не будетъ, и что во всякомъ случаѣ на это надо ожидать особаго высочайшаго повелѣнія. Тогда все успокоилось, и волненія въ войскѣ погасли разомъ ([6]).

Замѣчателенъ былъ, между прочимъ, одинъ случай, выразившій на это сопротивленіе казаковъ взглядъ простого русскаго солдата. Когда смута окончилась, и жители Александровской станицы, по собственному побужденію, выслали къ войскамъ цѣлые воза провизіи, водки и хлѣба,—Нижегородцы отказались принять ихъ. «Почему вы не принимаете то, что прислали казаки?» спросилъ подполковникъ Макаровъ собравшихся къ нему вахмистровъ.—«Солдаты очень обижаются,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ:—намъ, говорятъ, отъ мятежниковъ хлѣба-соли принимать не приходится» ([7]).

Пока драгуны стояли подъ Ставрополемъ, послѣдовало новое росписаніе войскъ по отрядамъ, и Нижегородскому полку не пришлось уже возвращаться въ свою Тихорѣцкую станицу. Вопросъ, поднятый графомъ Евдокимовымъ о перемѣщеніи полковыхъ штабсъ-квартиръ на передовыя линіи, получилъ къ этому времени окончательное разрѣшеніе. «Помимо боевыхъ потребностей края,—писалъ онъ главнокомандующему,—новое расположеніе полковъ гораздо лучше обезпечитъ и ихъ экономическія выгоды, такъ какъ всѣ хозяйственныя потребности будутъ у нихъ подъ рукою; а во-вторыхъ, всѣ нестроевыя и другія команды, не выходящія въ поле по разнымъ причинамъ, составятъ въ штабахъ боевую силу, тогда какъ теперь, при дизлокаціи вдали отъ кордоновъ, они не приносятъ ни малѣйшей пользы въ военномъ отношеніи». Въ этихъ же видахъ Евдокимовъ настоялъ на присоединеніе къ полкамъ ихъ резервныхъ эскадроновъ и инвалидныхъ ротъ, необходимыхъ для заготовки сѣна, такъ какъ до сихъ поръ для этой цѣли отдѣлялись цѣлые дивизіоны, что отражалось чрезвычайно вредно на строевомъ составѣ кавалеріи. «Не менѣе заготовленія сѣна—писалъ онъ: —стѣсняютъ кавалерію ежегодные ремонты молодыхъ лошадей, выѣздка которыхъ требуетъ значительнаго числа людей, и ослабляетъ боевой фронтъ лучшими наѣздниками. Въ этомъ случаѣ резервные эскадроны принесутъ полкамъ существенную пользу».

Въ силу этихъ доводовъ, резервный эскадронъ и инвалидная рота Нижегородскаго полка, подъ командой подполковника Яневича, выступили

изъ Чиръ-Юрта 1-го апрѣля, и въ исходѣ мая были уже въ Николаевской станицѣ (8). Полкъ въ это время готовился къ походу. По новой диспозиціи квартиры ему назначены были на Чамлыкѣ въ станицѣ Михайловской; но и эти квартиры были только временныя, такъ какъ съ развитіемъ нашихъ успѣховъ, войска должны были подвигаться все впередъ и впередъ; поэтому, чтобы избѣгнуть напрасныхъ затратъ, воспрещено было возводить въ штабъ-квартирахъ какія бы то ни было постройки, довольствуясь только временными бараками для нижнихъ чиновъ, да навѣсами для лошадей (9).

Но прежде чѣмъ познакомиться съ новой для него кордонною службой, полкъ прямо изъ-подъ Ставрополя направленъ былъ въ верховья Лабы, на рѣчку Ходзь, чтобы выселить оттуда непокорные Бесленеевскіе аулы. Надо сказать, что съ проведеніемъ Абадзехской линіи, соединившей Майкопъ съ Лабинскою станицею, большая часть черкесскихъ племенъ, обитавшихъ на этомъ пространствѣ, поняла всю безполезность сопротивленія, и, молча покорившись своей судьбѣ, стала выселяться или въ Турцію, или въ прикубанскія степи. Не трогалось съ мѣстъ только многочисленное Бесленеевское племя, которое отвергало всѣ наши предложенія, и своимъ упорствомъ смущало другихъ. Вотъ противъ этого-то племени и былъ направленъ Нижегородскій полкъ вмѣстѣ съ отрядомъ генерала Лихутина, который на зарѣ 20-го іюня внезапно окружилъ аулы, и все 4-тысячное племя вывелъ на правый берегъ Урупа. Только по исполненіи этой задачи, полкъ прибылъ наконецъ на Чамлыкъ въ станицу Михайловскую. Здѣсь расположился штабъ съ резервнымъ эскадрономъ и инвалидною ротою, а дивизіоны разошлись по кордонамъ: 1-й въ станицу Лабинскую, 2-й въ Родниковскую и 3-й въ Нижне-фарскую. Во всѣхъ этихъ станицахъ преимущественно жили сектанты и потомки тѣхъ дезертировъ, которые въ тридцатыхъ годахъ выведены были изъ Персіи Альбрандтомъ и Яневичемъ. Яневичъ и теперь еще за сталъ многихъ стариковъ, которые помнили его и его благородную миссію.

Съ переселеніемъ горцевъ, на оставленныхъ ими земляхъ по Фарсу и на Псефирѣ, тамъ, гдѣ стояло Хамкетинское укрѣпленіе, былъ собранъ особый Верхне-Абадзехскій отрядъ, съ цѣлью занять все теченіе этихъ рѣкъ и приготовить мѣста для новыхъ казачьихъ поселеній. Въ этотъ отрядъ потребовали также 1-й, 2-й и 5-й эскадроны Нижегородскаго полка для содержанія

разъѣздной службы (10). Работы, впрочемъ, производились спокойно. Злѣйшіе наши враги темиргоевцы, бесленеи, бѣглые кабардинцы, тамовцы и другіе были уже выселены, а если и оставались еще кое-какіе остатки, то они по своей малочисленности не могли предпринимать ничего серьезнаго. Шапсуги были также почти уничтожены, и передъ нами стоялъ только одинъ Абадзехскій народъ, многочисленный, воинственный и гордый, но съ которымъ у насъ заключенъ былъ миръ еще въ 1859 году, когда во главѣ его стоялъ Магометъ-Аминъ. Здѣсь, на этомъ самомъ урочищѣ, 20 ноября 1859 года собрались всѣ старшины абадзехскаго народа, и болѣе двухъ-сотъ представителей разныхъ сословій, подъ личнымъ предсѣдательствомъ самого Магометъ-Амина. Въ краснорѣчивой рѣчи, обращенной къ народу, онъ говорилъ, что законъ Магомета не воспрещаетъ мусульманину быть подданнымъ христіанскаго государя, и совѣтовалъ имъ принести покорность, чтобы избавить страну отъ ударовъ русскаго оружія, которое теперь, послѣ паденія Шамиля, не замедлитъ, конечно, обратиться противъ адыгскихъ племенъ. Онъ видѣлъ въ этомъ единственное средство сохранить абадзехамъ свое національное устройство, свой судъ и обычаи. Доводы его были такъ убѣдительны, что эти представители народа тутъ же, отъ имени своего стотысячнаго племени, принесли присягу на подданство Россіи и первый изъ нихъ присягнулъ самъ Магометъ-Аминъ. Правда, миръ этотъ былъ очень непроченъ, даже невыгоденъ для насъ въ политическомъ отношеніи, но его поддерживали всѣми мѣрами, потому что онъ-то именно и способствовалъ къ быстрой колонизаціи Западнаго Кавказа.

Появленіе русскихъ станицъ на Фарсѣ заставило, однако, призадуматься серьезно и абадзеховъ. Къ этому же времени въ горахъ проявляется сильнѣйшая агитація иностранныхъ эмиссаровъ, дѣятельно пропагандировавшихъ тогда, какъ въ Польшѣ, такъ и на Кавказѣ, борьбу противъ Россіи. Они говорили, что три государства: Англія, Франція и Турція готовы принять черкесскія племена подъ свое покровительство, и даже обѣщаютъ войска, которыя заставятъ Россію признать ихъ независимость, — подъ условіемъ, однако, чтобы сами черкесы составили общій союзъ и упорно сопротивлялись русскимъ. Предложеніе было такъ соблазнительно, что вопросъ рѣшался въ чрезвычайномъ народномъ собраніи, которое и отправило къ графу Евдокимову своихъ депутатовъ сказать, чтобы русскіе остановились на Фарсѣ, такъ какъ далѣе Фарса ихъ не пропустятъ.

Евдокимовъ спокойно выслушалъ депутатовъ и отвѣчалъ: «Я требую отъ абадзеховъ не мирнаго сосѣдства, а безусловной покорности, и прекращу военныя дѣйствія только тогда, когда послѣдній горецъ переселится на мѣсто, указанное ему русскимъ правительствомъ». Такой категорическій отвѣтъ смутилъ собраніе. Оно совѣщалось еще нѣсколько дней и постановило отправить депутацію къ русскому государю. Этого имъ не дозволили, но Евдокимовъ приказалъ сказать, что государь самъ скоро посѣтитъ Кавказъ, и что если ему будетъ угодно, то приметъ ихъ депутацію, но не иначе, какъ въ назначенномъ мѣстѣ, именно въ верховьяхъ Фарса, гдѣ будетъ собранъ Верхне-Абадзехскій отрядъ.

Переселеніе горцевъ.

Памятникъ въ станицѣ Царской въ честь пребыванія на Кавказѣ Императора Александра II.

V.

Императоръ Александръ II на Кавказѣ.

(1861 г.).

Ожиданіе пріѣзда государя.—Первая встрѣча его въ станицѣ Фарской.—Милостивыя слова, обращенныя имъ къ Нижегородцамъ. — Царскій смотръ.—Пріемъ государемъ черкесской депутаціи. — Отзывъ князя Барятинскаго о Нижегородцахъ. — Конецъ 1861 года на Лабинской линіи.

Въ іюлѣ 1861 года быстро разнеслась по Сѣверному Кавказу радостная вѣсть о близкомъ пріѣздѣ въ край Императора Александра Николаевича, пожелавшаго видѣть свои войска и поблагодарить ихъ за службу. Молва объ этомъ возбуждала равное нетерпѣніе, какъ среди русскихъ, жаждавшихъ увидѣть своего монарха, такъ и среди абадзеховъ, ожидавшихъ отъ него рѣшенія своей участи. Наступилъ августъ мѣсяцъ,

и войска Абадзехскаго отряда, разбросанныя по работамъ между Лабой и низовьями Бѣлой, стали сосредоточиваться къ укрѣпленію Хамкеты, куда государь долженъ былъ прибыть изъ Майкопа. Въ сборѣ не было только однихъ драгунъ, которые расположились отдѣльно въ Родниковской станицѣ. Отъ Хамкетовъ до Майкопа считалось 80 верстъ, и на этомъ переѣздѣ устроены были четыре почтовыя станціи: въ станицахъ Кужорской и Нижне-Фарской, потомъ на рѣкѣ Псефирѣ и, наконецъ, въ горахъ Кунактау. Дорога всѣ эти 80 верстъ проходила дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ легко могли скрываться остатки хищныхъ племенъ, избѣгшихъ переселенія въ Турцію, а потому для безопаснаго проѣзда государя, кромѣ непосредственнаго кавалерійскаго конвоя, долженствовавшаго находиться возлѣ самаго экипажа, назначено было еще шесть батальоновъ пѣхоты и 12 орудій, расположившихся по всему пути эшелонами (1).

Такъ какъ пріѣздъ государя ожидался въ половинѣ сентября, то времени оставалось еще достаточно, чтобы хоть нѣсколько приготовиться для встрѣчи великаго, державнаго гостя. Впрочемъ «готовиться» здѣсь значило совсѣмъ не то, что въ войскахъ, стоявшихъ въ Россіи, гдѣ на первый планъ выступали заботы о церемоніальномъ маршѣ и щегольствѣ въ одеждѣ; здѣсь войска съ утра и до ночи, не покладая рукъ, трудились надъ разработкою пути, по которому долженъ былъ проѣхать государь, чтобы сдѣлать его хоть сколько-нибудь сноснымъ и безопаснымъ для экипажа,—а за этими хлопотами некогда было не только чему-нибудь подучиться, но не было времени даже на то, чтобы хорошенько пообчиститься и починиться. Въ самый день царскаго пріѣзда, какъ и во всякой другой будничный день, приходилось выставлять аванпосты, ложиться въ секреты и провожать оказіи, подъ дождемъ и солнцемъ, не жалѣя ни костей, ни мундировъ. Для Нижегородцевъ вопросъ объ одеждѣ сопряженъ былъ еще съ большими трудностями, чѣмъ для другихъ частей, такъ какъ все полковое хозяйство ихъ осталось въ Чиръ-Юртѣ, за 800 верстъ отъ Лабы, и доставить оттуда хоть что-нибудь являлось совершенною невозможностью. У Нижегородцевъ не было не только вальтраповъ и мундштуковъ, но не было даже другихъ мундировъ, и выѣзжать на царскій смотръ приходилось въ томъ, въ чемъ ихъ привыкли видѣть горцы, да свои же неприхотливые походные товарищи. Но объ этомъ мало кто изъ насъ и заботился—говоритъ одинъ изъ современниковъ: мы надѣялись, что государь прочтетъ въ нашихъ глазахъ и въ нашихъ отвѣтныхъ кли-

кахъ глубокое чувство неизмѣнной любви къ нему, и проститъ наружные недостатки наши за твердое сердце и крѣпкую руку.

14-го сентября получено было, наконецъ, извѣстіе, что государь прибылъ въ Майкопъ, и Нижегородцамъ приказано было какъ можно скорѣе занять тѣ мѣста, откуда они должны были сопровождать государя. Съ этою цѣлью 3-й дивизіонъ расположился въ горахъ Кунактау, а 1-й и 2-й на рѣчкѣ Псефирѣ. 17-го сентября въ густыхъ лѣсахъ, окружавшихъ Псефиръ, послышался гулъ отдаленныхъ пушечныхъ выстрѣловъ. Не трудно было догадаться, что это Кужорская станица встрѣчаетъ государя, и что, слѣдовательно, черезъ два-три часа государь будетъ на Псефирѣ. Драгуны уже построились около почтовой станціи, какъ вдругъ случайно пріѣхалъ начальникъ штаба Абадзехскаго отряда и увидѣлъ полковника Граббе. «Зачѣмъ вы здѣсь? Почему? Что вы дѣлаете?» закидалъ онъ его вопросами.—«Стою вторыя сутки, спокойно отвѣчалъ ему Граббе, и жду государя».

— «Помилуйте! Это ошибка! Вы должны встрѣтить его съ дивизіономъ въ Фарской станицѣ. Скачите туда, какъ можно скорѣе». До Нижне-Фарской было 18 верстъ, и 2-й дивизіонъ съ мѣста пустился галопомъ. Былъ полдень, и передовые экипажи изъ царскаго поѣзда уже прибыли на мѣсто, когда дивизіонъ появился наконецъ у почтовой станціи. Но едва Граббе скомандовалъ: «во фронтъ!» какъ къ нему подскакалъ начальникъ дивизіи генералъ Тихоцкій. «Что это значитъ? Гдѣ вы были? Почему вы не въ парадной формѣ? почему безъ мундштуковъ? Гдѣ ваши вальтрапы?» Граббе только махнулъ рукою. «Какъ ходили въ походъ, такъ и явились!» отвѣтилъ онъ: «пусть государь увидитъ насъ такими, какими мы есть». Больше разъяснять было некогда; некогда было даже смахнуть пыль, толстымъ слоемъ насѣвшую на лошадей и мундиры:—императорской поѣздъ уже спускался съ горы, и впереди во весь опоръ скакали Тверскіе драгуны.

Первыя войска абадзехскаго отряда, встрѣтившія государя, были два эскадрона Нижегородцевъ и стрѣлковый батальонъ Ширванскаго полка, стоявшій здѣсь на посту. Выйдя изъ коляски и обойдя войска, государь обнялъ и поцѣловалъ Граббе. Отъ вниманія его не ускользнули, однакоже, ни пыль, насѣвшая на лица драгунъ, ни тяжелое отфыркиваніе взмыленныхъ, запыхавшихся коней,—и онъ вопросительно взглянулъ на Граббе. «Мы только-только что успѣли прискакать сюда, ваше величество!» отвѣтилъ на это Граббе.— «Развѣ вы меня не ждали?»—«Мы васъ ожидали, государь, только

за 18 верстъ отсюда, на Псефирѣ». Государь подошелъ къ фронту. «Спасибо драгуны!» громко проговорилъ онъ:—я въ вѣчномъ долгу передъ вами за Башъ-Кадыкъ-Ларъ и Кюрюкъ-Дара! Я еще не благодарилъ васъ за нихъ. Благодарю васъ теперь, мои славные Нижегородцы!» Загремѣло ура! А лошади между тѣмъ были перепряжены, и на козлахъ уже сидѣлъ знаменитый силачъ Нижегородскаго полка фурштатскій рядовой Сумашедовъ. Коляска, запряженная четверкою рѣзвыхъ лошадей, понеслась на полныхъ рысяхъ. Драгуны поскакали впередъ. Торопились ѣхать, чтобы засвѣтло добраться до лагеря, такъ какъ дорога черезъ лѣсъ была не совсѣмъ безопасна. Нижегородскіе дивизіоны смѣнялись поочередно: до Псефира государя сопровождалъ 2-й, отъ Псефира до Кунактау 1-й, а въ Кунактау встрѣтилъ поѣздъ 3-й дивизіонъ, вмѣстѣ съ охотничьей командой Кабардинскаго полка. Лихіе кабардинцы, съ пѣснями и тулумбасомъ, не отставали отъ кавалеріи, и все время бѣжали рядомъ съ царскимъ экипажемъ. Погода между тѣмъ испортилась; быстро надвинулась грозовая туча, и вдругъ оглушительный ударъ грома заставилъ всѣхъ вздрогнуть. Пришлось ѣхать шагомъ, такъ какъ въ темнотѣ наступившей воробьиной ночи трудно было различить дорогу. Государь вышелъ изъ экипажа, и надѣвъ плащъ въ рукава, продолжалъ путь верхомъ. Дождь перешелъ въ ливень, вѣтеръ бушевалъ и гнулъ столѣтнія деревья. Гроза усиливалась. Казаки, сопровождавшіе государя, зажгли факелы, но они едва мерцали и чадили невыносимо. Только часа черезъ два достигли наконецъ окраины горы, откуда начинался спускъ въ лагерь—и впереди замелькали тысячи огней, разбросанныхъ по холмамъ и оврагамъ.

Въ лагерѣ ожидали пріѣзда государя гораздо ранѣе, и съ понятнымъ безпокойствомъ смотрѣли на дорогу, откуда долженъ былъ показаться поѣздъ. Но поѣзда не было. Буря между тѣмъ свирѣпѣла; многіе шатры были сорваны и опрокинуты. И вдругъ страшный ударъ грома, сопровождаемый необыкновеннымъ трескомъ и гуломъ, заставилъ всѣхъ выскочить изъ палатокъ: это огромная вѣковая сосна, свергнутая съ отвѣсной высоты громовымъ ударомъ, рухнула въ рѣку. Въ исходѣ девятаго часа, безмолвный и волнуемый опасеніями лагерь вдругъ оживился. На скатѣ горы показались едва мерцавшіе движущіеся огоньки, которые все становились ближе и ближе. Вотъ показался и царскій поѣздъ. Впереди всѣхъ—дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ; за нимъ государь верхомъ, окруженный своею свитою, а по сторонамъ казаки, освѣщавшіе дорогу факелами. Въ

лагерѣ грянула музыка, покатился барабанный бой, и восторженное ура! слилось съ перекатами пушечной пальбы, которою военный лагерь встрѣчалъ пріѣздъ государя. Гроза уже стихла, но вѣтеръ еще бушевалъ, и мокрый лагерь казался угрюмымъ и мрачнымъ. Плошки и разноцвѣтные шкалики, развѣшанные фестонами, не могли горѣть и только чадили. Было сыро, грязно; во впадинахъ образовались лужи. Въ лагерѣ государь проѣхалъ прямо въ походную церковь, и оттуда направился въ свою ставку. Разбитая на высокомъ холмѣ, и видимая со всѣхъ сторонъ лагеря, ставка эта представляла собой большой, бѣлоснѣжный шатеръ въ три комнаты, съ цѣлымъ рядомъ оконъ, и полотняною башней, надъ которой развѣвался императорскій флагъ. Стѣны и потолокъ шатра обтянуты были шелковыми матеріями, а деревянный полъ устланъ богатыми персидскими коврами. Особенно эффектна была эта ставка при вечернемъ освѣщеніи, когда громадные канделябры, искусно составленные изъ ружей, заливали ее ослѣпительнымъ блескомъ. Говорили, однако, что государь остался не совсѣмъ доволенъ роскошью своего помѣщенія. «Я пріѣхалъ въ военный лагерь жить въ простой солдатской палаткѣ», сказалъ онъ Ольшевскому, «а вы построили для меня цѣлый дворецъ». Но дворецъ былъ необходимъ. Мало того, что на эту царскую ставку съ любовью и благоговѣніемъ смотрѣли тысячи русскихъ глазъ, но на нее смотрѣли, и поражались ея величіемъ всѣ представители горскихъ племенъ, собравшіеся по ту сторону Фарса, чтобы предстать передъ лицо монарха.

Къ полуночи въ лагерѣ все успокоилось. Бодрствовали только усиленные караулы, да среди ночи неожиданно явились два дивизіона Нижегородцевъ, на рысяхъ прибывшіе съ Псефира, чтобы принять участіе въ царскомъ смотру.

Послѣ ночной бури утро наступило прекрасное. Солнце только что стало подниматься изъ-за Кунактау, какъ государь, одѣтый въ пальто, одинъ вышелъ изъ своей ставки. Онъ долго любовался съ нагорнаго берега Фарса на снѣговой Кавказскій хребетъ, на его лѣсистыя предгорія, на русскій лагерь, широко раскинувшійся до самаго Маврюкъ-гая,— урочища, знаменитаго своею священною рощею. Въ этой рощѣ жилъ Магометъ-Аминъ, и подъ ея столѣтними дубами и чинарами любили собираться абадзехи для вершенія своихъ народныхъ дѣлъ. Теперь на этомъ самомъ мѣстѣ стояло русское войско. Абадзехи же, настоящіе хозяева страны, шапсуги, убыхи и представители другихъ племенъ тѣснились по ту сторону

Фарса, покрывая всѣ высоты противоположнаго берега. Отсюда государь направился къ лагерю. Этого никто не ожидалъ, а потому войска едва успѣли выскочить на линію. Государь шелъ медленно, останавливаясь и разговаривая съ солдатами. Увидѣвъ кабардинскихъ охотниковъ, онъ привѣтствовалъ ихъ: «Здорово кабардинская кавалерія!» и шутя напомнилъ вчерашнюю прогулку.

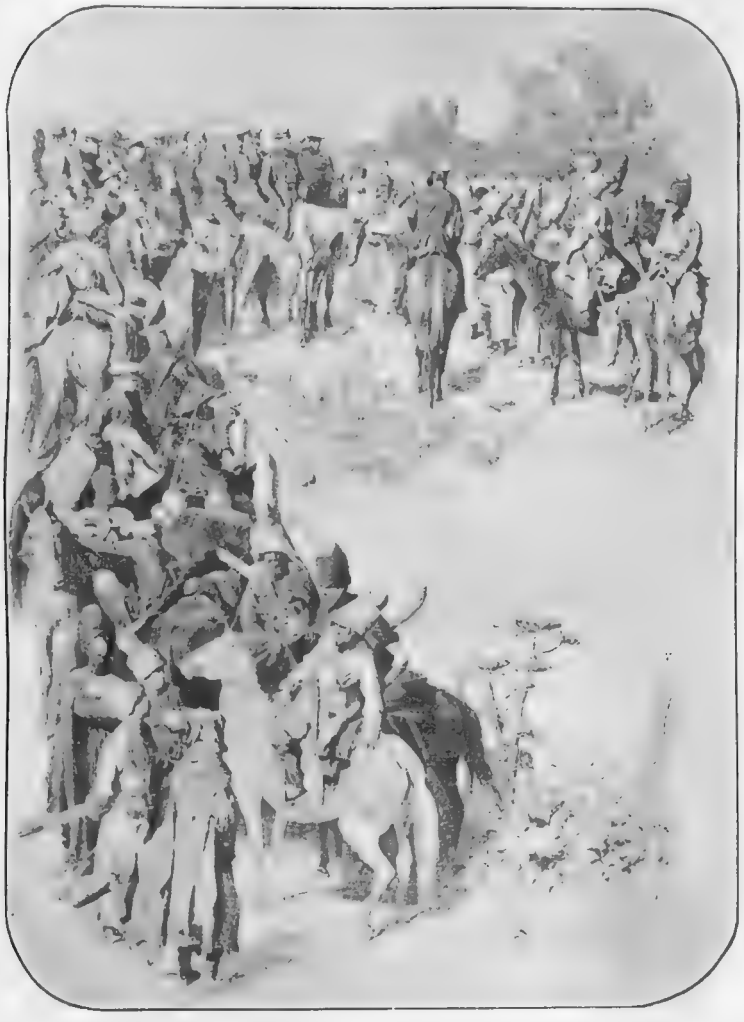
Въ лагерѣ Нижегородскаго полка государь былъ пріятно удивленъ, увидѣвъ вмѣсто одного дивизіона весь полкъ, который онъ оставилъ на дорогѣ. «Давно ли вы прибыли? спросилъ онъ у Граббе.—Передъ свѣтомъ, ваше величество.—Шли всю ночь?—Такъ точно, ваше величество: боялись опоздать къ смотру». Государь вызвалъ впередъ кавалеровъ. Ихъ было въ полку 56 человѣкъ. Каждаго изъ нихъ государь разспросилъ, гдѣ и за что получилъ крестъ, и потомъ, обратившись къ офицерамъ, сказалъ памятныя слова: «Нижегородцевъ я считаю своимъ первымъ кавалерійскимъ полкомъ».

Въ полдень государь сдѣлалъ смотръ и пропустилъ войска церемоніальнымъ маршемъ. Всѣ части—говоритъ Ольшевскій: прошли мимо царя если не такъ стройно, какъ на Марсовомъ полѣ, за то со свойственною кавказскому солдату своеобычностью и молодцоватостью. Каждую часть государь благодарилъ особо,—и благодарилъ именно въ тѣхъ выраженіяхъ, которыя вызывались ея боевыми заслугами; онъ даже, шутя, назвалъ нѣсколько разъ кавказскихъ солдатъ настоящими щеголями.

Едва войска были распущены, какъ отъ сборища горцевъ, собравшагося по ту сторону Фарса, отдѣлилось около 50 всадниковъ, и направились въ русскій лагерь. Это были депутаты горскихъ народовъ. Государь принялъ ихъ передъ своею ставкою. Въ рѣчи, обращенной къ нему представителями горскихъ племенъ, говорилось, что они счастливы привѣтствовать русскаго монарха на землѣ, которая столько вѣковъ принадлежала ихъ предкамъ; но покорность они изъявляли только условную: они соглашались на возведеніе въ своей землѣ укрѣпленій, но не хотѣли постройки станицъ. Государь отвѣчалъ, что даетъ мѣсячный срокъ, въ теченіи котораго они должны рѣшить — желаютъ ли поселиться на мѣстахъ, указанныхъ имъ по Кубани, гдѣ они получатъ земли въ вѣчное владѣніе, и сохранятъ свое народное устройство и судъ,—или же пусть переселяются въ Турцію.

Обѣдалъ въ этотъ день государь въ открытой палаткѣ, посреди

своихъ войскъ, а вечеромъ кушалъ чай, опять окруженный со всѣхъ сторонъ солдатами и офицерами. Кругомъ его пѣли пѣсни, гремѣло не-



Пріемъ горской депутаціи Императоромъ Александромъ II въ 1861 году.
(Съ картины Горшельдта).

смолкаемое ура—и все это покрывала собою лунная, теплая кавказская ночь. Возвращаясь назадъ въ свою ставку, государь между прочимъ

сказалъ Орбеліани: «Слава Богу, что мнѣ удалось провести хотя одинъ день посреди моей славной Кавказской арміи».

Но между тѣмъ какъ въ русскомъ лагерѣ все ликовало и гремѣло весельемъ, по ту сторону Фарса происходили сцены, полныя трагизма, столь присущаго горцамъ при каждомъ ихъ возбужденіи. И между тѣмъ какъ одни, безмолвно выслушавъ царскій отвѣтъ, окончательно пришли къ убѣжденію, что дѣло ихъ проиграно; другіе хватались за оружіе и клялись не вкладывать его въ ножны, пока русскіе не будутъ отброшены на берега Лабы и Кубани. Много употреблено было усилій и увѣщаній со стороны стариковъ, чтобы успокоить взволнованные умы молодежи, не разъ обнажались кинжалы, и дѣло доходило до кровавыхъ схватокъ. Въ русскомъ лагерѣ тоже удвоена была осторожность, такъ какъ только рѣка раздѣляла два враждебные лагеря, пока сохранявшіе еще наружный миръ, но для которыхъ Фарсъ не составилъ бы препятствія, чтобы броситься другъ на друга и начать рѣзню, способную погаснуть, пожалуй, лишь вмѣстѣ съ жизнію одного изъ противниковъ.

На другой день государь молился въ походной церкви и затѣмъ, простившись съ войсками, выѣхалъ изъ лагеря (2). Отъ Хамкетовъ до Переправной станицы его сопровождали 2-й и 3-й дивизіоны Нижегородскаго полка, а далѣе въ конвой должны были поступить 1-й и 2-й эскадроны, высланные туда наканунѣ. Но Нижегородцы не выдержали: остановившись въ Переправной, и давъ только передохнуть своимъ лошадямъ, они понеслись галопомъ, догнали царскій поѣздъ на пути къ Шадихѣ, и цѣлымъ полкомъ проводили государя до Каладжинскаго укрѣпленія, стоявшаго на правомъ берегу Лабы (3).

Государь долго помнилъ эти проводы, и съ особеннымъ удовольствіемъ разсказывалъ о нихъ князю Барятинскому, котораго засталъ еще въ Петербургѣ. Барятинскій не замедлилъ сообщить объ этомъ и полку: «Главнокомандующій», писалъ къ полковнику Граббе начальникъ главнаго штаба Кавказской арміи генералъ Карцевъ, «поручилъ мнѣ сообщить вамъ его благодарность за то блистательное состояніе и быстроту движенія Нижегородскаго полка, которыя лично замѣчены были государемъ императоромъ при посѣщеніи имъ Кубанской области. Фельдмаршалъ пишетъ ко мнѣ: «я желалъ бы, чтобы Нижегородскому полку было извѣстно, сколько я доволенъ имъ. Полковникъ Граббе превосходно исполнилъ данную мною ему задачу; переходы его полка на быстрыхъ аллюрахъ—

изумительны, и смѣю сказать, что нѣтъ въ Россіи другого кавалерійскаго полка, который могъ бы сдѣлать то же самое». «Вы, конечно,—прибавляетъ генералъ Карцевъ,—не сомнѣваетесь, съ какимъ искреннимъ чувствомъ удовольствія передаю я эти слова фельдмаршала вамъ и вашему полку» (¹).

Теперь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ раскинутъ лагерь Абадзехскаго отряда, имѣвшаго счастіе принимать у себя государя, основана станица Кубанскаго войска, а не вдалекѣ отъ нея, на живописномъ холмѣ Мамрюкъ-гай, воздвигнутъ памятникъ, съ великолѣпнымъ бюстомъ императора Александра II. Надпись на памятникѣ свидѣтельствуетъ о тѣхъ историческихъ событіяхъ, которыя совершились на этомъ холмѣ по отношенію къ Западному Кавказу 18 сентября 1861-го года,—и въ память этихъ же событій самая станица получила названіе Царской.

Проводивъ государя, эскадроны Нижегородскаго полка возвратились въ Родниковскую станицу, и простояли здѣсь болѣе мѣсяца. Срокъ, назначенный абадзехамъ для принятія того или другого рѣшенія, давно миновалъ, а они и не думали еще готовиться къ переселенію. Оставалось принудить ихъ къ этому силою оружія; но абадзехи сами предупредили наше намѣреніе, и первые открыли военныя дѣйствія внезапнымъ нападеніемъ на Новолабинскую станицу. Казаки отбились, и даже нанесли нападавшимъ значительный уронъ, но за то и съ нашей стороны цѣлая сотня, выскочившая на тревогу изъ станицы Некрасовской, попала на засаду и погибла прежде, чѣмъ ей успѣли подать какую-либо помощь. Извѣстіе объ этомъ подняло на ноги цѣлую линію,—и Нижегородскій полкъ тотчасъ разошелся по кордонамъ: 2-й дивизіонъ занялъ станицы Ново-Лабинскую и Некрасовскую, 3-й Старо-Лабинскую, а 1-й Нижне-Фарскую. Въ этомъ расположеніи драгуны спокойно простояли цѣлую зиму, и только разъ 2-му дивизіону пришлось совершить невольную прогулку, при слѣдующихъ довольно оригинальныхъ обстоятельствахъ. Однажды, въ половинѣ декабря, командиръ дивизіона князь Амилахвари получилъ приказаніе взять на три дня продовольствія и форсированнымъ маршемъ прибыть въ станицу Старо-Лабинскую. Приказаніе получено было въ семь часовъ утра, а въ девять — дивизіонъ уже выступилъ, покинувъ на своихъ квартирахъ всѣ тяжести и лишнія вещи. До Старо-Лабинской было 110 верстъ, но драгуны прибыли туда черезъ 19 часовъ, еще далеко до свѣта. Начальникъ линіи, однако, былъ крайне удивленъ ихъ неожи-

данным появленіемъ. «Откуда вы? Зачѣмъ?» спросилъ онъ Амилахвари. Амилахвари показалъ предписаніе. «Это ошибка! воскликнулъ полковникъ Алкинъ: — Евдокимовъ требовалъ васъ не сюда, а въ Ханскую. Идите туда какъ можно скорѣе». Ханская лежала совершенно въ противоположной сторонѣ, и до нея было также не менѣе 110-ти верстъ; но дѣлать было нечего, и драгуны, двинувшись дальше, на слѣдующій день были уже въ Ханской. Здѣсь имъ сказали, что Евдокимовъ проѣхалъ, и дивизіонъ, совершивъ круговое движеніе, въ общей сложности до трехъ-сотъ верстъ, вернулся опять на свои квартиры (5). Этимъ эпизодомъ и закончилась служба Нижегородскаго полка на Лабинской линіи зимою 1861 года.

Хакметинскій лагерь.

Домъ полкового командира въ Майкопѣ.

VI.

Между Лабою и Бѣлой.

(1862 г.).

Положеніе дѣлъ на правомъ крылѣ въ началѣ 1862 года.—Нижегородцы при переселеніи Бѣлорѣчинскихъ ауловъ.—Первая экспедиція въ землю Абадзеховъ.—Тревоги у Ханскаго Брода.—Выселеніе Махошевцевъ.—Служба 1-го дивизіона на Абадзехской линіи.—Нападенія горцевъ на посты и разъѣзды.—Тревога въ Свѣтлое Воскресеніе.—Молодецкое дѣло 19-го апрѣля.—Перемѣщеніе полка на передовую линію.—Населеніе новыхъ станицъ.—Линейныя тревоги.—Общее наступленіе войскъ въ горы.

Новый 1862 годъ засталъ Нижегородскій полкъ расположеннымъ на Лабинскихъ кордонахъ. Лаба уже много лѣтъ считалась нашею передовою линіею; но за Лабою, на всемъ пространствѣ между этою рѣкою и Бѣлой, еще былъ непріятель: тамъ жили хищныя племена, большая часть которыхъ, правда, уже выселилась въ Турцію, но многіе еще, подъ

видомъ наружной покорности, оставались и на старыхъ мѣстахъ. Вотъ съ этими-то остатками и нужно было покончить прежде, чѣмъ окончательно перенесть нашу передовую линію на Бѣлую, гдѣ мы должны были встрѣтиться лицомъ къ лицу съ абадзехами.

Въ началѣ 1862 г. полковникъ Есаковъ съ сильнымъ кавалерійскимъ отрядомъ, въ составъ котораго вошли 2-й и 3-й дивизіоны Нижегородскаго полка, внезапно оцѣпилъ Бѣлорѣчинскіе аулы, принадлежавшіе темиргоевскому племени, и потребовалъ, чтобы жители въ 24 часа переселились за Лабу. Старшины заявили, что въ такой короткій срокъ они не успѣютъ собрать имущества, и просили отсрочки. «Вы цѣлые мѣсяцы пользовались льготою и имѣли на это слишкомъ достаточно времени», отвѣчалъ имъ Есаковъ. «Завтра, въ этотъ самый часъ, въ русскомъ лагерѣ выстрѣлитъ пушка, и по этому сигналу жители должны тронуться въ путь. Въ тотъ же моментъ аулы будутъ зажжены, и то, что останется въ домахъ, погибнетъ въ пламени».

Ровно черезъ сутки въ лагерѣ, дѣйствительно, грянулъ пушечный выстрѣлъ, но такъ какъ по этому сигналу ни одна арба не тронулась съ мѣста, то казаки бросились зажигать аулы; горцы, однакоже, оттѣснили казаковъ и потушили пожаръ. Тогда Есаковъ, выдвинувъ артиллерію, приказалъ стрѣлять черезъ головы. Онъ думалъ напугать этимъ жителей, но вмѣсто того заставилъ ихъ схватиться за оружіе—и только вмѣшательство князя Амилахвари успѣло предотвратить ненужное кровопролитіе. Жителямъ, наконецъ, дали отсрочку—и черезъ три дня аулы спокойно потянулись за Лабу, конвоируемые нашею кавалеріею (1).

Съ темиргоевцами было покончено, но между Лабою и Бѣлой оставались еще махошевцы, ерукаевцы, бѣглые кабардинцы и другіе, которыхъ пока оставили въ покоѣ, такъ какъ Евдокимовъ торопился начать военныя дѣйствія противъ абадзеховъ, пользуясь зимнимъ временемъ, когда лѣса не одѣлись еще молодою листвой. Кавалеріи приказано было, проводивъ переселенцевъ, вернуться какъ можно поспѣшнѣе къ Ханскому Броду, откуда предположено было вести широкую лѣсную просѣку по землѣ абадзеховъ до самой Пшехи, чтобы утвердиться на берегахъ этой рѣки въ самомъ центрѣ враждебнаго намъ населенія. 21-го февраля семнадцать батальоновъ пѣхоты перешли черезъ Бѣлую и тотчасъ приняlись за работу, а кавалерія—Тверской драгунскій полкъ въ полномъ составѣ, два дивизіона Нижегородцевъ и 11 сотенъ казаковъ съ конною

батареею, подъ общимъ начальствомъ генерала Тихоцкаго,—осталась на правомъ берегу въ окопахъ Ханской станицы.

Большой составъ отряда, преувеличенные слухи о силахъ абадзеховъ и неприступности ауловъ, раскинутыхъ на Пшехѣ, наконецъ осторожность, проглядывавшая во всѣхъ распоряженіяхъ графа Евдокимова, заставляли думать, что въ экспедиціи будутъ дѣла, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ перестрѣлокъ, —и кавалерія съ нетерпѣніемъ ожидала вызова за Бѣлую. Случились, однако, обстоятельства, которыя помѣшали ей принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ главнаго отряда: во-первыхъ, Бѣлая внезапно вскрылась, и ледоходъ на нѣсколько дней перервалъ сообщенія съ зарѣчинскою стороною, а во-вторыхъ, абадзехи, встревоженные нашимъ движеніемъ на Пшеху, сами выслали значительныя силы, чтобы угрожать нападеніемъ на наши собственныя линіи (²).

Какъ разъ въ это время явилась необходимость переселить два небольшіе аула, находившіеся верстахъ въ шести отъ Ханскаго окопа, чтобы очистить мѣсто для будущей Бѣлорѣчинской станицы. Аулы эти, принадлежавшіе князьямъ Болатоковымъ, потомкамъ славнаго Джембулата Айтекова, сами желали переселиться, но не смѣли тронуться съ мѣста, опасаясь абадзеховъ, которые во что бы то ни стало хотѣли удержать ихъ на старыхъ мѣстахъ. Посланная на помощь къ нимъ небольшая колонна полковника Семенкина, въ составъ которой вошли два эскадрона драгунъ (одинъ Тверской, другой—Нижегородскій) расположилась возлѣ самыхъ ауловъ, и 4-го марта проводила ихъ на указанное мѣсто. Три дня, пока продолжались сборы жителей въ путь, абадзехи вели перестрѣлку съ отрядомъ, но самое переселеніе, къ общему удивленію, прошло безпрепятственно. Упустили ли абедзехи этотъ моментъ, или просто не осмѣлились напасть на русскій отрядъ, стройно прикрывавшій обозъ переселенцевъ, только они дали отойти ему на довольно значительное разстояніе, и вдругъ кинулись въ окрестности Ханскаго Брода.

4-го марта, въ тотъ самый день, когда аулы Болатоковыхъ двинулись въ путь, изъ Ханскаго окопа выѣхалъ на Лабинскую линію войсковой старшина Баумъ, сопровождаемый сотнею линейныхъ казаковъ. Не успѣлъ онъ дойти до Бѣлорѣчинскаго укрѣпленія, какъ увидѣлъ огромную партію, спускавшуюся съ нагорнаго берега, съ видимымъ намѣреніемъ произвесть нападеніе. Попробовали казаки дать ходу, чтобы уйти отъ погони, но партія уже вынеслась на перерѣзъ и окружила ихъ

со всѣхъ сторонъ. Видя, что абадзеховъ тысячи, и что прорваться нельзя, казаки быстро свернули на пахоть, спѣшились и сбатовали коней. Завязалось одно изъ тѣхъ славныхъ дѣлъ, которыми такъ богата исторія нашего линейнаго казачества. Спокойно, сосредоточенно, посылая выстрѣлъ за выстрѣломъ, геройски отбивались казаки за своимъ живымъ укрѣпленіемъ, не теряя надежды на выручку; но къ ихъ несчастію вѣтеръ относилъ выстрѣлы въ сторону, и перестрѣлки не было слышно ни въ Бѣлорѣчинскомъ, ни въ Ханской. Положеніе съ каждой минутой становилось опаснѣй и безнадежнѣе. До сихъ поръ ракеты, пугавшія лошадей, еще сдерживали горцевъ отъ удара въ шашки; но это не могло продолжаться долго, и казаки уже готовили кинжалы на случай рукопашной схватки, какъ вдругъ съ двухъ сторонъ появилась запоздавшая помощь. Еще при самомъ началѣ боя нѣсколько казаковъ, прорвавшись въ Бѣлорѣчинское укрѣпленіе, догнали колонну Семенкина и сообщили ей объ отчаянномъ положеніи Баума. Часть колонны тотчасъ повернула назадъ, а между тѣмъ тревога поднялась и въ Ханскомъ окопѣ. Тамъ услыхалъ перестрѣлку первый князь Амилахвари, случайно находившійся на станичномъ валу; онъ безошибочно опредѣлилъ не только, что это горцы напали на Баума, но даже мѣсто, гдѣ происходила битва, и степень опасности ея для нашихъ казаковъ. Замѣчательно, что кромѣ одного Амилахвари никто въ цѣломъ лагерѣ не слыхалъ перестрѣлки; но тѣмъ не менѣе вся кавалерія тотчасъ понеслась по Бѣлорѣчинской дорогѣ,—и поспѣла какъ разъ во-время, потому что казаки бились уже въ предсмертной агоніи. Неожиданное появленіе конницы съ одной стороны, и колонны Семенкина съ другой—заставило горцевъ прекратить нападеніе и скрыться за Бѣлую. Ихъ не преслѣдовали, потому что на той сторонѣ начинался лѣсъ,—и кто знаетъ, какія силы могли укрываться подъ таинственною завѣсой его столѣтнихъ дубовъ и чинаръ. Такъ разлетѣлась грозная туча, готовая разразиться надъ нашей головою—и если бы не чуткое ухо князя Амилахвари, то Бауму и его казакамъ, пожалуй, и не пришлось бы увидать свои родныя Лабинскія станицы ([3]).

Возвратившись въ лагерь, кавалерія узнала о другомъ, еще болѣе крупномъ происшествіи, случившемся два дня тому назадъ тоже на Бѣлой, но стоившемъ намъ уже тяжелой потери. Это было извѣстное по своему геройству дѣло стрѣлковаго батальона Апшеронскаго полка, внезапно атакованнаго на Семиколѣнной горѣ, близъ нынѣшней Абадзехской

станицы, двухтысячнымъ скопищемъ горцевъ. Апшеронцы потеряли 8 офицеровъ и болѣе ста нижнихъ чиновъ, но не только пробили себѣ дорогу штыками и вынесли всѣхъ своихъ раненыхъ, но заставили абадзеховъ бѣжать съ громаднымъ урономъ въ шестьсотъ человѣкъ. Настолько же тревожны были извѣстія, получаемыя и изъ новыхъ станицъ, расположенныхъ по Фарсу и верхней Лабѣ, гдѣ положеніе дѣлъ казалось настолько опаснымъ, что 3-й дивизіонъ Нижегородскаго полка былъ высланъ даже изъ отряда для охраны Лабинской линіи, и простоялъ на ней уже до самой весны 1862 года, когда полку пришлось перемѣнить квартиры. Это были, впрочемъ, послѣднія тревоги, вызванныя пребываніемъ отряда за Бѣлой. 8-го марта экспедиція окончилась, и пѣхота, возвратившаяся назадъ, расположилась опять у Ханскаго Брода. Нельзя сказать, чтобы экспедиція эта достигла тѣхъ результатовъ, на которые разсчитывалъ Евдокимовъ, такъ какъ просѣка не была докончена, и войска не дошли до Пшехи; но самая попытка эта вызвала сильное волненіе среди абадзеховъ, увидѣвшихъ готовность нашу перенесть военныя дѣйствія въ горы. Значительныя толпы убыховъ, прибывшія съ береговъ Чернаго моря, усердно поддерживали ихъ воинственное настроеніе, и всѣ ущелія рѣкъ Пшиша, Пшехи, Курджипса и Бѣлой кишили партіями. При такомъ положеніи дѣлъ оставлять какія бы то ни было туземныя поселенія между Лабою и Бѣлой было уже немыслимо, и Евдокимовъ потребовалъ немедленнаго переселенія махошевцевъ и ерукаевцевъ на мѣста, отведенныя имъ за Лабой и на Кубани. Немногіе, однакоже, послушались голоса благоразумія, а большинство отказалось исполнить это требованіе, разсчитывая, быть можетъ, на помощь абадзеховъ, для которыхъ они столько лѣтъ служили авангардомъ и передовою охранною стражею. Но именно это-то послѣднее обстоятельство и заставляло графа Евдокимова дѣйствовать противъ нихъ съ особой настойчивостью, не останавливаясь ни передъ какими жертвами, лишь бы скорѣе дойти до развязки. И вотъ, съ 8-го по 27-е марта, почти три недѣли длится неустанная и безпощадная облава, замѣчательная тѣмъ, что въ продолженіе ея мы истребили множество ауловъ, еще болѣе сожгли запасовъ хлѣба и сѣна, но почти не видѣли горцевъ, и не захватили ни одного семейства, такъ какъ всѣ они бѣжали въ непокорныя горы. Евдокимова это, впрочемъ, нисколько не смущало, потому что ему было все равно, куда бы ни переселились горцы, лишь бы очистили землю, на которой тот-

часъ возникали русскія поселенія (4). Но пока вся богатѣйшая долина Бѣлой, какъ сѣтью, покрывалась новыми постами и строющимися станицами, 2-й дивизіонъ Нижегородскаго полка былъ спущенъ на отдыхъ, и спокойно простоялъ около мѣсяца въ Ново-Лабинской станицѣ.

Теперь вернемся назадъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о службѣ 1-го дивизіона на Абадзехской кордонной линіи, гдѣ близость непріятеля давала себя чувствовать безпрерывными тревогами и нападеніями. Недавно устроенная, линія эта не имѣла еще достаточно сильнаго казачьяго населенія, чтобы обходиться безъ помощи постороннихъ частей, и драгунамъ съ первыхъ же дней пребыванія въ Нижне-Фарской станицѣ, пришлось отбывать линейную службу наравнѣ съ казаками. Въ первый же день командовавшій лейбъ-эскадрономъ поручикъ Барановъ, объѣзжая посты, замѣтилъ, что одинъ изъ нихъ стоитъ на очень неудобной мѣстности, занимая курганъ, подъ которымъ тотчасъ же пролегала глубокая лѣсистая балка. Онъ заявилъ объ этомъ постовому начальству, но ему возразили, что никакихъ происшествій на этомъ посту никогда не бывало, и что казаки, болѣе привычные къ такого рода службѣ, не затрудняются его занимать. Видя безполезность дальнѣйшихъ разговоровъ, Барановъ оставилъ пикетъ на мѣстѣ, но вмѣсто трехъ поставилъ шестерыхъ драгунъ, и приказалъ имъ какъ можно чаще навѣдываться въ балку. На первый разъ все обошлось благополучно. Но не больше какъ черезъ нѣсколько дней, 10-го марта, когда на пикетахъ стояли опять казаки, горцы прокрались этою самою балкой къ кургану и кинулись до того внезапно, что два казака были изрублены, не успѣвъ даже выстрѣлить, а третій, раненый въ голову шашкой, успѣлъ доскакать до станичныхъ воротъ и поднялъ тревогу. Драгуны выскочили первые; за ними появились двѣ сотни линейныхъ и сотня донскихъ казаковъ. Все это по свѣжей сакмѣ пустилось за горцами, которые скрылись въ обширныхъ лѣсахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Махошевскихъ. Близились сумерки; въ лѣсу было темно, и наши всадники, продолжая скакать по узкимъ лѣснымъ тропамъ, не замѣтили какъ очутились въ непроглядной мглѣ быстро наступившей ночи. Съ трудомъ они различили въ сторонѣ контуръ какого-то аула, но едва повернули къ нему, какъ встрѣчены были залпомъ. Драгуны, однако, вскочили въ аулъ, но не нашли въ немъ уже никого: онъ былъ пустъ, и давно покинутъ жителями.

Теперь приходилось разрѣшать вопросъ о томъ — остановиться ли

здѣсь на ночь, или же отступить, пока абадзехи не успѣли собраться въ значительныя силы и отрѣзать насъ отъ станицы. Второе мнѣніе высказано было казаками, за первое—стояли всѣ драгунскіе офицеры. Командиръ лейбъ-эскадрона поручикъ Барановъ первый заявилъ, что отступать въ темную ночь по густому, незнакомому лѣсу, крайне рисковано, что лучше дождаться мѣсяца, а если онъ не взойдетъ, то ожидать разсвѣта. Тогда, если бы абадзехи собрались даже въ значительныхъ силахъ, то отрядъ, подъ прикрытіемъ спѣшенныхъ драгунъ, можетъ отступить въ полномъ порядкѣ, чего нельзя ожидать въ темнотѣ и на незнакомой мѣстности. На этомъ рѣшеніи остановились всѣ, и ночь проведена была въ аулѣ. Непріятель нѣсколько разъ подкрадывался и дѣлалъ залпъ по нашей цѣпи; но ему не отвѣчали,—и это гробовое молчаніе дѣйствовало на горцевъ гораздо сильнѣе ружейной трескотни. Съ разсвѣтомъ наша конница благополучно выбралась изъ лѣса, и только тогда, когда она находилась уже на открытой равнинѣ, непріятель, высыпавъ на опушку лѣса, проводилъ ее нѣсколькими залпами. Ночная экскурсія эта стоила драгунамъ двухъ человѣкъ убитыми, трехъ ранеными и четырехъ лошадей (5).

Въ другой разъ, пользуясь густымъ туманомъ, горцы напали на цѣлый казачій разъѣздъ, возвращавшійся изъ Фарской въ Лабинскую станицу, и едва его не уничтожили. Къ счастію тревога быстро распространилась по линіи, и 1-й дивизіонъ, выскочившій подъ командой подполковника Макарова, поспѣлъ какъ разъ во-время, чтобы спасти его отъ неминуемой гибели. Выселеніе махошевцевъ, оконченное къ исходу марта мѣсяца, и прибытіе на Фарсъ значительнаго отряда полковника Офрейна, приступившаго къ постройкѣ новой Махошевской станицы, нѣсколько успокоило край,—и тревоги сдѣлались рѣже. Такъ наступила Пасха, приходившаяся въ этомъ году на 8-е апрѣля. Въ Нижне-Фарской станицѣ отошла уже пасхальная заутреня, и народъ съ зажженными свѣчами выходилъ изъ церкви, какъ вдругъ прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ, что не вдалекѣ, по направленію къ лагерю Офрейна, слышна сильная ружейная перестрѣлка,—и со станичнаго вала грянулъ пушечный выстрѣлъ. Медлить было нечего, — и подполковникъ Макаровъ съ своимъ дивизіономъ тотчасъ выскочилъ за станицу. Старый Нижегородецъ, свидѣтель иной, Чиръ-юртовской эпопеи, онъ помнилъ другую пасху, тоже 8-го апрѣля, когда, вотъ такъ же какъ и теперь, и

тотъ же лейбъ-эскадронъ скакалъ на тревогу. Но то была роковая тревога. Тогда былъ убитъ Золотухинъ, раненъ Джемарджидзе,—и Макаровъ, еще штабсъ-капитанъ, принялъ отъ него этотъ лейбъ-эскадронъ, съ которымъ судьба привела его на берега Лабы и Фарса. Сколько думъ, сколько дорогихъ образовъ, которые онъ помнилъ, но которыхъ онъ больше никогда не увидитъ, пронеслось передъ нимъ въ эту пасхальную ночь, въ это 8-е число, когда онъ во главѣ того же лейбъ-эскадрона скакалъ опять на тревогу.

На этотъ разъ ему пришлось, однако, только выручать стрѣлковъ сводно-линейнаго батальона, которые, сопровождая своего командира подполковника Евдокимова, попали на засаду. Евдокимовъ выѣхалъ изъ лагеря Офрейна ночью, торопясь поспѣть къ заутрени въ Фарскую станицу, а потому стрѣлки его ѣхали на троечныхъ повозкахъ. Путь предстоялъ небольшой, всего верстъ тринадцать, но дорога пересѣкалась лѣсистыми балками, составлявшими излюбленные воровскіе притоны всегда, а въ то время, когда разореніе горскихъ ауловъ увеличило число бездомныхъ скитальцевъ, въ особенности. Едва стрѣлки спустились въ одинъ изъ такихъ овраговъ,—какъ грянулъ залпъ, и человѣкъ двѣсти абадзеховъ вдругъ кинулись въ шашки. Передовой патруль былъ уничтоженъ, но остальные стрѣлки, соскочивъ съ телѣгъ, быстро выскочили изъ балки и заняли стоявшее на берегу татарское кладбище. Только это и спасло команду. Занявшись грабежемъ покинутыхъ повозокъ, горцы упустили для нападенія самый удобный моментъ, когда стрѣлки выбирались изъ балки, а теперь справиться съ ними уже было трудно. Изъ - за каменной ограды и могильныхъ камней стрѣлки встрѣтили ихъ такимъ огнемъ, что абадзехи, послѣ нѣсколькихъ попытокъ итти на приступъ, отступили съ большою потерей. Когда прискакали драгуны, изъ сорока стрѣлковъ 12 человѣкъ уже были убиты, ранены, и пропали безъ вѣсти; лошади были уведены, телѣги валялись съ порубленными колесами ([6]).

Наступила, наконецъ, весна, и графъ Евдокимовъ, не теряя времени, рѣшилъ перенесть передовую линію на Бѣлую, чтобы окончательно упрочить за нами занятое пространство. Лаба, прославленная когда-то подвигами Засса, Волкова и ихъ сподвижниковъ, теперь отодвигалась на задній планъ. Для занятія новой линіи отъ Бѣлорѣчинскаго укрѣпленія до самаго Каменнаго моста, назначенъ былъ весь Нижегородскій полкъ, которому уже въ третій разъ приходилось мѣнять свои квартиры. 16-го

апрѣля два дивизіона его, 2-й и 3-й, экстренно вызванные съ Лабинской линіи, сдѣлали стоверстный переходъ, и 17-го числа явились въ Майкопъ (7), куда переносилась и штабъ-квартира изъ Михайловской. 1-й дивизіонъ еще два дня оставался въ Нижне-Фарской, точно для того, чтобы ознаменовать день своего выступленія такимъ молодецкимъ дѣломъ, которое и доселѣ сохраняется въ памяти казачьяго населенія. Случилось это 19-го апрѣля. На самомъ свѣту изъ станицы выѣхала дежурная сотня и расположилась пофуражировать не вдалекѣ отъ ея ограды; но не успѣли косцы приняться за работу, какъ изъ лѣса вдругъ вынеслась

Укрѣпленіе Майкопъ.

конная партія и отрѣзала ихъ отъ коноводовъ. Захваченные врасплохъ и не успѣвшіе даже сбѣжаться для обороны, казаки могли быть уничтожены, если бы, на ихъ счастіе, не находился въ станицѣ 1-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, долженствовавшій въ этотъ же день выступить въ Майкопъ. Услышавъ выстрѣлы, лихіе Нижегородцы на неосѣдланныхъ коняхъ, а нѣкоторые даже въ одномъ бѣльѣ, понеслись на тревогу. Въ полуверстѣ отъ станицы они увидѣли поразительную картину этой отчаянной, одиночной борьбы, происходившей на мѣстности, заросшей густымъ кустарникомъ. Командиръ дивизіона подполковникъ Макаровъ тотчасъ спѣшилъ лейбъ-эскадронъ и ударилъ въ штыки. Горцы подались назадъ,

но, отступая, навели драгунъ на засаду. Со всѣхъ сторонъ ринулись на нихъ новыя толпы абадзеховъ. Завязался рукопашный бой; но въ этотъ моментъ 2-й эскадронъ съ маіоромъ Умаровымъ успѣлъ обскакать непріятеля, и кинулся съ фланга. Растерявшіеся абадзехи пустились бѣжать, однако захватили съ собою и тѣло убитаго казачьяго урядника. Оставить въ рукахъ непріятеля этотъ трофей Умаровъ считалъ позорнымъ, а потому ворвался съ своимъ эскадрономъ въ лѣсъ, настигъ абадзеховъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся оттуда съ тѣломъ урядника. Въ дивизіонѣ семь человѣкъ и одиннадцать лошадей были ранены, но за то вся станица, глубоко тронутая этимъ поступкомъ, вышла на встрѣчу драгунъ и приняла ихъ съ хлѣбомъ и солью. Такъ закончилась служба Нижегородцевъ въ Нижне-Фарской станицѣ (8). Въ тотъ же день 1-й дивизіонъ перешелъ изъ нея въ Майкопъ и остался при штабѣ полка; 2-й былъ передвинутъ въ Ханскую, а третій расположенъ въ Кужорской на сообщеніи Бѣлорѣчинской линіи съ Лабинскою.

Оживленную картину представляла собой долина Бѣлой весною 1862 года. Изо-дня въ день двигались по ней огромные обозы переселенцевъ, направлявшіеся сюда по всѣмъ дорогамъ отъ Лабы и Кубани. Они шли къ мѣстамъ, обозначеннымъ окопами, и селились за ними, образуя передъ лицомъ врага новое порубежное казачество. Были между ними старые, закаленные въ битвахъ казаки, и молодые безусые парни; были переселенцы изъ далекихъ русскихъ губерній, которыхъ манило сюда приволье кубанскихъ степей, да казацкая воля, никогда не умиравшая въ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ; были люди, не имѣвшіе, какъ говорится, обезпеченныхъ средствъ къ существованію, а были и такіе, которые шли подъ видомъ охотниковъ, а на самомъ дѣлѣ выселялись по приговорамъ обществъ, какъ люди порочные или безпокойные, отъ которыхъ, кромѣ конокрадства и другихъ «вольныхъ промысловъ», ничего нельзя было ожидать и на мѣстахъ новыхъ ихъ поселеній.

По сторонамъ всѣхъ этихъ обозовъ толпами шли бабы и дѣвки, а на возахъ, доверху нагруженныхъ скарбомъ, сидѣли дѣти или болтались привязанныя клѣтки съ домашнею птицей; за возами, поднимая пыль, бѣжали небольшія стада овецъ и свиней. Картина была совершенно мирнаго характера, и никому изъ переселенцевъ не приходило, кажется, въ голову, что вотъ-вотъ могутъ нагрянуть черкесы, и все это добро, съ которымъ они тянулись сотни и тысячи верстъ, пойдетъ

прахомъ и дымомъ. Но ничего подобнаго, однако, не случилось, и обозы, одинъ за другимъ втягиваясь въ широкія ворота окоповъ, располагались за ними становищами. Войска уже стояли на линіи, и подъ ихъ прикрытіемъ новые казаки усердно принимались за топоры и лопаты. Скоро поспѣли избы, а затѣмъ заколосились кругомъ и хлѣбныя нивы. Тамъ гдѣ лежали глухіе пустыри, потянулись теперь привольныя казацкія станицы, привѣтливо смотрѣвшія на свѣтъ Божій своими укромными свѣтлыми хатками. Кто полѣнивѣе, тотъ строилъ землянку, но были и избы съ крылечками на улицу, съ тесовыми крышами и съ вырѣзными на нихъ коньками—широкими затѣями русскаго рабочаго люда. По серединѣ станицы устраивалась площадь, и на ней появлялась церковь—своего рода знамя, къ которому собирались казаки, въ минуту грозящей опасности. Пусть хата казака слѣплена изъ глины и покрыта соломой, но Божій храмъ, не разъ служившій въ судьбахъ его послѣднимъ спасительнымъ оплотомъ, выводился всегда, если уже не изъ камня, то непремѣнно изъ дерева, крылся желѣзомъ и обносился каменной стѣною,—а въ стѣнѣ бойницы.

Такъ образовались въ началѣ 1862 года станицы 24-го и 25-го конныхъ казачьихъ полковъ 8-й бригады Кубанскаго казачьяго войска. Въ станицахъ этой-то бригады и пришлось расположиться нашимъ Нижегородцамъ. Исключеніе составлялъ только Майкопъ—старое, довольно большое укрѣпленіе, и какъ всѣ укрѣпленія, смотрѣвшее сурово и непривѣтливо. Штабу полка размѣститься въ немъ рѣшительно было негдѣ, такъ какъ единственная отведенная для него казарма была занята полковымъ лазаретомъ и канцеляріей; все остальное ютилось въ наскоро вырытыхъ землянкахъ, темныхъ и сырыхъ, служившихъ источникомъ всевозможныхъ эпидемическихъ болѣзней. Только небольшой домикъ полкового командира, окруженный садикомъ, одинъ и смотрѣлъ настоящимъ дворцомъ по серединѣ этихъ убогихъ землянокъ (9).

На ряду съ тѣмъ, какъ развивалась колонизація края, постепенно устраивалась и его военная оборона. Отъ Ханскаго брода до самыхъ Черныхъ горъ, по всему излучистому теченію Бѣлой, къ концу апрѣля мѣсяца уже протянулись наши кордоны, а за ними стояли сильные резервы, ожидавшіе только сигнала, чтобы вторгнуться въ горы. Минута борьбы наступила рѣшительная.

Непріятель въ первое время ограничилъ, впрочемъ, всю свою дѣя-

тельность только мелкими набѣгами, которые, однакоже, были такъ часты даже на заднихъ линіяхъ, что 3-му дивизіону, напримѣръ, стоявшему въ Кужорской, пришлось въ теченіе 20 дней 14 разъ скакать на тревогу, и побывать за это время не только на своей, но и на Бѣлорѣчинской и даже на Лабинской линіяхъ. Въ Майкопѣ и въ Ханской подобныя тревоги, особенно по ночамъ, бывали еще чаще (10). Но серьезнаго значенія онѣ не имѣли, и ни на одинъ часъ не могли отсрочить рокового удара. Такъ прошло время до мая мѣсяца, когда условный сигналъ былъ наконецъ поданъ—и войска разомъ перешли въ наступленіе.

Переселеніе казаковъ на передовую линію.

Спускъ съ горъ партіи горцевъ для набѣга. (Съ картины кн. Гагарина).

VII.

На Бѣлорѣчинской линіи.

(1862 г.).

Задачи, лежавшія передъ войсками весной 1862 года.—Даховскій и Пшехскій отряды.—Первая Курджипская экспедиція, и смерть поручика князя Амилахвари.—2-я Курджипская экспедиція.—Бой 3-го дивизіона у Курале.—Вторженіе въ долину Пшехи и участіе драгунъ въ бою при занятіи лѣваго берега.—Опасное положеніе Бѣлорѣчинской линіи.—2-й дивизіонъ занимаетъ кордонный участокъ ея отъ Майкопа до Каменнаго моста.—Трудная кордонная служба и лихорадки.—Уменьшеніе численнаго состава 2-го дивизіона до 40 человѣкъ.—Тревоги 6-го и 13-го іюня.—Нападеніе горцевъ на Хамкеты.—Большая тревога подъ Севастопольской станицей.—Характерный эпизодъ ея.—Драгуны въ Даховскомъ отрядѣ, и опять на Каджохѣ.—Участіе 3-го дивизіона въ бою у Ханской станицы.—Представленіе полковника Граббе о необходимости отдыха для Нижегородскаго полка.—Слухи о переформированіи полка въ четырехъ-эскадронный составъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1862 года графъ Евдокимовъ рѣшилъ перенесть военныя дѣйствія въ горы съ тѣмъ, чтобы отбросить непокорныя племена за перевалъ и прижать ихъ къ берегу Чернаго моря. Для этого

намъ нужно было съ одной стороны овладѣть берегами Пшехи, а съ другой—занять глубокую котловину между Черными горами и главнымъ хребтомъ, гдѣ жило Даховское общество, владѣвшее верховьями Бѣлой. Только съ занятіемъ этого общества мы могли примкнуть флангъ Бѣлорѣчинской линіи къ самому хребту, и затѣмъ очистить отъ туземнаго населенія всю полосу земли, лежавшую между рѣками Пшехой и Бѣлой, подобно тому, какъ это было уже сдѣлано отъ Лабы до Бѣлой. Сообразно съ этимъ большая часть войскъ, находившихся тогда за Лабою, раздѣлена была на два отряда — Даховскій и Пшехскій, изъ которыхъ каждый имѣлъ свой районъ и свои опредѣленныя цѣли. Нижегородскій полкъ оставался на кордонахъ, и, не входя въ составъ ни того, ни другого отряда, долженъ былъ, въ случаѣ надобности, содѣйствовать обоимъ. Въ этихъ видахъ измѣнена была даже и самая его дислокація: 2-й дивизіонъ изъ Ханской станицы переведенъ въ Абадзехскую, ближе къ Каменному мосту, а 3-й, вызванный изъ Кужорской на передовую линію, занялъ Ерукаевскую станицу между Майкопомъ и Абадзехской (*).

Въ исходѣ мая мѣсяца, въ то время какъ Даховскій отрядъ, подъ командой полковника Геймана, уже овладѣлъ верховьями Бѣлой, другой отрядъ, подъ начальствомъ генерала Тихоцкаго, только что собирался еще у Ханскаго брода. Отрядъ этотъ имѣлъ назначеніемъ овладѣть долиною Пшехи; но прежде того надо было обезпечить наши новыя станицы на Бѣлой и отодвинуть отъ нихъ немирные аулы какъ можно далѣе въ глубь страны, за Курджипское ущелье. Правда, все, что обитало въ углу между этимъ ущельемъ и Бѣлой, заявило покорность, но Евдокимовъ, зная уже какъ мало можно было довѣрять подобнымъ заявленіямъ, потребовалъ немедленнаго выселенія всѣхъ за Лабу, чтобы въ случаѣ какихъ-либо непріязненныхъ дѣйствій съ ихъ стороны, — двѣ линіи нашихъ станицъ и постовъ могли бы стать неодолимымъ оплотомъ, преграждавшимъ имъ обратный путь въ горы. Такъ какъ жители отказались принять это условіе, то генералу Тихоцкому приказано было очистить долину Курджипса оружіемъ. Тихоцкій съ этою цѣлью перешелъ въ Абадзехскую станицу и, присоединивъ къ себѣ еще 2-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, назначилъ переправу черезъ Бѣлую на 25-е мая. Драгунамъ пришлось побывать, однако, за этою рѣкою нѣсколько ранѣе (*).

*) Въ отрядѣ Тихоцкаго было семь батальоновъ пѣхоты, 2-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, четыре эскадрона Тверцовъ, двѣ сотни казаковъ и два горныя орудія.

Наканунѣ, передъ самымъ вечеромъ, не вдалекѣ отъ Абадзехской станицы, партія горцевъ, человѣкъ въ триста, напала на казачьихъ фуражировъ. Нижегородцы, прискакавшіе на тревогу первые, застали партію еще на нашемъ берегу и, кинувшись за нею, перескочили черезъ рѣчку. Пустившіеся въ карьеръ эскадроны въ виду всего отряда настигли партію у небольшого оврага, прикрытаго опушкой лѣса, гдѣ горцы, спѣшившись, залегли за деревьями и открыли учащенный огонь, вскорѣ покрывшій пороховымъ дымомъ всю, озолоченную заходящимъ солнцемъ, равнину. Драгуны также спѣшились и, разсыпавъ цѣпь, начали подходить къ оврагу; но горцы, не дождавшись ихъ, проворно вскочили на коней и ускакали въ курджипскія трущобы. Драгуны хотѣли уже вернуться назадъ, когда показались Тверскіе эскадроны съ полковникомъ Вилькинымъ, переправившіеся позже и теперь направлявшіеся къ лѣсу, гдѣ еще былъ непріятель. Нижегородцамъ пришлось опять повернуть назадъ, чтобы поддержать ихъ атаку, и въ произошедшей здѣсь перестрѣлкѣ убитъ Нижегородскаго полка поручикъ князь Амилахвари. Такъ говорятъ объ этомъ дѣлѣ офиціальные документы (²), но вотъ что разсказываютъ о немъ очевидцы.

«Часу въ пятомъ пополудни выскочилъ по тревогѣ изъ Абадзехской станицы 2-й дивизіонъ Нижегородскаго полка и черезъ нѣсколько минутъ настигнулъ хвостъ непріятельской партіи, уходившей за Бѣлую. Драгуны переправились за нею, и послѣ жаркой перестрѣлки оттѣснили непріятеля. Минутъ черезъ 20 прискакали еще два дивизіона Тверцовъ и двѣ казачьи сотни, съ полковникомъ Вилькинымъ, который, какъ старшій, принялъ начальство надъ цѣлымъ отрядомъ. Впереди разстилалась обширная равнина, а шагахъ въ тысячи или болѣе, виднѣлась большая конная партія. Болѣе подходящаго мѣста для блистательнаго кавалерійскаго дѣла подыскать было нельзя, а случайная многочисленность нашей кавалеріи, развернувшейся въ длинную линію, съ избыткомъ обезпечивала намъ полнѣйшій успѣхъ атаки. Чтобъ освѣтить мѣстность и отогнать гарцовавшихъ кругомъ насъ джигитовъ, высланы были впередъ наѣздники всѣхъ трехъ дивизіоновъ,— Нижегородцы подъ командой поручика князя Щербатова. Завязалась перестрѣлка. По всему казалось, что мы сейчасъ же пойдемъ въ атаку. Нижегородскій дивизіонъ сгоралъ отъ нетерпѣнія схватиться съ горцами въ рукопашную. Одинъ изъ его офицеровъ поручикъ князь Николосъ Амилахвари отдѣлился отъ дивизіона и, пустивъ въ карьеръ своего коня,

подскакалъ, молодецки гарцуя, къ цѣпи наѣздниковъ. «Щербатовъ! какъ думаешь, вѣдь сейчасъ навѣрно пойдемъ въ атаку, и не ты одинъ съ наѣздниками, а пойдемъ всѣмъ дивизіономъ. Чего же ждетъ Вилькинъ?» — Князь Щербатовъ отвѣтилъ ему, что «если атаковать, такъ надо немедленно, а то стемнѣетъ»,—и поѣхалъ направо вдоль цѣпи наѣздниковъ. Князь Николосъ повернулъ налѣво, на встрѣчу къ своему двоюродному брату юнкеру князю Сандро Амилахвари, бывшему въ этотъ день за унтеръ-офицера при наѣздникахъ.

Перестрѣлка была самая ничтожная. Вдругъ князь Щербатовъ сзади себя услышалъ зловѣщій крикъ: «фельдшера!» Онъ обернулся, и въ это время къ нему подскакалъ со слезами на глазахъ и совсѣмъ растерянный Сандро съ докладомъ, что братъ Николосъ тяжело раненъ пулею въ грудь. Подъѣхавъ къ Амилахвари, князь Щербатовъ нашелъ его смертельно блѣднымъ, съ потухающимъ взоромъ, но еще верхомъ, поддерживаемымъ съ обѣихъ сторонъ наѣздниками; сюртукъ его былъ разстегнутъ, рубашка окровавлена. Поцѣловавъ его въ лобъ, князь Щербатовъ спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ?—

«Сейчасъ умираю», сказалъ Амилахвари уже ослабѣвшимъ голосомъ: «не извѣщай о моей ранѣ брата; ему надо сейчасъ вести дивизіонъ въ атаку, а меня прикажи отправить за фронтъ». Такъ и было сдѣлано. Старшій Амилахвари своими зоркими глазами, разумѣется, все видѣлъ, и догадывался въ чемъ дѣло, но ни на одну минуту не позволилъ себѣ отъѣхать отъ фронта, къ умирающему брату. Простояли Нижегородцы еще на мѣстѣ съ добрыхъ четверть часа. Затѣмъ поданъ былъ «аппель» наѣздникамъ, и «отбой» всему отряду. Дотянувъ до сумерекъ, Вилькинъ отмѣнилъ атаку по случаю наступившей темноты, и повелъ колонну обратно въ лагерь(3).

Грустно возвратились домой Нижегородцы, не успѣвшіе разсчитаться съ горцами за смерть своего офицера, какъ слѣдуетъ. Князь Амилахвари, общій любимецъ полка, скончался, спустя нѣсколько часовъ послѣ своей раны, и былъ похороненъ въ Майкопѣ. Вскорѣ, однако, тѣло его перевезено было въ селеніе Чалы, Горійскаго уѣзда, и предано землѣ въ фамильной усыпальницѣ князей Амилахвари. Черезъ нѣсколько лѣтъ Нижегородскому полку случайно довелось посѣтить эти мѣста, и тамъ, среди древнихъ святынь тысяче-лѣтняго Самтавійскаго храма, поклониться могилѣ своего ратнаго сотоварища.

На другой день, 25-го мая, весь отрядъ Тихоцкаго переправился на

Офицеры 2-го дивизіона

(1860 г.)

Кн. Щербатовъ, Кн. Ник. Амилахвари 2, Лужинъ, Іосселіани, Батіевскій 2, Кн. Вахваховъ, Гизети, Махатадзе, Кн. Ив. Амилахвари 1, Кн. Эристовъ, Батіевскій 1.

лѣвую сторону Бѣлой, и, переваливъ лѣсистыя высоты, спустился въ Курджипскую долину. Аулы, встрѣченные на этомъ пути, были покинуты жителями, и уничтожены безъ сопротивленія. Но за то при возвращеніи отряда назадъ въ боковыхъ цѣпяхъ началось горячее дѣло, и одинъ изъ нашихъ батальоновъ едва не погибъ подъ ударомъ абадзехской конницы. На помощь къ нему прискакали драгуны, но короткій моментъ рукопашной схватки стоилъ пѣхотѣ двухъ офицеровъ и 40 нижнихъ чиновъ изрубленными. Наѣздники 2-го дивизіона, подъ командой поручика князя Щербатова, преслѣдовали горцевъ до самаго лѣса, и потеряли одного человѣка и семь лошадей ранеными.

Послѣ трехдневной экскурсіи, 28-го мая отрядъ возвратился на линію, гдѣ на смѣну 2-го дивизіона прибыли 1-й и 3-й, подъ командой подполковника Макарова. Отрядъ Тихоцкаго снова направился къ Курджипсу, но уже по другой дорогѣ, со стороны Майкопа, и на этотъ разъ при безпрерывномъ боѣ прошелъ черезъ все ущелье, уничтожая аулы, поля и запасы хлѣба. Особенно горячее дѣло произошло 1-го іюня при занятіи нами лѣсистой балки Курале, гдѣ 3-й дивизіонъ, спѣшенный Макаровымъ, дрался вмѣстѣ съ пѣхотой и потерялъ раненымъ поручика Миссори-Торіани, и убитымъ юнкера Мариненко (*) (1).

Въ два дня экспедиція была окончена, и когда горѣть на Курджипсѣ больше уже было нечему, 3-й дивизіонъ Нижегородскаго полка возвратился въ Майкопъ, а 1-й вмѣстѣ съ отрядомъ Тихоцкаго перешелъ къ Ханскому Броду и расположился тамъ лагеремъ.

Теперь военныя дѣйствія переносились нами на Пшеху.

10-го іюня по широкой просѣкѣ, проложенной еще въ февральской экспедиціи, войска дошли до урочища Куаго, но здѣсь остановились, такъ какъ далѣе до самой Пшехи мѣстность не была даже изслѣдована. 14-го іюня кавалерія произвела рекогносцировку, и сквозь прогалины дремучаго, безконечнаго лѣса издали увидѣла высокій берегъ рѣки, занятый огромными толпами абадзеховъ. Переправу, слѣдовательно, приходилось брать штурмомъ. 16-го числа войска двинулись отъ Куаго въ

*) Мариненко былъ юноша, родившійся, выросшій и воспитавшійся въ полку; его похоронили 1-го іюня, а 2-го полученъ былъ приказъ о производствѣ его въ офицеры. Что касается до Миссори-Торіани, то это былъ отличный, боевой офицеръ, уроженецъ Италіи. Въ крымскую войну онъ служилъ противъ насъ въ сардинскихъ войскахъ, и былъ подъ Севастополемъ. Человѣкъ онъ былъ весьма образованный, а рядъ иностранныхъ крестовъ и медалей свидѣтельствовалъ о его прежнихъ подвигахъ. Родной братъ его, во время войны за освобожденіе Италіи, былъ адъютантомъ у Гарибальди.

боевомъ порядкѣ. Чтобы облегчить фронтальную атаку, часть кавалеріи — Нижегородскій и Тверской дивизіоны, сотня казаковъ и два орудія — быстро захватила лѣсистый уголъ, тамъ, гдѣ въ Пшеху впадаетъ рѣчка Пшеходзь, спѣшилась и сильнымъ анфиладнымъ огнемъ заставила непріятеля отодвинуться отъ берега. Авангардъ тотчасъ приблизился къ Пшехѣ, и 19-й стрѣлковый батальонъ началъ атаку; его поддержали шесть ротъ Ставропольскаго полка,—и послѣ горячаго боя лѣвый берегъ рѣки былъ, наконецъ, занятъ. Это была первая большая побѣда, одержанная нами въ земляхъ абадзеховъ, и послѣ нея рѣшено было не отступать уже ни на шагъ. Бой сталъ стихать, и только въ лѣсной трущобѣ, гдѣ была кавалерія, пушечный огонь становился все чаще и чаще. Скоро оттуда прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ, что кавалерія никакъ не можетъ выйти изъ угла, въ который забралась, потому что, какъ только она начинала отходить отъ опушки, чтобы сѣсть на коней, непріятель бросался въ шашки и заставлялъ ее снова занимать опушку. Два казачьи орудія, разстрѣлявшія свои заряды, не могли уже помогать ей, и сами находились въ опасномъ положеніи. На помощь къ кавалеріи двинули шесть ротъ пѣхоты со взводомъ облегченной батареи, и только подъ ихъ прикрытіемъ драгуны и казаки выбрались, наконецъ, на поляну ([5]).

Теперь передовая линія начинала устраиваться уже на самой Пшехѣ, и первымъ краеугольнымъ камнемъ ея послужило заложеніе Пшехской станицы, не вдалекѣ отъ устья Пшеходзя. Но пока пѣхота возводила станичную ограду и выбирала мѣста подъ новые посты и станицы, 1-й дивизіонъ Нижегородскаго полка поспѣшно былъ возвращенъ назадъ и расположенъ въ станицѣ Кужорской, такъ какъ абадзехи, потерявшіе надежду остановить наступленіе русскихъ, внезапно перенесли войну на наши сообщенія, и всѣми силами кинулись на Бѣлорѣчинскую и Абадзехскую линіи. Это былъ возвратъ къ тѣмъ удалымъ, полнымъ отваги набѣгамъ, которыми отличались ихъ предки, и, надо сказать, что въ общей сложности потери наши при этихъ набѣгахъ далеко превышали цыфру обыкновенныхъ потерь въ экспедиціяхъ. Тамъ горцы встрѣчали цѣлыя массы, противъ которыхъ не могли держаться; здѣсь они имѣли дѣло съ небольшими командами, которыя не рѣдко погибали всѣ до послѣдняго человѣка. Военные журналы того времени представляютъ собою такую поразительную цѣпь кровавыхъ происшествій, что на одномъ изъ нихъ государь написалъ собственноручно: «Вижу по всему, что

горцы пока не унываютъ» (6). Подобное положеніе дѣлъ смущало многихъ даже и на Кавказѣ. Но не смущался имъ графъ Евдокимовъ, котораго никакія гуманныя соображенія не могли сбить съ занятой имъ позиціи. «Еще нѣсколько сотъ человѣкъ погибнетъ—и конецъ жертвамъ», говорилъ онъ, вооружившись полнымъ равнодушіемъ насчетъ всѣхъ этихъ кровавыхъ эпизодовъ, разыгрывавшихся въ тылу дѣйствующихъ отрядовъ (7). Тяжело и смутно было жить въ это время на линіи. Самымъ опаснымъ мѣстомъ считался кордонный участокъ на Бѣлорѣчинской линіи отъ Майкопа до Каменнаго моста, за которымъ начиналось уже Даховское ущелье. Евдокимовъ подчинилъ весь этотъ участокъ маіору Нижегородскаго полка князю Амилахвари, въ вѣдѣніи котораго находился и весь подвижной резервъ, состоявшій изъ 2-го дивизіона Нижегородцевъ, трехъ сотенъ линейныхъ казаковъ и пяти ротъ пѣхоты. Резервъ помѣщался въ Абадзехской станицѣ, а отъ него тянулись уже непрерывною цѣпью посты и бекеты до самаго Каменнаго моста. Если вамъ случится ѣхать по линіи, то вы и теперь еще изрѣдка, по протяженію бывшей кордонной черты, увидите разбросанные по пустырямъ и буеракамъ различной физіономіи домики и сломанныя вышки, гдѣ помѣщалась нѣкогда кордонная стража. Сломанныя вышки—это остатки бекетовъ, которые обыкновенно ютились тамъ, откуда удобнѣе было наблюдать за непріятелемъ, а скромные домики съ полуразвалившимися возлѣ нихъ бревенчатыми заборами и земляными валами—посты, когда-то представлявшіе собою видъ укрѣпленныхъ казармъ, обнесенныхъ стѣною съ бойницами. А на такихъ опасныхъ мѣстахъ какъ были Каменный мостъ или кордоны на рѣчкахъ Большой и Малой Каджохи, устраивались редуты на цѣлую роту пѣхоты, съ башнями, снабженными орудіями. На постахъ и бекетахъ требовалась прежде всего неустанная бдительность, такъ какъ при оплошности они становились обыкновенно первыми жертвами нападенія хищниковъ. Поэтому малѣйшіе признаки: пыль, поднятая вѣтромъ, шумъ прибрежнаго камыша, шелестъ кустовъ, тревожные крики птицъ,—все обращало на себя вниманіе человѣка, чуткаго къ опасности, и заставляло его настораживать и слухъ и зрѣніе.

День въ Абадзехской станицѣ обыкновенно начинался тѣмъ, что дежурный эскадронъ тотчасъ по пробитіи повѣстки дѣлалъ круговой объѣздъ вокругъ станицы, приблизительно на разстояніи отъ 3-хъ до 5-ти верстъ, начиная отъ берега Бѣлой съ одной стороны, и опять до ея берега

съ другой. Подобный объѣздъ требовалъ большой осмотрительности и напряженнаго вниманія, ибо стоило только раза два сряду пройти по одной и той же сакмѣ, чтобъ рисковать на третій день наткнуться на засаду. Съ особенной осторожностью надо было проходить и по самому берегу Бѣлой, ширина которой нигдѣ не превышала ружейнаго выстрѣла, и горцы, пользуясь этимъ, нерѣдко устраивали засады на той сторонѣ совершенно безнаказанно, и ничѣмъ не рискуя. Все дѣло усложнялось еще тѣмъ, что непріятельскій берегъ былъ высокій и гористый, а нашъ ровный и низменный, такъ что горцамъ было видно, какъ на ладони, все что у насъ дѣлалось. На подобный объѣздъ требовалось обыкновенно часа полтора. Закончивъ его, внимательно осмотрѣвъ всѣ броды и переправы на Бѣлой, а равно и ближайшія лѣсныя трущобы, офицеръ, водившій эскадронъ, рапортовалъ о благополучіи. Тогда только выпускался на пастьбу станичный скотъ вблизи отъ ограды и подъ охраной казачьихъ пикетовъ. Затѣмъ весь дивизіонъ, при всѣхъ офицерахъ, отправлялся на Бѣлую на водопой; дежурный эскадронъ шелъ засѣдланный и занузданный, а другой занузданный, но на попонахъ; люди обоихъ эскадроновъ—въ полной боевой амуниціи. Подходя къ Бѣлой, для охраны водопоя вызывались впередъ наѣздники и разставлялись цѣпью въ водѣ у противуположнаго берега рѣки. Подъ ихъ прикрытіемъ въѣзжали тогда въ рѣку эскадроны по очереди, съ такимъ расчетомъ, чтобъ одинъ поилъ коней, а другой стоялъ на берегу въ резервѣ, въ полной боевой готовности. Цѣпь наѣздниковъ зачастую вела при этомъ жаркую перестрѣлку. По возвращеніи дивизіона въ коновязь, если не случалось тревоги, то люди имѣли часа полтора свободнаго времени, затѣмъ въ 11 часовъ обѣдали, а въ 2 часа пополудни наступало время фуражировки какъ для кавалеріи подвижного резерва, такъ и для всѣхъ жителей станицы. Выѣзжало на фуражировку обыкновенно возовъ—200—250, съ денщиками, бабами и ребятишками. Выстроивъ ихъ въ нѣсколько рядовъ, кавалерія конвоировала ихъ до мѣста, лежавшаго иногда въ верстахъ 5-ти или 6-ти отъ станицы. Мѣсто это, предварительно и тщательно осмотрѣнное уже наѣздниками, оцѣплялось ихъ цѣпью, и только тогда драгуны, сдавъ коней коноводамъ, вмѣстѣ съ казаками и жителями начинали косить сѣно. Невообразимы были всегда безпорядокъ, шумъ и гамъ, производимые этой разношерстной толпой во время сѣнокоса, и старшему офицеру, командующему фуражировкой, волей-неволей приходилось пускать въ дѣло нагайки за постоян-

Охотники-Нижегородцы.

ныя поползновенія прорваться за цѣпь, для косьбы будто лучшаго сѣна. Косьба продолжалась обыкновенно около $^3/_4$ часа. Затѣмъ подавался сигналъ «по возамъ»; трава навьючивалась на сѣдла и наваливалась на возы. Когда возы снова выстраивались въ ряды, и кавалерія заканчивала вьюченіе своихъ лошадей, когда по «аппелю» стягивались наконецъ наѣздники изъ цѣпи,—тогда только командиръ фуражировки могъ успокоиться, и въ виду страшной, лежавшей на немъ отвѣтственности за цѣлость всего охраняемаго имъ люда, обыкновенно снималъ фуражку и отъ души осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ. Возвращались въ станицу въ 6-мъ часу пополудни. Вечеромъ водопой на Бѣлой, опять съ тѣми же предосторожностями и тою же зачастую перестрѣлкою. Послѣ такого трудового дня ложились спать рано, но иногда и совсѣмъ не ложились, потому что въ сумеркахъ прискачетъ, бывало, казакъ и привезетъ «цыдулку» такого содержанія: «Въ виду ожидаемаго нападенія въ наступающую ночь на такой-то или на такой-то постъ, приказывается дивизіону съ наступленіемъ темноты тихо, безъ шума, безъ говора и куренья выступить изъ мѣста своего расположенія, и пройдя столько-то верстъ, въ такомъ-то пунктѣ, остановиться, спѣшиться, и въ случаѣ тревоги скакать на выстрѣлы». Пролежавъ всю ночь съ поводомъ въ рукахъ, и не дождавшись никакого нападенія, часто существовавшаго только въ воображеніи линейнаго начальства, драгуны возвращались домой, чтобы опять приняться съ ранняго утра за свою безконечно-однообразную кордонную службу.

Картина этихъ трудовъ будетъ далеко не полна, если читатель вообразитъ себѣ «дивизіонъ» настоящимъ дивизіономъ, какіе онъ встрѣчалъ въ другихъ кавалерійскихъ полкахъ. На берегахъ Бѣлой рѣки, издавна славившейся своими лихорадками, это было совершенно не такъ,—и въ двухъ эскадронахъ Нижегородскаго полка едва набиралось сорокъ здоровыхъ, способныхъ сѣсть на коня, нижнихъ чиновъ, а все остальное лежало въ злѣйшихъ пароксизмахъ лихорадки. Казачьи сотни и пѣхотныя роты не могли вывести въ строй даже и этого. Служба, такимъ образомъ, была не смѣняемая. 40 здоровыхъ драгунъ, если требовался взводъ, выѣзжали всѣ при одномъ офицерѣ въ видѣ взвода; если требовался полуэскадронъ, тѣ же сорокъ человѣкъ выѣзжали при двухъ офицерахъ, а если приходилось изображать собой эскадронъ, а не то и весь дивизіонъ, то съ этими сорока людьми появлялись всѣ наличные офи-

церы и эскадронные командиры. Строй цѣлаго дивизіона обозначался присутствіемъ самого Амилахвари. Возвратившись со службы, тѣмъ же сорока драгунамъ приходилось убирать и кормить до двухсотъ лошадей, а вдобавокъ водить ихъ на водопой, со всею вышеописанною процедурою ([8]).

Интермедіями въ этой, и безъ того далеко не бездѣятельной жизни служили постоянныя тревоги, на которыя приходилось скакать иногда по нѣскольку разъ въ сутки. Такъ, 6-го іюня, когда 2-й дивизіонъ, окончивъ обычную фуражировку, вьючилъ своихъ лошадей, со стороны Каджохи вдругъ грянулъ пушечный выстрѣлъ. Драгуны сбросили вьюки, и прямо съ поля понеслись на тревогу. Въ Каджохѣ сказали имъ, что тревога у Каменнаго моста. Бросились туда,—но никого уже не застали. Горцы, дѣйствительно, пытались было внезапнымъ нападеніемъ захватить блокгаузъ, но, услышавъ пушечный выстрѣлъ, поспѣшно ускакали за Бѣлую. Вернулись эскадроны уже поздно, а ночью дали знать, что горцы берутъ Севастопольскую станицу. Страшная ружейная пальба въ той сторонѣ заставила драгунъ пуститься карьеромъ. Пальба, однакоже, скоро стихла, и когда драгуны прискакали на мѣсто, то оказалось, что тревога была фальшивая: какой-то солдатъ сдѣлалъ нечаянный выстрѣлъ, а за нимъ цѣпь, и батальонъ, выскочившій въ ружье, не разобравъ хорошенько въ чемъ дѣло, открыли бѣглый огонь во всѣ стороны ([9]).

Черезъ нѣсколько дней, 13-го іюня,—новая тревога, и опять сигналъ былъ поданъ съ Каджохи. Ночь была темная, скакать приходилось по густымъ перелѣскамъ, но драгуны, не обращая ни на что вниманія, неслись во всѣ повода, точно предчувствуя, что на этотъ разъ помощь ихъ будетъ необходима. Оказалось, дѣйствительно, что полусотня хоперскихъ казаковъ, проводивъ оказію, возвращалась назадъ къ Каменному мосту, и внезапно была атакована въ лѣсу большою партіею. Казаки спѣшились; но испуганныя лошади ихъ разорвали батовку, и всѣ до одной были перехвачены горцами. Изъ числа казаковъ 10 человѣкъ были убиты, но остальные успѣли спастись въ Каджохскомъ редутѣ. Не спасся бы изъ нихъ ни одинъ человѣкъ, если бы драгуны промедлили хотя одну минуту: горцы только потому и прекратили за ними погоню, что услышали топотъ скачущей кавалеріи.

Едва дивизіонъ возвратился назадъ, какъ новая партія показалась на Малой Каджохѣ, и драгунамъ вторично пришлось скакать туда,

откуда только что вернулись ([10]). Между тѣмъ пришло извѣстіе, что на Фарсѣ появился огромный, пятитысячный сборъ абадзеховъ, и что нападеніе, по всей вѣроятности, надо ждать на Хамкетинское укрѣпленіе. И вотъ 14-го іюня въ самый полдень, когда всѣ лихорадочные лежали въ страшномъ пароксизмѣ, вдругъ послышались глухіе, но частые удары пушечныхъ выстрѣловъ. Пальба шла въ ущельѣ за Севастопольской станицей, слѣдовательно тамъ, гдѣ были Хамкеты. Князь Амилахвари распорядился, чтобы здоровые люди посѣдлали еще 140 лошадей, оставшихся отъ больныхъ, и приказалъ поручику князю Щербатову, тоже лежавшему въ лихорадкѣ, въ случаѣ, если по уходѣ дивизіона, орудійная пальба будетъ продолжаться еще съ полчаса, посадить всѣхъ больныхъ на лошадей и итти на выстрѣлы. Черезъ пять минутъ князь Амилахвари уже выступилъ съ своими сорока драгунами. Прошло полчаса, а такъ какъ канонада не прекращалась, то князь Щербатовъ приказалъ больнымъ садиться на коней, и поскакалъ вслѣдъ за Амилахвари. Это была оригинальная скачка: на каждыхъ 50—100 шагахъ кто-нибудь непремѣнно валился съ лошади отъ лихорадочнаго приступа, а тѣ, которые слѣзали помочь имъ, потомъ не имѣли силъ взобраться на коней и сами. Проскакавъ такимъ образомъ верстъ десять, всѣ къ великой радости увидѣли дивизіонъ Амилахвари, возвращавшійся уже обратно. Впослѣдствіи узнали, что Хамкеты отбились прежде, чѣмъ подоспѣли драгуны, но что форштадтъ былъ взятъ и разграбленъ горцами до-чиста ([11]).

Еще два дня продолжались тревоги то на томъ, то на другомъ посту, а 18-го переполошилась вся линія на цѣлые десятки верстъ. Было чудное, жаркое лѣтнее утро. Драгуны только что вернулись съ своего водопоя, какъ вдругъ со стороны Севастопольской станицы послышалась учащенная орудійная пальба, и весь дивизіонъ, вскочивъ на коней, поскакалъ туда вмѣстѣ съ линейными казаками. Въ Севастопольской они узнали, что часа два тому назадъ горцы отбили весь станичный скотъ, и что пѣхота, посланная ихъ преслѣдовать, не могла настигнуть конныхъ. Широкая сакма, оставленная на росистой травѣ, ясно указывала, однако, путь, по которому пошли абадзехи, и князь Амилахвари тотчасъ пустился за ними въ погоню. По дорогѣ онъ узналъ, что непріятель случайно столкнулся съ нашею колонной, шедшей изъ Даховскаго отряда, и, опасаясь быть окруженнымъ, разбился на двѣ партіи: одна бросилась въ Даховское общество, другая съ отбитымъ скотомъ

пошла къ ущелью Малой Каджохи, чтобы какъ можно скорѣе переправить добычу за Бѣлую. Амилахвари повернулъ къ Каджохѣ. Дорога пошла горами, и за ея крутыми увалами теперь ничего нельзя было видѣть. Такъ прошли еще верстъ восемь или десять. Въ это время наѣздники, скакавшіе съ княземъ Щербатовымъ впереди, поднялись на высокій гребень—и увидѣли внизу подъ ногами, у подошвы той же самой горы, огромную партію. Освѣщенная яркимъ солнцемъ, сверкавшимъ на серебрѣ и золотѣ оружія, толпа пестрѣла разноцвѣтными черкесками, бѣлыми и черными верхушками своихъ высокихъ папахъ, и красными шароварами джигитовъ. Великолѣпный горный пейзажъ, окаймлявшій эту картину, казался еще живописнѣе, оживляемый красивыми группами наѣздниковъ. Горцы были у насъ какъ на ладони; но чтобы добраться до нихъ наѣздникамъ пришлось спускаться съ гребня на самое дно ущелья, почти по отвѣсному откосу. Началась, между тѣмъ, перестрѣлка. Горцы, не желая ввязываться въ дѣло, бросили скотъ, который могъ стѣснить отступленіе, и, отстрѣливаясь, стали подниматься на противоположную гору. Когда наѣздники спустились внизъ, горцы были уже на ея гребнѣ. Такъ продолжалось нѣсколько часовъ къ ряду: мы спускались съ горы, они поднимались на противоположную; мы поднимались—они спускались, и все это на виду другъ у друга, на разстояніи ближняго ружейнаго выстрѣла. Часть партіи, какъ всегда, была пѣшая; но пѣшіе не отставали отъ конныхъ, а на подъемахъ даже опережали ихъ, и только выбившіеся уже изъ силъ цѣплялись за хвосты лошадей, или за стремена всадниковъ. При страшной жарѣ кони измучились до того, что еле-еле передвигали ноги: ни горцы не могли уйти отъ преслѣдованія, ни наши — настигнуть ихъ настолько, чтобы броситься въ шашки. Но вотъ еще одинъ перевалъ, — и горцы, круто свернувшіе влѣво, вошли въ лѣсистое ущеліе Каджохи. Наѣздники остановились на опушкѣ, такъ какъ кавалеріи зарываться въ сплошные лѣса безъ особаго на то приказанія строго воспрещалось. Горцамъ эти порядки были извѣстны, а потому, войдя въ лѣсъ, они считали себя уже внѣ опасности. Минутъ черезъ 15 подоспѣлъ весь дивизіонъ, и князь Амилахвари приказалъ продолжать преслѣдованіе. Въ лѣсъ вела узкая тропа въ два-три коня шириною, и наѣздники съ княземъ Щербатовымъ двинулись шагомъ, соблюдая величайшую осторожность, такъ какъ никто не зналъ остановится ли партія въ лѣсу, чтобы дать отпоръ, или будетъ

продолжать отступленіе за Бѣлую. Два рядовыхъ съ унтеръ-офицеромъ Подъусовымъ, извѣстнымъ молодцомъ и рубакою, поѣхали впередъ, настороживъ и слухъ и зрѣніе. Прошли съ полверсты, какъ лѣсъ сталъ сильно просвѣчивать. Ясно было, что вблизи находилась поляна. Еще одинъ поворотъ, — и передовые наѣздники остановились какъ вкопанные. Унтеръ-офицеръ Подъусовъ щелкнулъ языкомъ—сигналъ близкой опасности, и, оглянувшись назадъ, многозначительно поднялъ руку. Наѣздники притаили дыханіе. Чуялось всѣми, что до шашечной расправы недалеко. Тихо подъѣхалъ князь Щербатовъ къ Подъусову, и взорамъ его представилась слѣдующая картина: лѣсъ, обрывавшійся разомъ, переходилъ въ живописную, залитую солнцемъ поляну, окаймленную съ противоположной стороны горною рѣчкой. Вся поляна была усѣяна горцами, изъ которыхъ одни вываживали своихъ лошадей, другіе чистили оружіе, третьи умывались въ рѣчкѣ или возились около походныхъ курджумовъ. Это былъ хвостъ главной партіи, расположившійся здѣсь, какъ дома, и не допускавшій, какъ видно, мысли, чтобы русская кавалерія могла появиться въ этихъ трущобахъ. Но раздумывать и любоваться эффектомъ пейзажа было некогда. Моментально выхвачены были шашки,— и Нижегородцы съ гикомъ вынеслись на поляну. Ошеломленные внезапнымъ появленіемъ драгунъ, горцы дали залпъ, но наѣздники врѣзались уже въ самую средину толпы и разрѣзали ее на 2 части. Князь Щербатовъ въ рукопашной свалкѣ собственноручно изрубилъ 3-хъ человѣкъ (*). Горцы, объятые паникой, бѣжали направо и налѣво въ лѣсъ, и скоро исчезли въ гористыхъ откосахъ ущелья. Наѣздники между тѣмъ продолжали скакать по той же тропѣ и скоро достигли Бѣлой, не вдалекѣ отъ Каменнаго моста. Большая часть партіи была уже на той сторонѣ, и, спѣшившись, встрѣтила Нижегородцевъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ съ противоположнаго берега. Нижегородцы также спѣшились, и, послѣ получасовой жаркой перестрѣлки, горцы наконецъ отступили. Вся потеря съ нашей стороны только и заключалась въ одномъ раненомъ драгунѣ и десяти лошадяхъ, павшихъ отъ изнуренія ([12]).

Во время перестрѣлки на Бѣлой случился любопытный эпизодъ, свидѣтельствующій о тѣхъ своеобразныхъ отношеніяхъ между солдатами и офицерами, которыя могли сложиться только въ особыхъ условіяхъ

(*) Подлинное выраженіе офиціальной реляціи.

войны, и притомъ только въ такой чудной арміи, какою была наша Кавказская.

Для объясненія этого эпизода нужно сказать предварительно, что всѣ убитые и раненые на правомъ флангѣ офицеры Нижегородскаго полка, по какой-то странной случайности, принадлежали къ 3-му эскадрону. Тамъ были убиты князья Вахваховъ, Амилахвари, а потомъ и Сумбатовъ, и ранены Гизети и два князя Эристовыхъ. Это и давало поводъ 4-му эскадрону слегка подтрунивать надъ третьимъ, который будто бы не умѣлъ беречь своихъ офицеровъ. Солдатамъ 3-го эскадрона солоно приходилось отъ этого подтруниванія, которое и разыгралось наконецъ слѣдующимъ эпизодомъ, характеризующимъ духъ тогдашняго Нижегородскаго драгуна, и отношеніе его къ своимъ офицерамъ. Когда послѣ шашечнаго дѣла въ лѣсу, началась перестрѣлка на Бѣлой, и драгуны залегли въ прибрежныхъ кустахъ, Щербатовъ, обходя цѣпь, наткнулся на взводнаго вахмистра 3-го эскадрона Свиридова, уже сѣдого шевролиста, образцоваго солдата, но всегда угрюмаго и ворчливаго, который, несмотря на повторенное ему приказаніе, продолжалъ стоять. «Свиридовъ! крикнулъ Щербатовъ,—что ты не слышишь развѣ приказа,—ложись!» А сами-то почему не ложитесь? буркнулъ Свиридовъ. «Молчи, не смѣй говорить! ложись!» Свиридовъ продолжалъ стоять и, насупивъ сѣдыя брови, что-то ворчалъ себѣ подъ носъ. Выведенный изъ терпѣнія князь Щербатовъ взялъ его за плечо: «ложись!» Но крѣпышъ Свиридовъ въ одинъ моментъ сгребъ офицера подъ себя, положилъ его на землю, и преспокойно усѣлся на него верхомъ. «Желаете, ваше сіятельство, чтобъ и васъ подстрѣлили въ цѣпи? Не бывать опять этакому сраму! и безъ того 4-й эскадронъ не даетъ намъ проходу. Какъ хотите, а я васъ не выпущу до конца перестрѣлки: за нами наблюдать вы можете и лежа,—дѣло свое сдѣлаемъ». «Свиридовъ, пусти меня, а то я положу тебя сейчасъ на мѣстѣ изъ револьвера».—«Стрѣляйте, если у васъ рука подымется на стараго солдата». «Я представлю тебя рапортомъ».—«Какъ хотите, это уже ваше дѣло». Щербатовъ осматривается по сторонамъ и видитъ только ласковыя и самодовольно ухмыляющіяся рожи лежащихъ кругомъ стрѣлковъ 3-го эскадрона, вполнѣ, какъ видно, аппробующихъ самодурство ихъ вахмистра. Стрѣлковая цѣпь дѣйствовала между тѣмъ, какъ по нотамъ, отогнала непріятеля отъ Бѣлой и перестрѣлка прекратилась. Только тогда выпущенъ былъ изъ-подъ пресса и князь Щербатовъ, который сейчасъ же разска-

залъ о случившемся князю Амилахвари, конечно, не въ видѣ жалобы. —«Ну, это совсѣмъ уже по свиридовски», замѣтилъ, улыбнувшись, князь Амилахвари, и потомъ, проходя съ княземъ Щербатовымъ мимо Свиридова, внушительно, но мягко и не повышая голоса, сказалъ ему: «А ты, старый чортъ, совсѣмъ изъ ума выживаешь». Свиридовъ вытянулся въ струнку, и насупивъ по своему обыкновенію брови, испустилъ какое-то невнятное рычаніе. Князь Амилахвари только махнулъ рукой, и вмѣстѣ съ Щербатовымъ отъ души расхохотался ([13]).

Отъ Каменнаго моста, гдѣ кончилась перестрѣлка, въ Абадзехскую станицу можно бы было попасть часа черезъ два, но дивизіону пришлось возвращаться окружнымъ путемъ, опять на Севастопольскую, чтобы забрать съ собою отсталыхъ людей и лошадей. Сдѣлали такимъ образомъ въ этотъ день около 120 верстъ, и вернулись домой поздно,—а дома ихъ уже ждало новое предписаніе выступить въ Даховскій отрядъ, гдѣ Гейману нужна была кавалерія. Пришлось такимъ образомъ ознакомиться и съ Даховскимъ ущельемъ и съ знаменитымъ Каменнымъ мостомъ, который для абадзеховъ, во времена Магометъ-Амина, былъ тѣмъ же, чѣмъ Тарпейская скала для римлянъ,—мѣстомъ народнаго суда и казни.

Но въ Даховскомъ отрядѣ драгунамъ пришлось, однако, пробыть только два дня, такъ какъ сильная канонада, поднявшаяся на Каджохѣ, заставила ихъ поспѣшно возвратиться на линію. Оказалось, что во время ихъ отсутствія, горцы ворвались въ блокгаузъ, стоявшій у Каменнаго моста, и вырѣзали весь гарнизонъ, такъ какъ рота, находившаяся въ ближайшемъ редутѣ, заперлась сама и не дала помощи. Прямо съ Каджохи драгуны прошли на Апшеронскій постъ и простояли всю ночь, ожидая нападенія на Ерукаевскую станицу. Гроза разразилась, однакоже, въ другой сторонѣ ([11]).

28-го іюня изъ Майкопа въ Ханскую станицу возвращался 5-й эскадронъ Тверского полка, подъ командой поручика Клюшникова. До Ханской ему оставалось уже версты четыре, когда драгуны, соблазнившись богатымъ пастбищемъ, свернули въ сторону и стали фуражировать. Въ это самое время черезъ Бѣлую переправилась огромная партія и кинулась частью на жительскій скотъ, а частью понеслась на драгунъ, чтобы отрѣзать ихъ отъ станицы. Эскадронъ, однако, успѣлъ вскочить на коней, и, доскакавъ до ближайшаго казачьяго пикета, заперся на посту. Горцы въ догонку ему дали залпъ, и захватили тѣло убитаго драгуна и двухъ раненыхъ, упавшихъ съ лошадей. Это были, впрочемъ, единственныя

Лит. Р. Голике С.П.Б.

Наѣздникъ 2-го дивизіона
(1862 г.).

трофеи непріятеля, такъ какъ скотъ успѣли загнать въ станицу, и горцамъ пришлось отказаться отъ своего предпріятія. Видя неудачу, они повернули назадъ, чтобы уйти за Бѣлую, но пальба изъ орудій уже дала знать по линіи о тревогѣ, и со всѣхъ сторонъ неслись наши резервы. Сотня Ханской станицы, подъ командой самого кордоннаго начальника подполковника Малыхина, первая настигла горцевъ на переправѣ, и, обскакавъ ихъ справа, заняла лѣсокъ, изъ котораго и принялась поражать отступавшаго непріятеля. Въ это время прискакалъ полковникъ Есаковъ съ своею конвойною командой и 3-мъ дивизіономъ Нижегородскаго полка изъ Майкопа, и 1-й эскадронъ поручика Баранова, изъ Кужорской. Нижегородцы спѣшились вдоль берега, и горцамъ пришлось переправляться черезъ Бѣлую подъ перекрестнымъ огнемъ драгунъ и казаковъ. Наконецъ непріятель скрылся въ лѣсу; послѣдніе выстрѣлы смолкли, и всѣ части войскъ собрались на полянѣ. Пріѣхалъ генералъ Тихоцкій, и, поблагодаривъ Нижегородскихъ драгунъ, прискакавшихъ на тревогу за десять верстъ въ какія-нибудь двадцать минутъ, отпустилъ ихъ домой ([15]).

Но едва управились съ этою партіею, какъ ночью другая кинулась къ станицѣ Боговской, стоявшей между Лабою и Бѣлой. Открытая секретомъ, она притаилась въ окрестныхъ балкахъ, и выждавъ, когда тревога стихла, вдругъ среди бѣлаго дня кинулась изъ своей засады на Баракаевскую. Гарнизонъ успѣлъ, однако, отразить первое нападеніе, а тутъ показался 2-й дивизіонъ, скакавшій со стороны Абадзехской, и казачьи резервы со всѣхъ окрестныхъ станицъ,—и горцы скрылись.

Въ такихъ же тревогахъ прошелъ и весь іюль мѣсяцъ. Кордонная служба совершенно изнурила Нижегородскій полкъ, и въ особенности 2-й дивизіонъ, занимавшій самый бойкій участокъ. Полковникъ Граббе, объѣхавшій полкъ въ половинѣ іюля мѣсяца, доносилъ, что 2-й дивизіонъ необходимо смѣнить въ Абадзехской; но выслать туда другой дивизіонъ своего полка онъ не имѣетъ никакой возможности, такъ какъ на отдыхѣ не бываетъ ни одного эскадрона. Онъ просилъ поэтому назначить какую-нибудь другую часть войскъ, чтобы дать дивизіону оправиться, «ибо въ настоящемъ видѣ онъ исполнять службу не можетъ» ([16]).

Но вмѣсто отдыха, на который Нижегородскій полкъ былъ въ правѣ разсчитывать, ему предстояли въ будущемъ еще большіе труды, вызванные неожиданнымъ распоряженіемъ о новомъ переформированіи полка

изъ шести въ четырехъ-эскадронный составъ. Такимъ образомъ числительность людей и лошадей уменьшалась на цѣлую треть, а районъ для дѣйствія полка оставался все тотъ же,—и тамъ, гдѣ не подъ силу было управляться шести эскадронамъ, теперь должны были поспѣвать четыре.

Абадзехская станица.

Поѣздка по линіи. (Съ картины Грузинскаго).

VIII.

До занятія Курджипса.

(Подвигъ поручика Баранова).

(1862 г.).

Переформированіе полка въ 4-хъ эскадронный составъ.—Возвращеніе полку штандарта 3-го дивизіона.—Большой набѣгъ изъ Майкопа 12-го августа.—Смерть Сумбатова. — Перекодъ 1-го эскадрона въ Даховскій отрядъ. — Блистательное дѣло 1-го эскадрона 18-го августа.—Поручикъ Барановъ получаетъ Георгіевскій крестъ.—Тревоги у Ерукаевской станицы.—Гибель четырехъ Нижегородцевъ.—Новая линія на Курджипсѣ, и занятіе пространства отъ Курджипса до Пшехи.—Принцъ Альбертъ Прусскій.—Нижегородцы при занятіи Хамышейскаго общества.

Извѣстіе о переформированіи полка изъ шести въ четырехъ-эскадронный составъ получено было въ Майкопѣ 5-го августа, когда 3-й дивизіонъ только что возвратился изъ Курджипскаго ущелья, гдѣ уничтожилъ огромные запасы непріятельскаго хлѣба. Этотъ набѣгъ и былъ

лебединою пѣснію третьяго дивизіона, который именно и былъ предназначенъ Высочайшимъ приказомъ къ расформированію.

Такъ какъ всѣ части полка находились на кордонахъ, и снять ихъ по военнымъ обстоятельствамъ было неудобно, а между тѣмъ расформированіе двухъ эскадроновъ, въ виду экономическихъ соображеній, требовалось немедленно, то военное начальство поставлено было въ крайне затруднительное положеніе. Тѣмъ не менѣе, весь Нижегородскій полкъ собрался въ Майкопъ 8-го августа, и здѣсь на другой день 3-й дивизіонъ былъ расформированъ. Командиръ его полковникъ Калмыковъ вскорѣ получилъ Горскій казачій полкъ, а эскадронные командиры, офицеры и всѣ нижніе чины распредѣлены были по остальнымъ эскадронамъ. Затѣмъ остававшіеся въ полку сверхъ штата 128 нижнихъ чиновъ уволены были въ безсрочный отпускъ, а 190 лошадей проданы съ аукціоннаго торга. Послѣднее обстоятельство повело за собою отмѣну годового ремонта, въ томъ предположеніи, что за продажею почти двухсотъ лошадей, въ полку должны были остаться только молодые кони. Но на самомъ дѣлѣ это было далеко не такъ, и въ 4-хъ эскадронахъ оставалось еще болѣе ста лошадей, совершенно неспособныхъ къ службѣ, а въ теченіе года число ихъ естественно должно было удвоиться и даже утроиться. Такимъ образомъ Нижегородскому полку пришлось бы доканчивать кампанію въ половинномъ составѣ, если бы графъ Евдокимовъ не разрѣшилъ ему покупать лошадей на полковыя экономическія суммы; лошади, разумѣется, покупались на ближайшихъ линіяхъ, какія попадались подъ руку, безъ соблюденія ремонтныхъ правилъ, и если все это значительно ухудшило составъ въ полку лошадей, но за то благодаря этой мѣрѣ Нижегородскій полкъ все-таки могъ существовать не на одной бумагѣ.

Было и другое обстоятельство крайне прискорбное для полка, чутко относившагося къ своей исторической славѣ, къ своимъ преданіямъ, на которыхъ зиждилась несокрушимая сила его духа. Обстоятельство это заключалось въ томъ, что съ расформированіемъ 3-го дивизіона штандартъ его отправленъ былъ для сдачи въ одинъ изъ арсеналовъ, а между тѣмъ это былъ единственный штандартъ въ полку, на которомъ еще красовалась надпись «За отличіе при Кюрюкъ-Дара». Такъ какъ первые два дивизіона полка въ этомъ бою не участвовали, а 4-й и 5-й переданы были въ Сѣверскій полкъ, то выходило такимъ образомъ, что съ расформированіемъ 3-го дивизіона въ полку уничтожалась послѣдняя память

о славномъ Кюрюкъ-даринскомъ сраженіи, точно Нижегородскій полкъ въ немъ никогда не участвовалъ. Полковникъ Граббе вошелъ по этому поводу съ особымъ представленіемъ, и только ему обязаны были тѣмъ, что Кюрюкъ-даринскій штандартъ возвращенъ былъ полку, а расформированнымъ приказано считать не 3-й, а 2-й дивизіонъ, у котораго штандартъ былъ одинаковый съ первымъ.

Переформированіе окончилось 11-го августа, а 12-го весь Нижегородскій полкъ уже въ новомъ четырехъ-эскадронномъ составѣ выступилъ изъ Майкопа въ Курджипское ущелье, чтобы докончить истребленіе запасовъ, уцѣлѣвшихъ отъ погрома 5-го августа. Съ Нижегородцами пошелъ дивизіонъ Тверского полка и три сотни линейцевъ, подъ общею командой полковника Есакова. Быстро перенеслась наша кавалерія на лѣвый берегъ Курджипса, отбила скотъ, и принялась зажигать стога и скирды, которыми была уставлена поляна. Конная партія, сторожившая эту долину, была захвачена врасплохъ, и, очутившись внезапно среди дыма, огня и массы нашей кавалеріи, кинулась подъ защиту лѣса. Но за нею во весь опоръ уже мчался 3-й эскадронъ Нижегородскаго полка съ штабсъ-капитаномъ Климентовымъ. Лѣсная чаща не остановила драгунъ, и они, ворвавшись въ лѣсъ, продолжали преслѣдованіе горцевъ. Впереди всѣхъ скакалъ молодой офицеръ прапорщикъ Сумбатовъ, только за годъ передъ тѣмъ выпущенный изъ школы гвардейскихъ юнкеровъ и подпрапорщиковъ. Онъ былъ хорошій ѣздокъ, но сидѣлъ въ этотъ день на чужой, незнакомой ему лошади князя Щербатова. Вдругъ изъ-за деревъ грянулъ залпъ, и Сумбатовъ, раненый въ руку, выронилъ поводъ. Лошадь понесла. Нѣсколько драгунъ кинулись къ нему на помощь, но въ этотъ моментъ раздался новый залпъ,—и Сумбатовъ упалъ съ коня, прострѣленный въ животъ на вылетъ. Горцы сочли его убитымъ и кинулись, чтобы захватить тѣло офицера. Произошла рукопашная свалка. Подъ княземъ Орбеліани была ранена лошадь, въ то время, какъ онъ, пробиваясь къ Сумбатову, изрубилъ абадзеха; тутъ же былъ убитъ унтеръ-офицеръ Касьяновъ и рядовые: Кочкуровъ, Эртулинъ, Трояновъ, Сультъ, Агѣевъ и Галлюкъ, ранено 13 драгунъ, и 25 лошадей выведено изъ фронта. Тѣмъ не менѣе эскадронъ отстоялъ офицера, поднялъ своихъ убитыхъ и раненыхъ и вывезъ ихъ въ лагерь.

По словамъ другихъ участниковъ боя, Сумбатовъ былъ убитъ не въ лѣсу, а на полянѣ, въ тотъ моментъ, когда драгуны отхватили стада, а

горцы бросились отбивать ихъ назадъ. Первая пуля попала въ руку Сумбатова, другая въ животъ; тутъ же подъ прапорщикомъ княземъ Орбеліани ранена была кинжаломъ и лошадь (*). Горцы между тѣмъ были опрокинуты, и штабсъ-капитанъ Климентовъ, преслѣдуя бѣгущихъ, ворвался за ними въ лѣсъ съ частію своего эскадрона; при немъ находился только юнкеръ Толстой (**), но другихъ офицеровъ съ нимъ, кажется, не было. Въ лѣсу драгуны попали на засаду, и здѣсь-то они потеряли 20 человѣкъ и 25 лошадей. Подоспѣвшій на помощь 4-й эскадронъ спѣшился, и подъ его прикрытіемъ 3-й успѣлъ вынести всѣхъ своихъ убитыхъ и раненыхъ.

Раны Сумбатова были смертельны, и онъ скончался на дорогѣ къ Майкопу. По желанію родныхъ тѣло его перевезено было въ Тифлисъ, и тамъ похоронено на армянскомъ кладбищѣ. Разсказываютъ, что въ Грузіи похоронная арба его встрѣчена была какою-то шайкой разбойниковъ, которая хотѣла ограбить слугу, сопровождавшаго тѣло. Но когда татары узнали, что везутъ русскаго офицера, они не только ничего не взяли, но нѣкоторое время почтительно слѣдовали за арбою, точно отдавая почесть останкамъ храбраго человѣка.

Послѣ набѣга къ Курджипсу Нижегородскіе эскадроны разошлись опять по кордоннымъ линіямъ: 3-й и 4-й стали въ Майкопѣ, 2-й въ Кужорской, а 1-й, подъ командой поручика Баранова, былъ вызванъ въ Даховскій отрядъ, который, спустившись въ то время съ Черныхъ горъ, стоялъ напротивъ Абадзехской станицы. За отсутствіемъ полковника Геймана, поѣхавшаго по дѣламъ службы въ Ставрополь, отрядомъ завѣдывалъ подполковникъ Адлеръ. Военныхъ дѣйствій не было, и всѣ заботы отряда сосредоточивались пока только на постройкѣ Даховской станицы, да на заготовленіи громаднаго количества сѣна на зиму. 18-го августа, когда почти всѣ войска разошлись на покосы, изъ лагеря пришлось отправить еще двѣ роты пѣхоты (***), сотню казаковъ, и команду кабардинскихъ охотниковъ въ Курджипское ущелье, чтобы забрать накошенное тамъ наканунѣ сѣно. Вся эта колонна

(*) Лошадь эта принадлежала князю Амилахвари, который былъ на ней въ знаменитомъ Чолокскомъ бою.

(**) Впослѣдствіи полковой адъютантъ Нижегородскаго полка. Нынѣ генералъ-маіоръ состоитъ при Его Имп. Выс. Вел. Кн. Михаилѣ Николаевичѣ.

(***) Одна рота была стрѣлковая Кабардинскаго полка, другая—сводно-стрѣлковая отъ 3-го линейнаго батальона.

отправилась подъ командою поручика Чеховскаго. Вслѣдъ за нею выступилъ изъ лагеря и лейбъ-эскадронъ Нижегородскаго полка, получившій разрѣшеніе накосить для себя травы, но съ условіемъ не отходить далѣе трехъ верстъ, и какъ можно скорѣе возвратиться въ лагерь, оставшійся почти безъ обороны. Барановъ повелъ эскадронъ въ составѣ 80-ти нижнихъ чиновъ и даже безъ субалтернъ-офицеровъ, которымъ позволилъ остаться дома. «Я никакъ не думалъ», говорилъ онъ впослѣдствіи, «что въ нихъ могла оказаться надобность, и уже никакъ не предполагалъ, что этимъ позволеніемъ отнимаю у нихъ возможность пережить съ эскадрономъ быть можетъ самыя счастливыя минуты въ его боевой жизни».

Обогнавъ по дорогѣ колонну Чеховскаго, эскадронъ свернулъ въ ближайшій лѣсъ, чтобы накосить траву на первой же попавшейся полянѣ. Прощаясь съ Барановымъ, Чеховскій сказалъ ему въ какомъ-то мрачномъ раздумьи: «Пожалуйста, если услышите выстрѣлы, подайте мнѣ помощь». Барановъ не придалъ этимъ словамъ особаго значенія, а между тѣмъ это было дѣйствительное предчувствіе—и его эскадрону черезъ нѣсколько часовъ предстояло оказать святое дѣло—выручки.

Фуражировка окончилась скоро, и эскадронъ, навьючивъ лошадей огромными вязанками сѣна, уже вытягивался изъ лѣса, какъ вдругъ въ той сторонѣ, куда ушла наша пѣхота, послышался ружейный залпъ, и почти вслѣдъ за нимъ другой. По звуку выстрѣловъ можно было опредѣлить, что это залпы литихскихъ штуцеровъ, которыми вооружены были кабардинскіе охотники, и что, слѣдовательно, нападеніе сдѣлано внезапно—иначе кабардинцы никогда не разрядили бы своихъ двухстволокъ такими двумя поспѣшными залпами. Все это разомъ промелькнуло въ головѣ Баранова, и еще не смолкли перекаты лѣсного эха, какъ уже раздалась команда: «Вьюки долой! Садись!» Но сбросить съ сѣделъ огромныя вязанки, пудовъ по пяти въ каждой, было не подъ силу одному человѣку, и драгунамъ пришлось помогать другъ другу. Но работа—говоритъ Барановъ: —шла быстро, потому что никому ничего не надо было подсказывать, никого не нужно было торопить: всѣ знали, что, и для чего надо дѣлать. Кто сбросилъ вьюкъ, тотъ, не ожидая товарищей, прыгалъ въ сѣдло и несся по лѣсной тропинкѣ на опушку лѣса. Еще не весь эскадронъ управился, а передніе всадники были уже на пригоркѣ, откуда передъ ихъ глазами открылась вся поражающая картина страшной ката-

строфы. Пѣхота была разбита. Масса горской конницы, болѣе тысячи всадниковъ, съ гикомъ набрасывалась на ея разстроенныя и быстро отступавшія небольшія кучки, еще уцѣлѣвшія отъ погрома. Множество тѣлъ, изрубленныхъ и уже обобранныхъ, валялись по всему протяженію поля. Мимо драгунъ во весь опоръ пронеслась казачья сотня, а за нею до сорока повозокъ на взмыленныхъ лошадяхъ, неистово подгоняемыхъ фурштатами. И все это бѣжало, летѣло и стремилось къ лагерю.

Вотъ въ какую трагическую минуту эскадронъ появился на пригоркѣ, готовымъ на все. Раздумывать было некогда: каждая секунда промедленія стоила пѣхотѣ новыхъ жертвъ,—и эскадронъ, очертя голову, ринулся внизъ, и съ налета врѣзался въ толпы абадзеховъ. Неожиданность появленія драгунъ, о которыхъ горцы ничего не знали, вызвала среди нихъ такую страшную панику, что тысяча всадниковъ, несомнѣнно храбрыхъ и уже торжествовавшихъ побѣду, бросились бѣжать передъ восьмидесятью драгунами, которые рубили ихъ почти безнаказанно. И абадзехи и драгуны, перемѣшавшись между собою, неслись такою скученною массой, что рядовой Макаренко, будучи раненъ шашкой, упалъ съ коня и былъ растоптанъ копытами. Его подняли уже мертвымъ. Два человѣка, рядовые Тимофѣевъ и Федорецъ, зарвавшіеся во время преслѣдованія, были изрублены, шесть человѣкъ ранены. Подъ самимъ Барановымъ была убита лошадь. Какой-то абадзехъ, котораго онъ мимоходомъ рубнулъ по головѣ, выстрѣлилъ изъ пистолета—и конь Баранова рухнулся оземь. Скакавшій сзади его эскадронный трубачъ Матля, уроженецъ, какъ онъ выражался, «изъ забраннаго края», изрубилъ абадзеха и помогъ своему командиру сѣсть на другую лошадь. Горцы между тѣмъ успѣли уже спуститься въ балку и скрылись въ густомъ орѣшникѣ. Оттуда грохнулъ залпъ, и началась живая перестрѣлка. Эскадронъ остановился на опушкѣ. Задача его, собственно говоря, была окончена; роты были выручены; но именно теперь-то и наступали для него самыя трудныя минуты. Горцы уже очнулись отъ паники, и видя, что грозная сила, смявшая ихъ, какъ налетѣвшій ураганъ, заключалась только въ 70—80 драгунахъ, не имѣвшихъ за собой ни малѣйшей поддержки, стали опять выѣзжать изъ оврага. Въ такомъ положеніи—шагъ назадъ могъ повести за собой новую катастрофу. Что произошло бы, въ самомъ дѣлѣ, если бы горцы изрубили драгунъ и кинулись на беззащитный лагерь? Они, по всей вѣроятности, уничтожили бы его прежде, чѣмъ остальные люди

Подвигъ перевозки Баранова. 8 августа 1867 года.

успѣли подойти съ покосовъ—и Даховскому отряду не скоро пришлось бы оправиться отъ этого удара. Барановъ понималъ опасность своего положенія и, спѣшивъ эскадронъ, занялъ крѣпкую позицію не вдалекѣ отъ балки. Люди съ сознаніемъ серьезности минуты, но совершенно спокойно стали готовиться къ бою, а между тѣмъ одно ничтожное происшествіе еще болѣе подняло ихъ духъ. Случилось, что когда эскадронъ спѣшивался, какой-то абадзехъ проскакалъ мимо самаго фронта, повидимому торопясь присоединиться къ своимъ. Въ это время одинъ драгунъ, Евсей Скелевой, еще сидѣлъ на лошади, и не выдержавъ, далъ шпоры коню и кинулся на перерѣзъ черкесу. Изъ балки его осыпали цѣлымъ градомъ пуль, но Скелевой, несмотря на то, настигъ своего противника, свалилъ его ударомъ шашки, и какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся къ эскадрону. Горцы между тѣмъ понеслись въ атаку. Эта атака, также какъ и вторая и третья были отбиты,—и поле передъ нашимъ фронтомъ усѣялось людскими и конскими трупами. Многіе лежали такъ близко, что драгуны успѣли поснимать съ нихъ оружіе.

Проѣзжая въ это время по цѣпи—разсказываетъ Барановъ:—я слышу, какъ одинъ драгунъ говоритъ сосѣду: «Вотъ, гляди, сейчасъ прибѣгутъ изъ лагеря на выручку. Хорошо, хлопцы, кабы теперича поручикъ скомандовалъ: «Са-а-дись!» а то пѣхтура увидитъ насъ пѣшими, всѣ глаза высмѣетъ»... Характерично въ этихъ словахъ то, что драгуны, одинаково лихіе бойцы какъ на коняхъ, такъ и пѣшкомъ, когда приходилось состязаться съ пѣхотою въ штыковомъ бою, всегда нѣсколько конфузились, когда приходилось спѣшиваться исключительно для обороны, какъ это дѣлаютъ казаки. Ворчалъ болѣе другихъ унтеръ-офицеръ Кошелевъ, бывшій въ атакѣ въ переднихъ рядахъ и укорявшій солдатъ все еще въ недостаточной смѣлости. Кошелевъ былъ натура горячая, и по его убѣжденію драгунамъ слѣдовало прямо ворваться въ балку, въ лѣсъ, повсюду крошить и рубить горцевъ, не думая о томъ, много ли изъ эскадрона вернется назадъ. По своей натурѣ это былъ истый кавалеристъ; и теперь, когда эскадронъ спѣшился, онъ какъ-то сразу осунулся, стушевался, точно почувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ.

Совершенно другого характера былъ стоявшій рядомъ съ нимъ унтеръ-офицеръ Соболевъ. Большого роста, худощавый, съ длинными усами, спадавшими на грудь,—онъ могъ бы служить прекраснымъ типомъ казака малоросса, всегда угрюмаго, и рѣдко улыбающагося даже среди

разгула и веселья. Онъ былъ отличный пѣсенникъ, но любилъ пѣсни грустныя, хватающія за душу, и тогда чудный голосъ его выдѣлялся изъ цѣлой массы голосовъ, привлекая къ себѣ невольное вниманіе слушателя. Сражаться для него было все равно, пѣшкомъ или на конѣ, лишь бы сражаться,—онъ любилъ слышать кругомъ себя выстрѣлы, лязгъ оружія, боевые крики. Въ кавалерійской атакѣ онъ былъ впереди другихъ, а теперь въ пѣшемъ строю сосредоточенно посылалъ пулю за пулею. Онъ былъ старый солдатъ, раненый еще въ золотухинскомъ дѣлѣ, но до сихъ поръ не имѣлъ Георгія,—причина чего, какъ кажется, заключалась въ нѣкоторомъ пристрастіи его къ чарочкѣ.

Отбитыя атаки вызвали въ эскадронѣ неудержимое желаніе еще разъ разгромить непріятеля внезапностью удара; но едва трубачъ протрубилъ наступленіе, какъ къ Баранову подбѣжалъ старшій вахмистръ Адаменко. «Ваше благородіе», сказалъ онъ: «насъ обходятъ; вонъ по той ложбинкѣ пошла большая пѣшая партія; она идетъ намъ въ тылъ, чтобы напасть на коноводовъ». Послѣ такого извѣстія нечего было и думать уже о наступленіи. «Возьми 4-й взводъ,—сказалъ Барановъ вахмистру:—«и если не сможешь отогнать, то по крайней мѣрѣ не пускай ихъ на гору, пока не подойдутъ подкрѣпленія». 4-й взводъ пустился бѣгомъ; перестрѣлка охватила эскадронъ съ двухъ сторонъ. Положеніе становилось критическимъ.

Къ счастію, черезъ нѣсколько минутъ изъ лагеря прибѣжали двѣ или три роты пѣхоты съ орудіями. Этого было достаточно, чтобы обѣ партіи горцевъ стали уходить по разнымъ направленіямъ. Подоспѣвшей пѣхотѣ и пушкамъ не пришлось сдѣлать ни единаго выстрѣла. Вся честь этого боя безспорно принадлежала драгунамъ, въ рукахъ которыхъ осталось трофеями множество оружія, подобраннаго съ убитыхъ горцевъ. Лучшую шашку эскадронъ поднесъ поручику Баранову, а остальное оружіе подполковникъ Адлеръ приказалъ представить ему для осмотра; его принесли охапками десять драгунъ, но нѣкоторые, по словамъ вахмистра, скрыли оружіе у себя; это были тѣ, которымъ скоро предстояло итти въ отставку, и они хотѣли его унести съ собою, какъ память о славномъ дѣлѣ 18-го августа.

На другой день послѣ этого боя изъ Ставрополя возвратился Гейманъ и, выслушавъ докладъ поручика Баранова, приказалъ привести къ нему достойнѣйшаго драгуна. Барановъ привелъ Федора Чуханостова,

молодого солдата, раненаго въ дѣлѣ, и Гейманъ, по своему обыкновенію, самъ навѣсилъ на него георгіевскій крестъ и далъ отъ себя рубль на угощенье. Черезъ нѣсколько дней прибылъ въ отрядъ графъ Евдокимовъ, и также короткой, но сердечной рѣчью благодарилъ драгунъ за молодецкое дѣло и ратную помощь товарищамъ. На эскадронъ онъ назначилъ четыре знака отличія Военнаго ордена, которые возложены были на унтеръ-офицеровъ Кошелева и Соболева и рядовыхъ Скелеваго и Вишневаго.

Поручикъ Барановъ по удостоеніи кавалерственной думы получилъ орденъ св. Великомученика и побѣдоносца Георгія 4 степени. Вотъ что говоритъ о подвигѣ его грамота, пожалованная ему на этотъ орденъ:

«18-го августа 1862 года, когда конные горцы, до тысячи человѣкъ, стремительно атаковавъ и окруживъ со всѣхъ сторонъ пѣхоту, неслись къ отрѣзанному отъ прикрытія обозу,—вы быстро собрали фуражирующій эскадронъ, и атаковали горцевъ во флангъ, когда они были уже около самаго обоза, не смотря на то, что непріятель былъ въ десять разъ сильнѣе, вы врубились въ самую толпу горцевъ, которые, не выдержавъ такой смѣлой, неожиданной атаки, бѣжали къ своимъ пѣшимъ резервамъ, преслѣдуемые драгунами. Когда же подоспѣли свѣжія толпы горцевъ, приблизительно до 1000 человѣкъ, вы, спѣшивъ драгунъ, мужественно защищали позицію до прибытія подкрѣпленія изъ лагеря. Находчивость ваша и смѣлая своевременная атака противъ сильнѣйшаго непріятеля отстояли весь обозъ, и выручили пѣхоту, понесшую уже значительную потерю отъ совершеннаго пораженія, давъ ей время устроиться и возстановить порядокъ».

«Но лично для меня самою пріятною минутою послѣ трудового дня,—говоритъ Барановъ: была встрѣча на другой день съ нашими ранеными, помѣщавшимися въ отрядномъ госпиталѣ. Тамъ въ общей палатѣ вмѣстѣ съ моими драгунами лежало множество раненыхъ наканунѣ пѣхотинцевъ; и эти простые люди несказанно обрадовались мнѣ, и, какъ умѣли, старались выразить свои чувства благодарности за спасеніе, какъ говорили они, ихъ жизни. Я былъ растроганъ ими до слезъ» (*) (4).

Появленіе такихъ значительныхъ партій, какія мы встрѣтили 12-го

(*) Изъ 1-го эскадрона ранены рядовые: Ивановъ, Зиновьевъ, Веретенниковъ, Чуханостовъ и Велико-Иваненко. Послѣдній умеръ отъ раны.

и 18-го августа, не замедлило отразиться новыми тревогами на всей Бѣлорѣчинскій линіи, и въ особенности въ участкѣ между Майкопомъ и Каменнымъ мостомъ, гдѣ послѣ ухода драгунъ совсѣмъ не стало проѣзда. Въ самое короткое время подъ Ерукаевской станицей произошло нѣсколько крупныхъ происшествій, и тамъ же пришлось поплатиться жизнію четыремъ Нижегородцамъ, ѣхавшимъ изъ Даховскаго отряда въ Майкопъ.

Въ одинъ осенній, хмурый сентябрьскій день изъ 1-го эскадрона, находившагося въ Даховскомъ отрядѣ, былъ посланъ въ Майкопъ по какимъ-то служебнымъ дѣламъ эскадронный квартирмистръ Тарасовъ, старый унтеръ-офицеръ, прослужившій въ полку 22 года, и носившій георгіевскій крестъ съ бантомъ; вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ другой извѣстный артельщикъ Иванъ Федоровичъ Кузнецовъ, тотъ самый, который въ Баяндурскомъ сраженіи одинъ отстоялъ свою артельную повозку отъ цѣлой толпы курдовъ, былъ раненъ, и получилъ георгіевскій крестъ, никогда не служивши во фронтѣ. Остальные два человѣка были: фуражиръ, или, какъ ихъ называли тогда, конскій артельщикъ, да солдатикъ, управлявшій троечною телѣгой. Выѣхали они изъ отряда съ оказіей, но по всей вѣроятности, понадѣявшись на себя, да на добрую тройку, обогнали колонну, и изъ Ерукаевской станицы отправились уже одни. Что произошло затѣмъ—неизвѣстно; выстрѣловъ никто не слыхалъ, а между тѣмъ оказія, отойдя верстъ шесть отъ станицы, наткнулась на четыре тѣла и сломанную повозку, брошенныя по серединѣ дороги. Кругомъ была разлита кровь, тѣла обнажены и показывали ясно, что горцы имѣли достаточно времени, чтобы увести лошадей и снять съ убитыхъ оружіе и платье. Даже впослѣдствіи, черезъ лазутчиковъ, нельзя было узнать никакихъ подробностей,—и смерть этихъ людей такъ и осталась загадкою [5].

Никто изъ участниковъ кавказской войны не будетъ, конечно, отвергать, что положеніе нашихъ дѣлъ на Западномъ Кавказѣ лѣтомъ 1862 г. казалось настолько затруднительнымъ, что смущало многихъ. Шапсуги и Абадзехи держали въ блокадѣ наши дороги, и производили такія же дерзкія нападенія на наши станицы, какъ и въ двадцатыхъ годахъ, когда линія была еще на Кубани. Въ этомъ отношеніи, пожалуй, и казалось многимъ, что мы не подвинулись впередъ ни на шагъ. Говорили открыто, что главный хребетъ, вдоль котораго подвигались войска, вовсе не прикрываетъ отъ нападеній нашего фланга и тыла, и что наши линіи, не имѣя прочной опорной точки, всегда могутъ быть обойдены непріятелемъ.

Не смущали подобные миражи только одного Евдокимова, который зналъ, что они разсѣются сами собою, какъ только горцы будутъ вытѣснены съ Сѣвернаго Кавказа, и перевалы черезъ главный хребетъ очутятся въ нашихъ рукахъ (6).

Исполнителемъ этой программы въ данную минуту и являлся Даховскій отрядъ полковника Геймана, который, несмотря на суровую осень, долженъ былъ проложить новую Курджипскую линію, и затѣмъ, сосредоточивъ на ней 10½ батальоновъ пѣхоты, весь Нижегородскій полкъ и восемь сотенъ казаковъ, разомъ очистить отъ мѣстнаго населенія всю полосу земли, лежавшую между Курджипсомъ и Пшехой.

Прапоршикъ Сумбатовъ.

Поручикъ Барановъ.

Курджипская станица.

IX.

На Пшехѣ и Курджипсѣ.

(1863 г.)

Принъ Альбертъ прусскій на Кавказѣ.—Экспедиція его на Пшеху.—Занятіе Хомышейскаго общества.—Новый главнокомандующій Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.—Встрѣча его на рѣкѣ Курджипсѣ.—Заложеніе Самурской станицы.—Мѣсяцъ отдыха.—Занятіе Нижегородскимъ полкомъ новыхъ передовыхъ линій.—1-й дивизіонъ въ дѣлѣ 30-го мая подъ Майкопомъ.—Перемиріе съ Абадзехами.—Опять тревоги на линіи, и печальный случай въ охотничьей командѣ.—Временное командованіе полкомъ князя Амилахвари.—Занятіе перевала Гойтхъ.—Послѣднія военныя дѣйствія полка въ 1863 году.—Новое переформированіе полка.

Въ то время, какъ Даховскій отрядъ осенью 1862 года готовился къ открытію военныхъ дѣйствій на Пшехѣ, въ Кубанскую область прибылъ

его королевское высочество принцъ Альбертъ Прусскій, изъявившій желаніе ближе познакомиться съ нашею Кавказскою войною *). Онъ побывалъ въ Тифлисѣ, посѣтилъ большую часть Закавказья, и теперь ѣхалъ изъ Лабинской станицы въ Майкопъ, по такъ называемой абадзехской кордонной линіи. За Лабою принца сопровождали уже цѣлыя казачьи сотни и даже эскадроны Нижегородскихъ драгунъ, вызванные нарочно изъ Даховскаго отряда. Усиленные кавалерійскіе эскорты, сторожевыя вышки, мелькавшія чуть не на каждой верстѣ, станицы, хорошо укрѣпленныя и вооруженныя орудіями,—все говорило о близости непріятеля и приводило на память разсказы о придорожныхъ нападеніяхъ черкесовъ, сопровождавшихся еще недавно такими эпизодами, какъ смерть князя Багратіона или плѣнъ стараго генерала Кухаренки. Несмотря на опасность, поѣздка по линіи представляла собою такъ много новыхъ, оригинальныхъ впечатлѣній, что наши гости выносили изъ нея самыя пріятныя воспоминанія,—какъ вдругъ одинъ несчастный случай едва не перервалъ путешествія на самыхъ интересныхъ страницахъ. Случилось это 1-го ноября, не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Нижне-Фарской станицы. Почтовыя лошади, запряженныя въ коляску принца, чего-то испугались, понесли, и прежде чѣмъ конвой успѣлъ сообразить въ чемъ дѣло, коляска опрокинулась на бокъ. Штабсъ-ротмистръ баронъ Мейндорфъ, сидѣвшій въ ней рядомъ съ принцемъ, перелетѣлъ черезъ него и упалъ на землю, не получивъ, однако, ни малѣйшаго поврежденія; но принца казаки подняли почти въ безсознательномъ состояніи; кровь струилась у него по лицу и даже сочилась изъ глазъ; въ вискѣ зіяла глубокая рана. Къ счастію скоро подоспѣли остальные экипажи со свитой, и явился лейбъ-медикъ, который, наскоро сдѣлавъ перевязку, приказалъ какъ можно скорѣе ѣхать въ Майкопъ. Прискакали туда засвѣтло, но принцъ чувствовалъ себя такъ дурно, что едва могъ поздороваться съ почетнымъ карауломъ, встрѣтившимъ его со знаменемъ и хоромъ музыкантовъ. Общее настроеніе духа у всѣхъ было крайне тревожное, потому что никто не зналъ ни степени опасности, которой подвергался принцъ вслѣдствіе своего ушиба, ни того—будетъ ли онъ въ состояніи продолжать путешествіе,

*) Принцъ Альбертъ Прусскій (братъ будущаго императора Вильгельма 1-го) считался въ русской службѣ генераломъ отъ кавалеріи и шефомъ Малороссійскаго кирасирскаго полка, прославившагося подъ командой полковника барона Мейндорфа, своею историческою атакой подъ Гроховымъ въ 1831 г.

а тѣмъ болѣе участвовать въ экспедиціи. Къ счастію, все обошлось сравнительно благополучно: принцъ скоро оправился, и черезъ два дня медики разрѣшили ему отправиться въ путь.

3-го ноября утромъ къ Даховскому отряду прибылъ графъ Евдокимовъ и сообщилъ, что принцъ выѣхалъ уже изъ Майкопа. Войска, выведенныя изъ лагеря, построились передъ окопомъ новой Курджипской станицы, и въ ожиданіи принца кавалерія сошла съ лошадей, а пѣхота составила ружья въ козлы. Ожидали долго; но вотъ показался казакъ, скакавшій во весь опоръ, и еще издали кричавшій: «Нѣмецкій король бѣгитъ!» Въ ружье! скомандовалъ графъ Евдокимовъ и, сѣвъ на коня, шагомъ поѣхалъ впередъ, чтобы встрѣтить принца во главѣ своего отряда.

Черезъ нѣсколько минутъ показалась коляска, въ которой сидѣли два генерала: одинъ изъ нихъ, высокій и статный, въ бѣлой фуражкѣ съ желтымъ околышемъ, былъ принцъ, въ сюртукѣ своего Малороссійскаго кирасирскаго полка, а другой — генералъ Бартоломей, назначенный состоять при немъ на время экспедиціи. Какъ только принцъ вышелъ изъ экипажа, барабаны забили «походъ», знамена преклонились, артиллерія, по обычаю, существовавшему только на Кавказѣ, открыла салютаціонную пальбу изъ орудій. Принцъ ѣхалъ по фронту подъ звуки народнаго прусскаго гимна, сопровождаемый дружнымъ ура! а за нимъ бородатый казакъ везъ большое бѣлое знамя, на которомъ изображенъ былъ черный прусскій орелъ. Украшать знамена своихъ начальниковъ тѣми или другими эмблемами—говоритъ одинъ изъ спутниковъ принца: принято на Кавказѣ съ давнихъ поръ, и само по себѣ не имѣетъ особаго значенія; но появленіе на знамени нашего орла служило со стороны русскихъ выраженіемъ такого любезнаго пріема, который глубоко растрогалъ всѣхъ насъ, особенно принца.

Войска между тѣмъ приготовились къ церемоніальному маршу. Графъ Евдокимовъ самъ командовалъ парадомъ,—какъ вдругъ лошадь подъ нимъ взвилась на дыбы, и прежде чѣмъ подскочили конвойные казаки, она опрокинулась вмѣстѣ съ своимъ всадникомъ. Графъ ударился грудью о высокую луку казацкаго сѣдла, и на нѣсколько секундъ потерялъ сознаніе. Переполохъ сдѣлался общій. Самъ принцъ вмѣстѣ со свитой поскакалъ къ нему на помощь; но графъ уже оправился, и несмотря на увѣщанія и просьбы докторовъ, снова сѣлъ на лошадь, и самъ провелъ войска церемоніальнымъ маршемъ. Къ вечеру ему сдѣлалось хуже; онъ

пригласилъ къ себѣ принца и передалъ ему начальство надъ экспедиціей. На Курджипсѣ устроили засѣку и оставили въ ней батальонъ пѣхоты, при которомъ въ простой палаткѣ помѣстился и разнемогшійся серьезно графъ Евдокимовъ.

4-го ноября принцъ вступилъ въ командованіе Даховскимъ отрядомъ. Но прежде чѣмъ начать военныя дѣйствія, онъ произвелъ общую рекогносцировку, чтобы ближе ознакомиться съ мѣстностью. Въ ненастную погоду, когда мокрый снѣгъ валилъ большими хлопьями, и падая на землю, образовывалъ невылазную грязь, часть нашихъ войскъ поднялась на высокій гребень, раздѣлявшій бассейнъ Курджипса отъ Пшехи, и съ вершины его увидѣла долину, усѣянную множествомъ ауловъ, изъ которыхъ по всѣмъ направленіямъ бѣжали семьи и угонялись стада. Кавалерія при видѣ этой картины ринулась внизъ, чтобы захватить все, что еще было можно, и скоро возвратилась назадъ, пригнавъ съ собою до трехъ тысячъ головъ скота. Аулы, однакоже, не были тронуты. Принцъ осмотрѣлъ только мѣстность и возвратился въ лагерь.

На другой день весь отрядъ двинулся къ Пшехѣ. Кавалерія, подъ командой полковника Граббе, отбросила абадзеховъ, стоявшихъ передъ ауломъ Шагауджа-Хабль, который тотчасъ былъ занятъ пѣхотой, и послужилъ центромъ, откуда началось истребленіе ауловъ, посѣвовъ и имущества жителей. Такъ дошли до Пшехи. На томъ берегу ея стоялъ большой аулъ, носившій имя стараго своего владѣльца Магометъ-Амина, гдѣ и до сихъ поръ стояло еще устроенное имъ Мегкеме—мѣсто народнаго судилища. Этотъ-то аулъ, занятый огромными массами конныхъ абадзеховъ, и служилъ конечною цѣлью предпринятой тогда экспедиціи. Но переправа къ нему была, однако, прикрыта другою деревней Наджуко-Хабль, которая сильно обстрѣливалась съ противоположнаго лѣваго берега, гдѣ виднѣлись высокіе могильные камни татарскаго кладбища. Передовая кавалерія наша встрѣтила сильный отпоръ и, остановившись, пропустила впередъ 21-й стрѣлковый батальонъ, который послѣ жаркаго боя и овладѣлъ деревней. Только тогда полковникъ Граббе съ своею кавалеріею кинулся вплавь, и проскакавъ подъ огнемъ съ татарскаго кладбища, понесся прямо на аулъ Магометъ-Амина. Передъ принцемъ, стоявшимъ на высотѣ, открылось все поле начинающагося сраженія. Онъ видѣлъ, какъ изъ аула выѣхали густыя толпы абадзеховъ, какъ двигавшаяся на полныхъ рысяхъ наша кавалерія вдругъ перешла въ маршъ-маршъ,—и

Переправа Принца Прусскаго черезъ Пшеху.

какъ абадзехи, сбитые стремительнымъ ударомъ, уже не попали въ аулъ, а помчались къ лѣсу, настигаемые драгунами. Въ опушкѣ лѣса Граббе спѣшилъ кавалерію и завязалъ перестрѣлку. Видя, что сраженіе разгорается, принцъ самъ поскакалъ за Пшеху съ остальными казаками и, переправившись въ бродъ, атаковалъ аулъ, гдѣ еще держались остатки абадзехской пѣхоты и конницы. Аулъ былъ взятъ, и такъ какъ цѣль экспедиціи была уже достигнута,—то принцъ тотчасъ ударилъ отбой и послалъ приказаніе Граббе—отступить отъ лѣса. Кавалерія потянулась обратно. За нею слѣдомъ запылалъ аулъ Магометъ-Амина,—и его знаменитое Мегкеме исчезло въ дыму, какъ послѣдній, призракъ воли и самобытности когда-то сильнаго абадзехскаго племени.

Переночевавъ на Пшехѣ, отрядъ повернулъ назадъ, уничтожая все, что носило на себѣ признаки туземнаго населенія. Кавалерія далеко опередила пѣхоту, и верстахъ въ трехъ отъ Курджипса остановилась, чтобы накосить для себя травы. Принцъ также возвратился въ лагерь вмѣстѣ съ авангардомъ. Но не прошло и часу, какъ въ отрядѣ послышались частые пушечные выстрѣлы и ружейные залпы.

Принцъ, крайне встревоженный,—тотчасъ поскакалъ къ отряду, не дождавшись даже конвоя, который догналъ его уже на дорогѣ. Тревога сдѣлалась общая. Изъ лагеря выступили два батальона пѣхоты; Нижегородскій полкъ, сбросивъ съ лошадей тяжелые вьюки, также на полныхъ рысяхъ понесся на выстрѣлы. Но предупредить катастрофу, однако, не удалось. Оказалось, что абадзехи внезапно атаковали арьергардъ, и что батальонъ, застигнутый ими въ лощинѣ, не успѣлъ даже развернуться, какъ уже потерялъ 2-хъ офицеровъ и до ста нижнихъ чиновъ. «Сколько изъ нихъ было убитыхъ и раненыхъ, говоритъ одинъ очевидецъ, — не помню; знаю только, что по приходѣ на Курджипсъ — на моихъ глазахъ изъ походнаго лазарета разомъ вынесено было до 30 человѣкъ умершими». Подоспѣвшіе Нижегородцы оттѣснили абадзеховъ къ лѣсу, развернули фронтъ и одни прикрыли отступленіе пѣхоты.

По возвращеніи въ лагерь принцъ посѣтилъ раненыхъ солдатъ, со многими разговаривалъ черезъ переводчика, нѣкоторымъ тутъ же пожаловалъ знаки отличія Военнаго ордена. Въ числѣ этихъ награжденныхъ былъ и младшій вахмистръ Нижегородскаго полка Сергѣй Забѣлинъ, раненный въ голову при взятіи Магометъ-аминовскаго аула. Въ тотъ же день принцъ присутствовалъ и при погребеніи убитыхъ въ экспедиціи

офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Трогательно было видѣть, говоритъ одинъ очевидецъ, какъ принцъ и вся его свита подходили къ усопшимъ отдать «послѣднее цѣлованіе», и затѣмъ провожали гроба ихъ до могилы, приготовленной за окопомъ новой станицы. Эта общая могила, вырытая одна для всѣхъ, приходилась какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалось заложить станичную церковь, подъ самымъ ея алтаремъ,—и можетъ быть только поэтому ей не суждено будетъ затеряться въ будущемъ, подобно тысячамъ другихъ могилъ, разбросанныхъ по цѣлому Кавказу. На другой день, 11-го ноября, былъ общій парадъ, и графъ Евдокимовъ опять самъ проводилъ войска церемоніальнымъ маршемъ. Принцъ благодарилъ всѣхъ за славную боевую службу, пожаловалъ отъ себя нижнимъ чинамъ по двѣ чарки водки, и въ тотъ же день выѣхалъ изъ лагеря въ Майкопъ, сопровождаемый 1-мъ дивизіономъ Нижегородскаго полка, казаками и черкесской милиціей, подъ общею командой полковника Граббе (1).

Ближайшимъ результатомъ описанныхъ нами военныхъ дѣйствій было подробное изслѣдованіе мѣстности и основательная разработка дороги, соединившей Курджипсъ съ долиною Пшехи на столько, что оба отряда могли безпрепятственно подавать другъ другу руку помощи. Насколько же было сильно нравственное впечатлѣніе, произведенное вторженіемъ отряда въ мѣста, куда еще до сихъ поръ не проникали русскіе, можно судить по тому, что непріятель поспѣшилъ оставить нагорную полосу между рѣками Пшехой и Бѣлой, и число выселявшихся къ намъ горцевъ стало ежедневно увеличиваться.

Государь Императоръ, получивъ донесеніе объ этихъ результатахъ экспедиціи, предпринятой на Пшеху, пожаловалъ принцу Альберту Прусскому орденъ св. Георгія 3-го класса; на Кавказѣ еще, въ память пребыванія принца съ войсками Даховскаго отряда, графъ Евдокимовъ приказалъ назвать одну изъ новыхъ станицъ, строившихся тогда между Курджипсомъ и Пшехой,—станицею Прусской.

Съ отъѣздомъ принца военныя дѣйствія Даховскаго отряда завершились въ 1862 г., занятіемъ Хамышейскаго общества, лежавшаго у самыхъ верховій Бѣлой рѣки, на высотѣ четырехъ тысячъ футовъ. За его аулами по сѣверному склону Кавказскаго хребта не было уже никакихъ поселеній, и, такимъ образомъ, первый, Бѣлорѣчинскій, перевалъ очутился въ нашихъ рукахъ. Гейманъ поставилъ здѣсь укрѣпленіе «Хамышки» и 21-го декабря возвратился назадъ. Въ этой экспедиціи изъ Нижегородскаго

полка участвовалъ только 2-й дивизіонъ князя Амилахвари, которому и пришлось выдержать нѣсколько горячихъ перестрѣлокъ. Особенно жаркое дѣло произошло 15-го числа, когда дивизіонъ, посланный въ обходъ непріятельской позиціи, долженъ былъ спѣшиться и пробѣжать подъ нависшей скалой, откуда горцы стрѣляли и скатывали огромные камни. По особому счастью дивизіонъ потерялъ при этомъ только шесть лошадей, которыхъ вели въ поводу коноводы ([1]).

Такъ наступилъ 1863 годъ, долженствовавшій не только снять съ исторической карты имена многихъ кавказскихъ народностей, но стереть съ лица земли и самую память о нихъ.

Весь январь и февраль мѣсяцы Нижегородскій полкъ провелъ въ Даховскомъ отрядѣ, занимавшемся колонизаціею только что отвоеваннаго нами пространства. Лѣтопись происшествій уже не наполнялась какъ прежде кровавыми событіями, потому что горцы, загнанные въ горы, заняты были зимой устройствомъ своихъ семей, доведенныхъ до послѣдней степени нищеты, — и не могли тревожить отряда. Если же и случались перестрѣлки, то такія, на которыя уже никто не обращалъ вниманія.

Въ послѣднихъ числахъ февраля получено было извѣстіе, что новый главнокомандующій и намѣстникъ Кавказа Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, назначенный на мѣсто фельдмаршала князя Барятинскаго, прибылъ уже въ Ставрополь. Тогда же во всѣхъ войскахъ прочтенъ былъ слѣдующій приказъ по Кавказской арміи, отданный 14-го февраля 1863 г.:

«Храбрыя войска Кавказской арміи! Привѣтствую васъ поклономъ отъ Государя Императора и Царскимъ спасибо за вашу молодецкую и многотрудную службу.

«Привѣтствую васъ отъ имени бывшаго вождя вашего генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго, который душевно скорбитъ, что тяжкая болѣзнь вынудила его разстаться съ вами и черезъ меня искренно благодаритъ васъ, своихъ сподвижниковъ, за примѣрное служеніе Царю и Отечеству.

«Почитаю себя счастливымъ, что поставленъ во главѣ Кавказской арміи, и горжусь этимъ мѣстомъ, прославленнымъ моими знаменитыми предшественниками.

«Призываю Бога на помощь; да благословитъ Онъ оружіе наше, да увѣнчаетъ скорымъ успѣхомъ усилія наши къ водворенію мира и спокойствія въ остающейся еще непокорною части Кавказа».

Читая этотъ приказъ, никто не сомнѣвался, что Великій Князь Главнокомандующій, еще до пріѣзда въ Тифлисъ, пожелаетъ взглянуть на результаты трудовъ и подвиговъ тѣхъ войскъ, которыя поканчивали почти вѣковую борьбу,—и въ этомъ ожиданіи никто не ошибся. Его высочество изъ Ставрополя отправился прямо въ районъ Адагумскаго отряда, а оттуда намѣревался объѣхать и всѣ войска, стоявшія за Лабою.

27-го февраля весь Даховскій отрядъ былъ двинутъ на Пшеху, чтобы встрѣтить и проводить августѣйшаго вождя черезъ новую Курджипскую линію въ Майкопъ. Горцы на этотъ разъ оказались въ сборѣ и встрѣтили насъ на Пшехѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ была впослѣдствіи Ширванская станица. Весь противоположный берегъ рѣки былъ занятъ пѣшими и конными толпами ихъ, которые съ нагорнаго уступа открыли по нашимъ войскамъ сильный огонь. Полковникъ Граббе съ Нижегородскимъ полкомъ въ одинъ моментъ перескочилъ черезъ Пшеху и, поддержанный огнемъ двухъ конныхъ орудій, понесся прямо на горный уступъ. Горцы не выдержали этой атаки и бросились въ лѣсъ, преслѣдуемые до самой опушки. Оттѣснивъ непріятеля, отрядъ сдѣлалъ дневку. Но среди приготовленій къ встрѣчѣ Великаго Князя вдругъ дали знать, чтобы Даховскій отрядъ поспѣшно вернулся назадъ, такъ какъ путь по Пшехѣ перегражденъ громаднымъ сборомъ абадзеховъ, и пройти его безъ значительной потери нельзя. Маршрутъ былъ измѣненъ, и Великій Князь изъ Пшехской станицы долженъ былъ слѣдовать черезъ Ханскій бродъ въ Майкопъ, и оттуда уже посѣтить Даховскій отрядъ на Курджипсѣ (²).

Получивъ это извѣстіе, Гейманъ 4-го марта двинулся назадъ форсированнымъ маршемъ, и въ одинъ день прошелъ пространство, которое при движеніи на Пшеху сдѣлалъ въ три перехода. Непріятель все время преслѣдовалъ отрядъ. Но стройное движеніе кавалеріи, отступавшей въ боевомъ порядкѣ, заставляло его держаться въ почтительномъ разстояніи. На Курджипсъ прибыли вечеромъ, когда Великій Князь былъ уже въ Майкопѣ, гдѣ его встрѣтилъ резервный эскадронъ Нижегородскаго полка. Далеко за полночь виднѣлось въ той сторонѣ огромное зарево, служившее для всѣхъ предметомъ загадокъ и предположеній. Впослѣдствіи узнали, что зарево происходило отъ гигантскихъ костровъ, которые замѣняли собою иллюминацію. Эти костры, сложенные отъ подошвы до самой вершины горы, стоявшей у Майкопа, образовывали собою колоссальную букву *М*, и были расположены такъ, что основаніемъ вензелю служила

земля, а великокняжеская корона, вѣнчавшая его, горѣла огнями уже выше тучъ. Никакая столица, со всѣмъ своимъ богатствомъ и роскошью, не могла представить болѣе эффектнаго и оригинальнаго зрѣлища. «Если бы костры, изъ которыхъ сложенъ былъ вензель,—сказалъ одинъ изъ посѣтителей Майкопа,—перевести на деньги, по чемъ обходятся въ Петербургѣ дрова,—то, пожалуй, вышла бы такая крупная сумма, которая могла бы поспорить съ успѣхомъ съ затратами на наши пышныя иллюминаціи».

Утро 6-го марта наступило прекрасное. Весна была еще въ раннемъ періодѣ, но снѣгъ уже таялъ, и природа согрѣвалась живительными лучами солнца. Весь Даховскій отрядъ съ утра стоялъ подъ ружьемъ передъ окопомъ Дагестанской станицы и ждалъ главнокомандующаго. Великій Князь прибылъ съ милостивымъ привѣтомъ и царскимъ «спасибо» за боевую службу. Проѣзжая по фронту Нижегородскаго полка, онъ снялъ фуражку и, обращаясь къ Граббе, сказалъ: «Я не могу привѣтствовать славныя дѣла Нижегородцевъ иначе, какъ съ обнаженною головою». Полкъ слышалъ эти слова—и громовымъ «ура!» отвѣчалъ на милостивый отзывъ августѣйшаго вождя (3). Послѣ обѣда Великій Князь выѣхалъ обратно въ Майкопъ, сопровождаемый 1-мъ дивизіономъ, а 2-й остался въ отрядѣ.

Проводивъ главнокомандующаго, Даховскій отрядъ тотчасъ перешелъ на Пшеху, заложивъ по пути на рѣчкѣ Псіе станицу Нижегородскую, а на самой Пшехѣ—Самурскую. При заложеніи послѣдней потребовалось уничтожить два аула Аусь и Пшенашъ, при чемъ произошло довольно жаркое дѣло, въ которомъ пришлось принять участіе и нашему дивизіону. Какъ только войска подошли къ ауламъ, изъ-за нихъ внезапно вынеслась большая партія конныхъ абадзеховъ. Но она не успѣла еще кинуться на пѣхоту, какъ князь Амилахвари съ своимъ дивизіономъ заскакалъ ей въ тылъ и ударилъ въ шашки. Горцы понеслись назадъ вразсыпную, но на ихъ плечахъ уже сидѣли наѣздники и рубили ихъ до самаго лѣса. Пока пѣхота строила на Пшехѣ станицы, драгунамъ въ отрядѣ дѣлать было нечего, и графъ Евдокимовъ, воспользовавшись этимъ временемъ, нашелъ справедливымъ дать полный, хотя и кратковременный отдыхъ Нижегородскому полку, безсмѣнно, въ теченіе почти двухъ лѣтъ простоявшему на передовыхъ кордонахъ. Вслѣдствіе этого 1-й дивизіонъ отправленъ былъ на Урупъ въ станицу Безскорбную, а 2-й—на Кубань въ Прочноокопскую.

Въ то время, какъ драгуны отдыхали среди приволій старыхъ казачьихъ станицъ, передовая линія наша перенесена была съ Бѣлой на Курджипсъ и Пшеху; и хотя Майкопъ попрежнему остался штабъ-квартирою Нижегородскаго полка, но всѣ четыре эскадрона его должны были расположиться опять на передовыхъ кордонахъ: 2-й дивизіонъ въ станицахъ Курджипской и Прусской, а 1-й въ Ширванской. Покидая Бѣлорѣчинскую линію, Нижегородцамъ довелось ознаменовать себя такимъ блистательнымъ дѣломъ, выпавшимъ на долю 1-го дивизіона, какого никогда еще не было въ окрестностяхъ Майкопа. Возвращаясь съ Урупа, онъ прибылъ въ свою полковую штабъ-квартиру вечеромъ 29-го мая, а на другой день туда же пришелъ и цѣлый дивизіонъ Тверского полка, слѣдовавшій изъ Прусской станицы въ Пшехскую. Въ Майкопѣ находился въ то время значительный транспортъ, доставленный чумаками, которые и стояли таборомъ не вдалекѣ отъ укрѣпленія. Чумацкіе волы свободно ходили по степи и давно уже соблазняли горцевъ, которые, ничего не зная о возвращеніи драгунъ, рѣшились наконецъ сдѣлать на нихъ нападеніе. 30-го мая, передъ самымъ закатомъ солнца, конная партія, человѣкъ въ 800, скрытно перешла черезъ Бѣлую, и кинулась разомъ и на чумацкій транспортъ, и на фуражировъ, высланныхъ изъ укрѣпленія. Пушечный выстрѣлъ, грохнувшій съ майкопской батареи, поднялъ тревогу,—и полковникъ Граббе, выскочившій въ поле съ Нижегородскимъ и Тверскимъ дивизіонами, увидѣлъ на берегу сильную партію, которая, по всей вѣроятности, была оставлена въ резервѣ, чтобы прикрывать переправу и задержать слабый майкопскій гарнизонъ, если бы онъ покусился выступить на помощь къ атакованнымъ. Какъ ни было неожиданно появленіе нашей кавалеріи, выросшей точно изъ земли, горцы, однако, не дрогнули, и сами понеслись къ ней на встрѣчу. На всемъ скаку они дали залпъ и выхватили шашки. Но въ тотъ же моментъ, смятые стремительнымъ ударомъ драгунъ, были сброшены въ рѣку и вынуждены спасаться вплавь подъ огнемъ Нижегородцевъ, успѣвшихъ уже соскочить съ коней и разсыпаться по берегу. Между тѣмъ передовыя партіи, заслышавъ тревогу, также поскакали назадъ, но взяли направленіе на Ханскій бродъ. Онѣ захватили весь чумацкій скотъ, до трехъ тысячъ головъ, положили на мѣстѣ семь чумаковъ, и везли съ собою семерыхъ плѣнныхъ дѣтей. Партіи уходили быстро, но еще быстрѣе неслись на перерѣзъ имъ Нижегородскіе наѣздники вмѣстѣ съ конвойною командой полковника Есакова. Горцы бросили

скотъ, но все-таки уйти не успѣли,—и едва ли четвертая часть ихъ перебралась за Бѣлую. Весь берегъ усѣянъ былъ трупами изрубленныхъ, а тѣ, которые достигали рѣки, или поражались пулями или тонули въ страшныхъ водоворотахъ. Бѣлая уносила тѣла ихъ въ Кубань, и долго они еще плыли по этой рѣкѣ мимо старыхъ казачьихъ станицъ, пока не исчезали въ безконечномъ просторѣ Чернаго моря (4).

Это былъ заключительный эпизодъ пребыванія Нижегородцевъ въ Майкопѣ, послѣднее дѣло, которымъ ознаменовалъ себя доблестный командиръ 1-го дивизіона полковникъ Макаровъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ въ командованіе казачій полкъ (5), и навсегда оставилъ ряды Нижегородцевъ, гдѣ память о немъ сохраняется понынѣ.

Съ прибытіемъ драгунъ на Курджипсъ, начальникомъ Курджипской, а также Верхне-пшехской линій назначенъ былъ командиръ 2-го дивизіона Нижегородскаго полка подполковникъ князь Амилахвари, которому Евдокимовъ поручилъ этотъ важный и отвѣтственный постъ помимо другихъ старшихъ штабъ-офицеровъ (6). Подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ и производилось водвореніе 26-го коннаго полка Кубанскаго казачьяго войска въ новыхъ станицахъ, начавшееся съ іюня мѣсяца. Но какъ только огромныя вереницы воловьихъ повозокъ съ полотняными будками и безъ будокъ, потянулись по всѣмъ дорогамъ, перевозя казаковъ-переселенцевъ во вновь огороженные окопы, какъ только на покосныхъ мѣстахъ повсюду зазвенѣли казачьи косы, и стали формироваться на зиму огромные запасы сѣна, абадзехи пришли наконецъ къ сознанію, что имъ не остановить движенія русскихъ, и въ первый разъ просили о перемиріи. Графъ Евдокимовъ согласился пріостановить военныя дѣйствія на извѣстный срокъ, но съ тѣмъ, чтобы абадзехи за это время спокойно приготовились къ переселенію—куда хотятъ: на Лабу или въ Турцію. Тѣмъ не менѣе, изъ предосторожности, во всѣхъ полкахъ сформированы были охотничьи команды (7), которыя должны были слѣдить за безопасностью дорогъ, и за тѣмъ, чтобы абадзехи близко не подходили къ нашимъ покосамъ. Мѣра эта являлась необходимою, такъ какъ, несмотря на строгое соблюденіе условій обѣими сторонами, все-таки время отъ времени прорывались случаи, нарушавшіе общій покой и поселявшіе тревогу въ населеніи.

Такъ, однажды, прапорщикъ Нижегородскаго полка Дружининъ, ѣздившій съ четырьмя драгунами осматривать полковые покосы, возвращался

назадъ и былъ раненъ выстрѣломъ, сдѣланнымъ въ него изъ куста. Въ другой разъ залпъ былъ сдѣланъ въ окрестностяхъ Курджипской станицы уже по командѣ нижнихъ чиновъ, и также ранены были два человѣка. Князь Амилахвари тотчасъ распорядился запереть станичные ворота и арестовалъ всѣхъ абадзеховъ, находившихся въ ней по торговымъ дѣламъ; но ихъ пришлось отпустить, такъ какъ оказалось, что ни одинъ абадзехъ не былъ причастенъ къ этимъ происшествіямъ. Это были Убыхи, приходившіе съ южнаго склона, чтобы мстить абадзехамъ, набрасывая на нихъ тѣнь подозрѣнія за то, что они первые прекратили борьбу и отстали отъ общаго союза горцевъ.

Дѣломъ Убыхъ былъ и слѣдующій кровавый эпизодъ, случившійся въ районѣ Нижегородскаго полка, на сообщеніи между Курджипской и Верхне-пшехскою линіями. Возвращалась однажды какая-то охотничья команда изъ 40 человѣкъ, и близъ промежуточнаго поста между Ширванской и Дагестанской станицами попала на засаду. На выстрѣлы прискакалъ Амилахвари съ своими драгунами,—но ему только и пришлось подобрать сорокъ изрубленныхъ тѣлъ. Изъ команды не спаслось ни одного человѣка, и некому было засвидѣтельствовать даже о ея оборонѣ. О ней можно было только догадываться, если судить по тому, что ни одинъ трупъ не имѣлъ на себѣ менѣе двухъ или трехъ шашечныхъ ранъ, а нѣкоторые были изрублены въ куски (8).

Были и съ нашей стороны прискорбные случаи нарушенія условій перемирія, къ счастію ихъ было не много и они преслѣдовались строго. Однажды прискакали въ Курджипскую два горца съ извѣстіемъ, что русскіе солдаты напали въ лѣсу на проѣзжавшихъ абадзеховъ, нѣсколько человѣкъ убили, а вьюки разграбили. Князь Амилахвари тотчасъ поскакалъ съ эскадрономъ на мѣсто происшествія, и на лѣсной полянкѣ, дѣйствительно, увидѣлъ нѣсколько человѣкъ убитыхъ, а возлѣ нихъ чей-то забытый и слегка обрызганный кровью лапоть. Такіе лапти носили обыкновенно охотники. Князь Амилахвари пустился дальше. На первомъ посту ему сказали, что здѣсь были охотники и только что прошли въ Дагестанскую станицу. Это была команда, составленная изъ астраханскихъ казаковъ и людей какого-то резервнаго батальона.—Съ кѣмъ были охотники? спросилъ Амилахвари.—Съ урядникомъ Свекольниковымъ—отвѣчали ему на посту. Прискакавъ въ станицу, князь Амилахвари ударилъ сборъ, и когда охотники собрались, онъ, ничего не говоря, приказалъ имъ слѣдо-

вать вмѣстѣ съ эскадрономъ. Всѣ думали, что идутъ разыскивать абрековъ, а эскадронъ между тѣмъ свернулъ къ Курджипской станицѣ и остановился на лѣсной полянѣ. «Охотники!» вдругъ крикнулъ Амилахвари: «знакома ли вамъ эта поляна? Чьи это трупы?» Лѣсная глушь, тишина, лунный свѣтъ, падавшій прямо на тѣла мертвецовъ, наконецъ неожиданность вопроса — все произвело потрясающее дѣйствіе. «Нашъ грѣхъ!» послышались голоса изъ рядовъ охотниковъ. «Свекольниковъ!» спросилъ Амилахвари: «чей это лапоть?» Свекольниковъ молчалъ. «Мой», тихо отвѣтилъ рядовой Алексѣевъ. Онъ сознался во всемъ, и убійцы были открыты (9).

Еще въ то время, когда Нижегородцы переходили на передовыя линіи, полковникъ Граббе назначенъ былъ начальникомъ Пшехскаго отряда, и долженъ былъ временно покинуть полкъ, который остался въ Даховскомъ отрядѣ. Къ этому времени изъ старыхъ штабъ-офицеровъ въ полку не оставалось уже никого: Яневичъ вышелъ въ отставку, Кишинскій командовалъ Переяславскимъ драгунскимъ полкомъ, Калмыковъ — Горскимъ казачьимъ, а Макаровъ только что назначенъ былъ командиромъ 25-го коннаго Кубанскаго казачьяго полка, расположеннаго въ Майкопѣ. Старшимъ штабъ-офицеромъ, такимъ образомъ, остался князь Амилахвари, командовавшій 2-мъ дивизіономъ, а 1-й принялъ маіоръ Умаровъ. Съ отъѣздомъ Граббе къ князю Амилахвари перешло и временное командованіе Нижегородскимъ полкомъ (10).

Такъ прошло наконецъ лѣто, а политическій горизонтъ омрачался между тѣмъ все болѣе и болѣе. Польская смута была въ полномъ разгарѣ. Вся Европа стала вооружаться, и нота за нотой, угроза за угрозой обнаруживали насколько было враждебно настроеніе умовъ на Западѣ относительно Россіи. Надо было спѣшить покореніемъ Кавказа, чтобы намъ не помѣшали. Тогда на сто ладовъ повторялась всѣми одна извѣстная фраза, сказанная какимъ-то англійскимъ лордомъ: «Европа не можетъ смотрѣть равнодушно на покореніе Кавказа, потому что независимый Кавказъ ей столько же необходимъ, сколько желательна для нея независимая Польша». Но никакія слова, никакія угрозы и мечтанія европейскихъ витій не могли измѣнить того, что было историческою задачею Россіи. Абадзехи это поняли прежде другихъ, и, прекративъ военныя дѣйствія, спокойно готовились къ переселенію. Сѣверный Кавказъ былъ покоренъ. Военныя предпріятія, исполненныя войсками Кубанской обла-

Лит Р. Голике С.П.Б

Унтеръ-офицеръ Нижегородскаго драгунскаго полка
Баранчукъ (1860 г.).

сти въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, поставили горцевъ въ безвыходное положеніе и лишили ихъ не только возможности, но и надежды на борьбу за свою независимость. Съ одной стороны Адагумскій отрядъ занялъ станицами всю Шапсугскую плоскость, а съ другой Даховскій и Пшехскій—завладѣли горнымъ пространствомъ отъ Лабы до верхняго теченія Пшиша. Полоса земли, еще не занятая нами—отъ Пшиша до Шебжа, обойденная съ двухъ сторонъ и подверженная двойнымъ ударамъ, уже не представляла сколько-нибудь серьезнаго оплота для включенія и ея въ общую систему нашихъ Закубанскихъ колонизацій.

Теперь надо было обратить удары нашего оружія на тѣ племена, которыя обитали по берегу Чернаго моря; но прежде чѣмъ перенесть военныя дѣйствія на ту сторону горъ, рѣшено было еще искрестить летучими отрядами весь сѣверный склонъ, чтобы не оставить въ тылу у себя ни одного враждебнаго поселка. Нижегородскій полкъ, подъ начальствомъ князя Амилахвари, также принялъ участіе въ этой экспедиціи и, начавъ ее отъ Курджипса и Пшехи, закончилъ только въ непроходимыхъ ущеліяхъ Цыцы и ея притоковъ. Здѣсь открыто было еще много скрывавшихся ауловъ, и князь Амилахвари привелъ съ собою триста плѣнныхъ семействъ, которыя и были отправлены имъ за Лабу ([11]).

По окончаніи этой экспедиціи 2-й дивизіонъ попрежнему занялъ кордоны на Курджипской линіи, а 1-й, вмѣстѣ съ пѣхотою полковника Геймана, пошелъ на соединеніе съ Пшехскимъ отрядомъ, который стоялъ у Хадыжей, передъ самымъ входомъ въ ущеліе Пшиша. Отряды соединились 30-го сентября. Утромъ—говоритъ одинъ очевидецъ,—на высотахъ, примыкавшихъ къ Хадыжинскому лагерю, неожиданно раздались разудалыя пѣсни съ грохотомъ бубновъ, и черезъ нѣсколько минутъ показался свѣтло-синій значокъ полковника Геймана. За нимъ шли войска. Въ лагерѣ Пшехскаго отряда закипѣла необычайная дѣятельность, такъ какъ батальоны, роты и сотни приготовлялись встрѣтить своихъ кунаковъ, съ которыми давно не видались. Гейманъ вступалъ парадно. Головной батальонъ его одѣтъ былъ даже въ мундиры, но задніе шли уже въ чемъ Богъ послалъ—не только въ шинеляхъ, но даже въ рубахахъ и въ однихъ бѣлыхъ исподнихъ панталонахъ. Особенно забавлялъ всѣхъ тамбуръ-мажоръ, котораго гдѣ-то досталъ себѣ Гейманъ, и солдаты Пшехскаго отряда бѣжали за нимъ, какъ мальчишки за медвѣдемъ, чтобы посмотрѣть на его «выкрутасы», какихъ никогда не видѣли ([12]).

Изъ прибывшаго отряда только одни Нижегородцы знали эти Хадыжи, потому что были въ нихъ передъ этимъ за нѣсколько дней, сопровождая какого-то курьера, и даже имѣли случай выказать передъ пшехцами свое молодечество и удаль. Случилось это 20-го сентября. Въ Хадыжинскомъ лагерѣ вдругъ ударили тревогу и послышались крики: татары! Никто не зналъ—что такое случилось? почему тревога? гдѣ непріятель? Но пока кавалерія Пшехскаго отряда сѣдлала лошадей, Нижегородскій эскадронъ на однихъ попонахъ проскакалъ мимо пѣхоты и скрылся изъ виду. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и привелъ съ собой нѣсколько горцевъ, угнавшихъ изъ отряда скотину. Случай самъ по себѣ былъ не важный, но онъ показалъ, что у Нижегородцевъ существуютъ свои особые боевые пріемы, да и самый фактъ быстрой погони и поимки хищниковъ былъ крайне полезенъ для острастки другихъ, которые во время перемирія позволяли себѣ разныя шалости ([13]).

2-го октября въ отрядъ пріѣхалъ графъ Евдокимовъ, а 3-го—войска двинулись впередъ, чтобы занять ущеліе Пшиши, и такимъ образомъ перервать сообщенія между абадзехами, которые готовились къ переселенію, и племенами южнаго склона, не хотѣвшими ихъ допустить до этого. Войска шли медленно, съ большими остановками, такъ какъ на разстояніи каждыхъ четырехъ—пяти верстъ строили укрѣпленные посты, чтобы обезпечить сообщеніе съ линіею. У рѣчки Сеже войска наконецъ остановились, а дальше пошелъ только 1-й дивизіонъ Нижегородскаго полка съ частію пѣхоты, и 8-го числа занялъ урочище Гойтхъ, лежавшее на самомъ перевалѣ къ Туапсѣ. Пока пѣхота строила здѣсь укрѣпленіе, драгуны отпущены были назадъ и возвратились въ Майкопъ.

Еще укрѣпленіе не было готово, а Убыхи между тѣмъ собрались въ значительныхъ силахъ, и противъ нашихъ окоповъ на Гойтхѣ появились непріятельскіе пикеты. Было дознано, что за этими пикетами расположилось большое скопище, съ тѣмъ, чтобы не допустить отрядъ спуститься въ долину Туапсе, и что при немъ находятся четыре нарѣзныя орудія, доставленныя сюда эмиссарами. Граббе рѣшилъ тотчасъ разсѣять это скопище, и вызвалъ съ Курджипса 2-й дивизіонъ Нижегородскаго полка. Драгуны прибыли форсированнымъ маршемъ; но предпріятіе все-таки не удалось, непріятель успѣлъ отступить и спасти свои орудія.

Наступилъ декабрь, холодный и снѣжный, съ частыми метелями, а

войска все еще стояли на перевалѣ. Нижегородскій полкъ въ полномъ составѣ сдѣлалъ нѣсколько поисковъ въ верховьяхъ Пшиши и Цыци; но до какой степени опасны и трудны были дороги, можно судить по тому, что за нѣсколько дней экспедиціи сорвалось съ кручъ и пало отъ изнуренія 43 лошади. Остатки населенія, еще скрывавшіеся въ этихъ мѣстахъ, или бѣжали, или попадали въ плѣнъ, и отсылались на заднія линіи. Только въ одномъ аулѣ жители встрѣтили войска ружейнымъ огнемъ, но 3-й эскадронъ, подъ командой штабсъ-капитана князя Чавчавадзе, спѣшился и выбилъ непріятеля штыками. Преслѣдуя бѣжавшихъ, драгуны случайно попали на пчельникъ и разорили улья, при чемъ два человѣка до того были искусаны пчелами, что ихъ принесли на рукахъ уже замертво, а двое другихъ были ранены въ перестрѣлкѣ (14).

Это было послѣднее движеніе Нижегородскаго полка зимою 1863 г.; онъ возвратился на линію и занялъ кордоны въ Майкопѣ и въ станицахъ Курджипской и Ширванской.

Въ это же время для облегченія службы полка, 5-й резервный эскадронъ переформированъ былъ въ конный, и на покупку 137 лошадей отпущено было 12.672 руб.; взамѣнъ же 5-го сформированъ былъ новый 6-й эскадронъ, который также предполагалось посадить на лошадей, и даже отпущены были для этого деньги и конное снаряженіе; но, впослѣдствіи, мѣра эта была отмѣнена, и эскадронъ остался пѣшимъ. Впрочемъ онъ существовалъ не долго, и въ слѣдующемъ же году былъ упраздненъ (15).

Въ жизни Нижегородскаго полка 1863-й годъ отмѣченъ еще однимъ крупнымъ событіемъ, оставившимъ полку вѣковѣчную память о тѣхъ царскихъ милостяхъ, которыми императоръ Александръ II почтилъ его боевыя заслуги. Этимъ многознаментальнымъ фактомъ — было зачисленіе въ списки полка Августѣйшаго вождя Кавказской арміи государя Великаго Князя Михаила Николаевича, — отличіе, доставшееся только на долю двухъ полковъ—Нижегородскаго и Эриванскаго. Высочайшій приказъ объ этомъ, а равно о назначеніи его высочества шефомъ Кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго батальона, состоялся 13-го октября, въ самый день рожденія его императорскаго высочества. «Осчастливленный такимъ знакомъ Монаршаго благоволенія—писалъ Великій Князь въ приказѣ по Кавказской арміи:—и гордясь честью принадлежать къ составу названныхъ славныхъ частей войскъ, я поспѣшаю о Всемилостивѣйше

пожалованной мнѣ наградѣ сдѣлать извѣстнымъ по войскамъ Кавказской арміи».

Нижегородскій полкъ и принялъ эту Царскую милость, какъ почетнѣйшую награду, за свою почти столѣтнюю Кавказскую службу.

Абадзехъ.

Бѣлорѣчинскій перевалъ.

X.

Окончаніе кавказской войны.

(1864 г.).

Положеніе дѣлъ въ началѣ 1864 года.—Экспедиція въ Тубу.—Вторичный набѣгъ въ Тубу пластунской команды, и ея пораженіе.—Большая тревога, собравшая войска съ Пшехской, Курджипской и Бѣлорѣчинской линій.—Евтушенко, и геройская защита его съ горстію оставшихся въ живыхъ пластуновъ.—Выручка ихъ княземъ Амилахвари.—Даховскій отрядъ на южномъ склонѣ горъ.—Замѣчательное движеніе Граббе черезъ главный Кавказскій хребетъ къ Бабукову аулу, и обратное возвращеніе его черезъ Бѣлорѣчинскій перевалъ.—Окончаніе войны на Западномъ Кавказѣ.—Нижегородцы въ Туапсѣ и на Гойтхѣ.—Большой парадъ въ Красномъ селѣ 12-го іюля.—Государь зачисляетъ себя въ Нижегородскій полкъ.—Царскія милости полку.—Поѣздка Граббе въ Штутгартъ.—Новое назначеніе генерала Граббе.—Два вопроса, рѣшенные въ полку минувшею кампаніей.—Послѣдняя экспедиція на Хакучей.

Съ конца 1863 года въ горахъ началось ненастье. Подвозы къ отрядамъ, находившимся у главнаго хребта въ верховьяхъ Пшиша, прекратились; вновь проложенныя дороги сдѣлались непроходимыми, а въ

половинѣ декабря выпали глубокіе снѣга, начались морозы, и на перевалахъ забушевали метели. При такихъ условіяхъ военныя дѣйствія представлялись невозможными. Наступило затишье. А между тѣмъ на западной границѣ государства грозовыя тучи росли и ширились. Уже осенью 1863 года военный министръ, въ предвидѣніи политическихъ затрудненій, которыя могли довести насъ до европейской войны, просилъ о возможномъ усиленіи военныхъ дѣйствій въ Кубанской области (1).

Слухъ о европейской войнѣ волновалъ и горцевъ, положеніе которыхъ зимою было критическое. Вся масса абадзеховъ, столпившихся на небольшомъ пространствѣ около Пшекупса, умирала съ голода, а между тѣмъ не хотѣла итти на Лабу, и не могла переселиться въ Турцію, куда ихъ не пускали Убыхи. Слѣдовательно, намъ нужно было нанести ударъ жителямъ Южнаго склона, чтобы открыть путь къ выселенію абадзехамъ,—и этотъ ударъ надо было нанести теперь же, зимою, а не то, когда распустится листъ, явится подножный кормъ, и все оживетъ—средства горцевъ къ войнѣ удесятерятся. Послѣдній актъ великой драмы долженъ былъ разыграться на морскомъ берегу. Но прежде чѣмъ перенесть военныя дѣйствія на ту сторону горъ, Даховскому отряду предстояло посѣтить еще небольшую долину въ верховьяхъ Пшехи, имѣвшую серьезное значеніе въ дальнѣйшемъ ходѣ военныхъ событій. Тамъ, среди суровыхъ ущелій, жило воинственное и почти полудикое общество, извѣстное подъ именемъ Тубы, на которое и долженъ былъ направиться нашъ первый ударъ.

8-го января 1864 года весь Нижегородскій полкъ, 13 сотенъ кубанскихъ казаковъ, и три стрѣлковые батальона со взводомъ горной артилеріи, подъ общею командой полковника Геймана, выступили изъ Самурской станицы. Морозъ доходилъ до 20°. Не отошли и нѣсколькихъ верстъ, какъ повалилъ густой снѣгъ и поднялась такая метель, о которой жители сѣверныхъ равнинъ не имѣютъ понятія. Въ мутномъ воздухѣ ничего не было видно; люди и лошади выбивались изъ силъ, но Гейманъ не хотѣлъ вернуться назадъ, и, добившись съ отрядомъ до ближайшаго лѣса, приказалъ расположиться въ его опушкѣ. Цѣлыя сутки не прекращалась буря, и порывы вѣтра были такъ сильны, что ломали столѣтнія деревья, и заносили снѣгомъ весь бивуакъ; люди и лошади цѣлыя сутки оставались безъ пищи.

Только поутру 10-го января, когда метель нѣсколько стихла, отрядъ

могъ хотя немного осмотрѣться. Впереди его была тѣснина, или вѣрнѣе трещина, едва проходимая лѣтомъ, а теперь совершенно заметенная снѣговыми сугробами. Слѣду не было и признаковъ. Тѣмъ не менѣе отрядъ двинулся дальше, и драгуны вмѣстѣ съ казаками, ведя въ поводу лошадей, принялись протаптывать для пѣхоты тропинку. Въ сумеркахъ приблизились наконецъ къ другой тѣснинѣ, за которою уже лежала долина Тубы. Она была много грознѣе и суровѣе первой. Измученный отрядъ ночевалъ передъ нею на берегу Пшехи, разсчитывая на утро обойти эту тѣснину по льду рѣки. Къ утру морозъ дошелъ опять до 23°; руки коченѣли и не могли держать шашекъ. Съ восходомъ солнца, разсыпавшагося міріадами искръ по льду рѣки и на обледенѣлыхъ уступахъ тѣснины,—кавалерія выступила изъ лагеря. Два старые Нижегородца: князь Амилахвари съ своимъ полкомъ, и полковникъ Макаровъ съ кубанскими казаками—кое-какъ спустились на ледъ, а за ними пошелъ стрѣлковый батальонъ. Два остальные батальона, артиллерія и вьюки остались въ лагерѣ. Кавалерія прошла около версты, и вдругъ остановилась: далѣе итти было нельзя—ледъ кончился, и передъ нами бушевала Пшеха, никогда не замерзающая здѣсь отъ быстроты теченія и страшныхъ каскадовъ. Даже Гейманъ, не признававшій никакихъ препятствій, остановился въ недоумѣніи; онъ даже хотѣлъ повернуть назадъ, чтобы сдѣлать попытку ворваться въ Тубу съ другой дороги, какъ вдругъ казаки увидѣли едва замѣтную тропу, подымавшуюся по страшной крутизнѣ на правый берегъ рѣки. Макаровъ, осмотрѣвшій эту тропу, доложилъ Гейману, что подняться можно. Попробуйте!—отвѣтилъ Гейманъ, и сталъ слѣдить за отчаянною переправой казаковъ. Одна за другою, въ нитку вытянулись 13 сотенъ, имѣя въ головѣ полковника Макарова, и какъ муравьи, стали карабкаться почти по отвѣсу. Нижегородскому полку Гейманъ приказалъ оставаться на льду, въ резервѣ, чтобы въ случаѣ надобности прикрыть отступленіе казаковъ. Здѣсь Нижегородцы и простояли до самыхъ сумерокъ, когда увидѣли наконецъ казаковъ, спускавшихся обратно по той же самой головоломной тропинкѣ. Макаровъ разсказывалъ, что, поднявшись въ Тубу и раскинувъ сотни вправо и влѣво, онъ сразу захватилъ аулы, къ которымъ только возможны были подступы, и горцы, застигнутые врасплохъ, потеряли до полутораста человѣкъ плѣнными и болѣе шестисотъ головъ скота.

На другой день весь отрядъ перешелъ къ Маратукскому посту,

откуда произвелъ рекогносцировку Убыхскаго перевала и нѣкоторыхъ путей, ведущихъ изъ Тубы, какъ на Шахе, такъ и къ хакучинцамъ. Нижегородскій полкъ съ четырьмя казачьими сотнями, подъ общею командой князя Амилахвари, шелъ долиною рѣчки Куши по такимъ мѣстамъ, что въ короткое время сорвалось и погибло въ пропастяхъ семь лошадей. Истребивъ по пути нѣсколько ауловъ и обойдя всѣ притоки Куши, колонна повернула назадъ, и 12-го января вышла, наконецъ, къ Пшехской станицѣ (2).

Прошелъ послѣ того цѣлый мѣсяцъ—и войскамъ неожиданно пришлось опять посѣтить эти же самыя трущобы.

Въ половинѣ февраля командиръ 26-го казачьяго полка, маіоръ Пистелькорсъ, получилъ извѣстіе, что не вдалекѣ отъ Самурской станицы зимуютъ большія отары овецъ, и выслалъ въ набѣгъ 30 конныхъ и 120 пѣшихъ пластуновъ, подъ командой сотника Дугина. Казаки не нашли добычи тамъ, гдѣ ее ожидали, но, не задумываясь долго, вторглись въ самую Тубу и заночевали въ одномъ изъ разоренныхъ нами ауловъ. Такъ какъ мѣстность не позволяла дѣйствовать конницѣ, то Дугинъ отправилъ ее назадъ, а самъ, оставшись съ пѣшими казаками, пошелъ отбивать тубинскія стада. Но горцы уже знали о появленіи охотниковъ и напали на нихъ въ значительныхъ силахъ. Дугинъ былъ убитъ; другой офицеръ, хорунжій Садлуцкій, израненъ и захваченъ въ плѣнъ; изъ казаковъ едва спаслось пятьдесятъ человѣкъ; но эта полусотня, выбравъ себѣ начальникомъ казака Евтушенко, пробилась сквозь непріятеля и засѣла въ ближайшую пещеру, рѣшивъ защищаться до послѣдней капли крови. Четыре дня и четыре ночи, безъ пищи и питья, казаки выдерживали блокаду и отбивали штурмы, не помышляя о сдачѣ. Но, наконецъ, стали падать и ихъ желѣзныя силы; самъ Евтушенко былъ раненъ, но продолжалъ ободрять казаковъ надеждой на близкую выручку. На общемъ совѣщаніи рѣшили послать охотниковъ, которые, пробравшись сквозь непріятеля, должны были дать знать о ихъ положеніи въ Самурскую станицу. Большинство изъ этихъ охотниковъ погибло, но двое—Кубановъ, съ прострѣленной рукою, и еще одинъ казакъ-малороссъ, успѣли добраться до линіи и подняли тревогу. Двѣ роты Елизаветпольскаго полка, 2-й эскадронъ маіора Умарова, прискакавшій изъ Пшехской станицы, и двѣ сотни казаковъ, подъ общей командой Пистелькорса, выступили тотчасъ же съ твердымъ намѣреніемъ ворваться въ Тубу

Охотники Нижегородскаго полка

(1862 г.)

со стороны Маратуковскаго поста. Но едва они достигли до входа въ узкое ущелье Пшехи, какъ должны были остановиться: ущелье было занято горцами, и пробиться черезъ него безъ громадной потери было невозможно.

Въ этотъ самый день начальникъ Верхне-пшехской линіи подполковникъ князь Амилахвари вернулся изъ Майкопа и, узнавъ о тревогѣ, тотчасъ отправилъ на помощь къ Пистелькорсу 1-й эскадронъ Нижегородскаго полка, а слѣдомъ за нимъ выступилъ и самъ изъ Самурской станицы со 2-мъ дивизіономъ Нижегородцевъ, ротой Елизаветпольскаго полка и двумя казачьими сотнями. Спасти остатокъ казаковъ было главною задачей отряда, а потому ни разливы рѣкъ, ни темнота ночи, ни усталость войскъ—ничто не могло остановить движенія. Амилахвари шелъ безъ приваловъ, и къ 10-ти часамъ утра соединился съ Пистелькорсомъ.

Оставивъ пѣхоту въ засѣкахъ для прикрытія своего отступленія, Амилахвари со всею кавалеріею двинулся дальше и, миновавъ тѣснины, уже покинутыя непріятелемъ, вступилъ въ Тубу. Какъ ни разспрашивали казаковъ, спасшихся отъ истребленія, никто изъ нихъ не могъ даже приблизительно опредѣлить мѣсто, гдѣ происходила битва. Эта неизвѣстность была неодолимою преградою для розысковъ. Куда направить войска? Гдѣ искать погибавшихъ? Большинство было убѣждено, что пластуновъ, которыхъ шли искать, давно уже нѣтъ на свѣтѣ, что несоразмѣрно превосходный непріятель и голодъ сдѣлали уже свое дѣло, и намъ предстояло развѣ только предать поруганныя тѣла ихъ честному погребенію. Положеніе было трудное, тѣмъ болѣе, что войска, выступившія по тревогѣ, не взяли съ собой сухарей, и теперь буквально голодали. Долго всѣ поиски оставались тщетными, и Богъ знаетъ, каковъ бы былъ дальнѣйшій результатъ, если бы счастливый случай не вывелъ всѣхъ изъ затрудненія. Наѣздники увидали вдали двухъ пробиравшихся людей въ татарской одеждѣ и, кинувшись въ погоню, узнали въ нихъ пластуновъ, высланныхъ Евтушенкою. Когда ихъ привели къ Амилахвари, они сообщили, что всѣ казаки безъ малаго живы, но находятся въ страшномъ положеніи. «Идите скорѣе» — говорили они: «Евтушенко велѣлъ сказать, что у казаковъ пятый день какъ нѣтъ хлѣба—ѣдятъ снѣгъ; патроны также наисходѣ: вчера ихъ оставалось по десяти на брата». Казаки прибавляли, что горцы предлагали имъ сдаться, но Евтушенко отвѣчалъ: «Когда перебьютъ всѣхъ, пусть берутъ наши тѣла, а

живыми никто изъ пещеры не выйдетъ». Трудно описать энтузіазмъ войскъ при этомъ извѣстіи: чувство братства заговорило въ каждомъ, и всѣ, забывъ усталость и голодъ, рвались скорѣе спасти погибавшихъ.

Между тѣмъ съ горъ спустился туманъ такою густою пеленою, что не было возможности видѣть окрестность. Казаки сбились съ дороги, и никакъ не могли отыскать направленія. Бродили долго—и опять выручила всѣхъ счастливая случайность. Одинъ изъ казачьихъ разъѣздовъ, отбившійся далеко въ сторону, увидѣлъ на землѣ носовой платокъ, и по мѣткамъ узналъ, что это платокъ Дугина. Бросились искать въ этомъ направленіи, и, дѣйствительно, наткнулись на тѣла побитыхъ казаковъ, лежавшихъ среди такихъ трущобъ, гдѣ двигаться верхами не было уже возможности. Князь Амилахвари, собравъ трубачей, приказалъ имъ трубить «сборъ», и затѣмъ сдѣлалъ три залпа—условный сигналъ, по которому Евтушенко долженъ былъ заключить, что къ нему идетъ выручка. Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ,—и вдругъ, гдѣ-то далеко влѣво прогремѣли три отвѣтные залпа. Пещера, стало быть, находилась въ томъ направленіи. Князь Амилахвари тотчасъ отправилъ туда 200 пѣшихъ драгунъ и казаковъ, подъ командой маіора Умарова, а остальной кавалеріи приказалъ стать бивуакомъ. Между тѣмъ наступила ночь; туманъ и снѣгъ съ дождемъ продолжались попрежнему. Тихо и мертво было кругомъ. Но вотъ вдали, здѣсь и тамъ, сверкнули огоньки бивуачныхъ костровъ, по которымъ легко было опредѣлить положеніе непріятельскихъ пикетовъ. Охотники, высланные подъ командой штабсъ-капитана Нижегородскаго полка князя Чавчавадзе, первые атаковали горцевъ и, сбросивъ ихъ съ горъ, открыли подступъ къ пещерѣ. Но казаки стали крайне недовѣрчивы, и Евтушенко первый выразилъ сомнѣніе въ томъ—нѣтъ ли здѣсь какой-нибудь хитрости со стороны тубинцевъ. «Чего добраго!» отвѣчали казаки—и въ отвѣтъ на русскую рѣчь курки винтовокъ защелкали. «Живы ли вы?» раздался между тѣмъ незнакомый имъ голосъ. «Слава Богу, живы, хотя есть и убитые и раненые». «Мы пришли васъ спасти!» «Не вѣримъ, что вы наши,—сыграй въ трубу!» отвѣчалъ несговорчивый Евтушенко. Трубачъ заигралъ. «Нѣтъ!»—крикнулъ Евтушенко, вспомнивъ вдругъ, что при гибели казаковъ была отбита у нихъ и труба:—«скажите сначала, кто у васъ начальникъ?» «Князь Амилахвари», отвѣчали ему. «Знаемъ. Ну, а кого вы знаете изъ нашихъ?» «Ты Евтушенко, и теперь за старшаго». Но Евту-

шенко придумывалъ уже новый вопросъ, и экзаменъ, по всей вѣроятности, продолжался бы долго, если бы наконецъ не появился Кубановъ, остававшійся гдѣ-то позади. «Я, братцы, Кубановъ, котораго вы послали; я привелъ вамъ выручку», кричалъ онъ казакамъ. Казаки, наконецъ, признали его голосъ, и кинулись разламывать каменную стѣнку, которою загородили пещеру.

Къ утру спасенные пластуны были уже въ отрядѣ, привѣтствовавшемъ ихъ громкимъ ура! Это была общая дань восторга и удивленія къ ихъ геройской защитѣ. Подвигъ пластуновъ достоинъ вниманія тѣмъ болѣе, что во всей командѣ не было ни одного стараго казака. Это были все переселенцы, недавно прибывшіе изъ Россіи, и даже самъ Евтушенко не былъ природнымъ пластуномъ. Онъ жилъ до этого времени частнымъ человѣкомъ въ Черноморьи, а когда его родители переселились изъ Малороссіи въ Самурскую станицу, тогда и онъ поселился тутъ же вмѣстѣ съ своею семьею и былъ приписанъ въ казаки. Разспросамъ и разсказамъ съ обѣихъ сторонъ не было конца, и даже на этотъ разъ позабыта была пословица, что соловья баснями не кормятъ. «Спасти-то мы, братцы, васъ спасли, а покормить васъ нечѣмъ»—шутили драгуны и казаки, сами ничего не ѣвшіе нѣсколько дней къ ряду. «Ничего, перетерпимъ», отвѣчали имъ пластуны. Къ счастію черезъ нѣсколько часовъ съ Бѣлорѣчинской линіи прибылъ полковникъ Макаровъ съ своимъ полкомъ и съ огромнымъ транспортомъ провіанта (3).

Въ обратный путь войска пошли двумя колоннами по обѣ стороны Пшехи, истребляя все, что попадалось имъ на пути. Во время этого движенія потерь у насъ не было, но драгуны едва не лишились своего командира князя Амилахвари, подъ которымъ лошадь, сорвавшись съ горнаго карниза, рухнула въ пропасть. По счастію, князь, не потерявъ присутствія духа, хватился руками за дерево и повисъ надъ бездной. Подоспѣвшіе драгуны успѣли спасти его (4).

Въ то время, когда Нижегородскій полкъ, вернувшись изъ Тубы, стоялъ на кордонахъ, Даховскій отрядъ перешелъ главный хребетъ,—и театромъ военныхъ дѣйствій сдѣлался теперь берегъ Чернаго моря; Пшехскій отрядъ остался на сѣверномъ склонѣ, и на него возложена была обязанность окончательно занять Тубу и заставить жителей ея выселиться въ Турцію. 31-го марта весь Нижегородскій полкъ, снятый съ кордоновъ, выступилъ изъ Самурской станицы, и соединившись съ Пшехскимъ отря-

домъ, сталъ на позиціи у рѣчки Гогопсъ, откуда рѣшено было исходить всѣ тубинскія трущобы и истребить послѣдніе слѣды населенія. Но воевать оказалось не съ кѣмъ, такъ какъ тубинцы сами выселились въ Турцію,—и страна уже опустѣла. Граббе, не имѣя противъ себя противника, послалъ за приказаніями къ графу Евдокимову, но ни одинъ изъ его посланныхъ не дошелъ по назначенію—всѣ они по одиночкѣ перебиты были хакучинцами, сторожившими горныя тропы—и приказаній не получалось. Тогда Граббе принялъ иниціативу на себя, и зная о покореніи приморскихъ шапсуговъ, рѣшилъ перейти главный хребетъ ущельемъ рѣчки Шахе, чтобы выйти въ тылъ убыхамъ, противъ которыхъ направился уже Гейманъ со стороны бывшаго Головинскаго форта. Къ походу назначены были 4 батальона пѣхоты, сотня казаковъ и сборный эскадронъ Нижегородцевъ, составленный изъ лучшихъ лошадей цѣлаго полка. Съ этимъ эскадрономъ отправился и самъ князь Амилахвари.

Выступили 11-го апрѣля подъ проливнымъ дождемъ, и на другой день, переваливъ главный хребетъ на высотѣ 11 тысячъ футовъ, спустились къ Бабукову аулу. Здѣсь жилъ одинъ изъ представителей самой знатной и вліятельной убыхской фамиліи Берзековыхъ,—Аджи-Алимъ-Гирей-Бабуковъ, который, какъ оказалось, уже приготовился со всѣми своими подвластными къ переселенію въ Турцію. Узнавъ о приближеніи русскаго отряда, онъ выѣхалъ самъ на встрѣчу къ Граббе и предоставилъ въ распоряженіе офицеровъ свой великолѣпный домъ, окруженный виноградными садами, каштанами и орѣхами, изъ которыхъ каждый поражалъ колоссальностью своихъ размѣровъ. Къ Бабукову же аулу долженъ былъ подойти Гейманъ съ частію своего отряда, и здѣсь-то, въ верховьяхъ рѣчки Шахе, въ котловинѣ, окруженной снѣговыми хребтами, произошло свиданіе начальниковъ двухъ дѣйствовавшихъ въ горахъ отрядовъ. Въ тотъ же день Гейманъ возвратился назадъ къ Вельяминовскому форту, а войска полковника Граббе потянулись на Бѣлорѣчинскій перевалъ, чтобы перейти обратно на сѣверную сторону Кавказа. Перевалъ этотъ былъ еще труднѣе, чѣмъ у Бабукова аула. Подъемъ, покрытый неталыми снѣгами, тянулся на 26 верстъ и былъ такъ крутъ, что солдаты ползли на четверинкахъ, а лошадей втаскивали мѣстами на канатахъ. Дороги не было и признака. Пустынность и дикость этихъ мѣстъ такова, что на разстояніи 26 верстъ нельзя было замѣтить даже слѣдовъ какого-нибудь жилища. Природа видимо не хотѣла пріютить

здѣсь человѣка, точно отводила эти мѣста для обиталища однихъ горныхъ духовъ. Нижегородцы первые поднялись на перевалъ и очутились въ царствѣ зимы, посреди такой снѣжной вьюги, что вынуждены были остановиться. Кругомъ ничего не было видно,—даже края бездны, надъ которой лѣпились драгуны. Тѣмъ не менѣе наѣздники, отправленные впередъ, успѣли высмотрѣть большой сосновый лѣсъ, находившійся за переваломъ у самой горы Оштенъ, гдѣ можно было переждать непогоду. Съ неимовѣрнымъ усиліемъ, сквозь снѣжную мглу и вьюгу, добились до него наши войска и провели въ немъ ночь на снѣгу и морозѣ. На другой день отрядъ благополучно спустился въ Хамышки, къ немалому удивленію его гарнизона, знавшаго, что съ этой стороны вершины Кавказскаго хребта были совсѣмъ недоступны.

Нельзя не обратить вниманія на замѣчательное движеніе, сдѣланное Граббе въ той части западнаго Кавказа, о которой мы не имѣли никакихъ, даже самыхъ поверхностныхъ свѣдѣній. Движеніе это безспорно принадлежитъ къ числу самыхъ смѣлыхъ и трудныхъ, когда-либо сдѣланныхъ войсками Кубанской области. Два раза провести войска на высотѣ 11-ти тысячъ футовъ, среди глубокихъ снѣговъ, и только съ тѣмъ продовольствіемъ, которое могло помѣститься на плечахъ солдата—задача нелегкая и крайне отвѣтственная для начальника. Чтобы не поморозить и не растерять при такихъ условіяхъ людей, надо было умѣть распорядиться,—и Граббе оказался на высотѣ своей задачи: въ его отрядѣ не было не только обмороженныхъ солдатъ, но не было даже отсталыхъ и заболѣвшихъ (5).

Вернувшись изъ экспедиціи, эскадронъ присоединился къ полку, который въ полномъ составѣ стоялъ на Курджипской линіи близъ Копацкаго поста, а Граббе между тѣмъ принялъ новый Мало-Лабинскій отрядъ,—и въ третій разъ перевалилъ съ нимъ Кавказскій хребетъ въ верховьяхъ Зеленчуковъ, гдѣ не всегда ходили даже пѣшіе горцы.

Теперь задачи Кавказской арміи близились уже къ окончанію. Убыхи, шапсуги и абадзехи десятками тысячъ отправлялись въ Турцію, а между тѣмъ всѣ наши войска: отряды Святополка-Мирскаго, Граббе, Геймана и Шатилова, находившіеся по ту сторону горъ, сошлись въ землѣ общества Ахчипсху и разбили свой лагерь на урочищѣ Кбаада въ долинѣ рѣчки Мзымты. Этому-то глухому, невѣдомому уголку, куда кромѣ плѣнныхъ, едва ли когда-нибудь проникала нога европейцевъ, досталось быть

мѣстомъ празднованія историческаго событія, имѣющаго значеніе для всего образованнаго человѣчества. Здѣсь 21-го мая 1864-го года закончилась Кавказская война,—и если за шесть лѣтъ передъ тѣмъ князь Барятинскій могъ донести государю, что Кавказъ покоренъ отъ Военно-грузинской дороги до Каспійскаго моря, то Великій Князь могъ телеграфировать теперь, что Кавказъ покоренъ отъ моря Чернаго до моря Каспійскаго, и что отнынѣ Кавказская война принадлежитъ исторіи.

Нижегородскому полку не довелось принять непосредственнаго участія въ окончательномъ актѣ этой великой драмы, но ему пришлось-таки еще разъ побывать по ту сторону горъ, чтобы встрѣтить Великаго Князя, возвращавшагося изъ Кбаады въ Туапсе, и оттуда сопровождать его на Гойтхскій перевалъ, гдѣ былъ большой парадъ всѣмъ войскамъ, собраннымъ съ сѣверной покатости Кавказскихъ горъ. Здѣсь же, на Гойтхскомъ перевалѣ, Нижегородцы читали историческій приказъ, отданный августѣйшимъ главнокомандующимъ 21-го мая 1864 года.

«Съ чувствомъ искренней радости и уваженія къ доблести вашей поздравляю васъ, войска Кавказской арміи, съ покореніемъ Западнаго Кавказа и съ окончаніемъ Кавказской войны... Слава Всевышнему, увѣнчавшему ваши усилія. Слава и признательность отечества вамъ, покорители Кавказа! Вѣчная память павшимъ товарищамъ вашимъ, не дожившимъ до настоящей радостной и великой минуты» (6).

Но не одни герои вѣковой борьбы съ гордостію внимали этимъ словамъ. Имъ откликнулось все населеніе края, весь русскій народъ, посылавшій на эту упорную битву лучшихъ сыновъ своихъ, лучшія молодыя силы. Продолжительна и трудна была эта борьба, но тѣмъ радостнѣе отзывались теперь побѣдные клики надъ могилами павшихъ героевъ, на костяхъ которыхъ созидалась вся эта великая, вѣковая эпопея.

Награждая великаго князя-главнокомандующаго орденомъ св. Георгія 2-го класса и золотою шпагой, украшенной брилліантами съ надписью: «За окончаніе Кавказской войны», государь писалъ къ нему: «Этими двумя наградами, я хотѣлъ въ лицѣ твоемъ почтить всю славную Кавказскую армію, и увѣренъ, что молодцы наши такъ это и примутъ». Но на Кавказскую армію и ея вождей монаршія щедроты излились особо: графъ Евдокимовъ получилъ тотъ же орденъ св. Георгія 2-го класса, Гейманъ—Георгія на шею, а генералъ Граббе—золотую шашку, украшенную брилліантами, съ надписью: «За троекратный переходъ черезъ Кавказскій хребетъ».

Смотръ на Гойтхскомъ перевалѣ.

Въ Петербургѣ окончаніе Кавказской войны праздновалось большимъ парадомъ въ Красносельскомъ лагерѣ. 12-го іюля войска, въ числѣ 70 батальоновъ пѣхоты, 45 эскадроновъ кавалеріи и 132 орудій, построились на военномъ полѣ, передъ царскимъ валикомъ. Въ 10 часовъ утра прибылъ государь императоръ и, объѣхавъ войска, приказалъ собрать знамена и штандарты къ царскому валику, куда вслѣдъ за ними подошли и вызванные изъ рядовъ георгіевскіе кавалеры. Ихъ было 1250 человѣкъ,— все старые кавказскіе служивые. Государь обошелъ ихъ, и еще разъ поблагодарилъ за боевую кавказскую службу. Послѣ молебствія, совершеннаго съ колѣнопреклоненіемъ, войска взяли на караулъ—и въ лицѣ георгіевскихъ кавалеровъ отдали честь храброй Кавказской арміи. Это была самая торжественная минута парада. Начался церемоніальный маршъ. Когда проходилъ учебный батальонъ, государь, подъѣхавъ къ кавказской ротѣ, обратился къ ней съ слѣдующими словами: «Благодарю за боевую службу. Когда вернетесь въ свои полки, поблагодарите отъ меня всѣхъ вашихъ товарищей и скажите имъ, что я всегда горжусь тѣмъ, что имѣю такія войска, какъ кавказскія». Остановленъ былъ также и Учебный кавалерійскій эскадронъ, изъ котораго государь приказалъ вызвать впередъ всѣхъ кавказскихъ драгунъ. Онъ также благодарилъ ихъ за славную службу и затѣмъ, обратясь отдѣльно къ людямъ Нижегородскаго полка, сказалъ: «А для вашего полка я не могъ найти награды: всѣ награды вы уже заслужили своими подвигами. Я могъ только записать себя самого въ вашъ полкъ».

Въ тотъ же день, 12-го іюля, въ высочайшемъ приказѣ было объявлено:

«Государь императоръ, желая почтить заслуги Нижегородскаго драгунскаго полка, за оказанныя онымъ боевые отличія и славныя дѣла въ продолженіи Кавказской войны, высочайше повелѣлъ зачислить Его Величество въ этотъ полкъ» (7).

Приказъ объ этомъ по полку состоялся 3-го августа, и имя императора Александра II внесено было въ списки 1-го эскадрона. Празднованіямъ и ликованіямъ по этому поводу не было конца:

За труды, за нашу кровь
Царь пожаловалъ насъ вновь:—
Выше всѣхъ награду далъ—
Себя въ полкъ нашъ записалъ,—

заливались удалые пѣсенники на дикихъ берегахъ Курджипса и Пшехи.

Въ тотъ же, памятный для Нижегородцевъ день, 12-го іюля, военный министръ увѣдомилъ великаго князя главнокомандующаго, что «Его Величеству угодно было повелѣть присвоить особое отличіе въ обмундированіи нижнихъ чиновъ Нижегородскаго драгунскаго полка, о чемъ послѣдуетъ особое распоряженіе». Въ чемъ будетъ заключаться это «особое отличіе», долженствовавшее выдѣлить мундиръ Нижегородскаго полка изъ ряда другихъ мундировъ русской арміи—еще никто не зналъ, а монаршія милости къ полку, между тѣмъ, не ограничились и этимъ. Вотъ что сказано въ приказѣ по полку отъ 1-го сентября 1864 года.

«Вчера — пишетъ временно командовавшій полкомъ маіоръ Умаровъ:—получено мною слѣдующее собственноручное письмо Его Императорскаго Высочества великаго князя главнокомандующаго изъ Оріанды:

Его Величество Государь Императоръ при собственноручномъ письмѣ препроводилъ ко мнѣ шесть новыхъ крестовъ, учрежденныхъ въ память покоренія Кавказа, для раздачи ихъ г.г. штабъ-офицерамъ и эскадроннымъ командирамъ командуемаго вами полка. Поспѣшая отправить къ вамъ означенные кресты въ исполненіе Высочайшей воли, я убѣжденъ, что гг. офицеры примутъ этотъ новый знакъ милости и вниманія къ нимъ *августѣйшаго Однополчанина* съ чувствомъ искренней и вѣрноподданнической признательности». «Нижегородецъ—Михаилъ».

Впослѣдствіи подобные кресты получили всѣ офицеры, нижніе чины, и классные чиновники, когда-либо принимавшіе участіе въ дѣлахъ противъ горцевъ, а въ память покоренія Западнаго Кавказа была учреждена особая серебряная медаль на соединенной лентѣ Георгіевской и Александровской.

Съ окончаніемъ войны свиты его величества генералъ-маіоръ Граббе 10-го августа вернулся, наконецъ, къ полку, но черезъ нѣсколько дней снова долженъ былъ покинуть его, чтобы отправиться въ Штутгартъ, во главѣ полковой депутаціи *), для поздравленія шефа полка со вступленіемъ его на прародительскій престолъ. Въ то же самое время Нижегородскому полку повелѣно было именоваться впредь Нижегородскимъ драгунскимъ его величества короля Виртембергскаго полкомъ (8).

*) Полковая депутація состояла изъ генералъ-маіора Граббе, штабсъ-капитана Андреева, вахмистра Макаренко—кавалера трехъ Георгіевъ, и рядового Нижегородца, взятаго проѣздомъ черезъ Петербургъ изъ учебнаго эскадрона.

Въ Штутгартъ депутація прибыла въ исходѣ августа мѣсяца и застала тамъ императора Александра Николаевича, милостиво принявшаго своихъ однополчанъ Нижегородцевъ. Тамъ же, въ Штутгартѣ, государь снялъ съ себя первый фотографическій портретъ въ мундирѣ Нижегородскаго полка и подарилъ его королевѣ Ольгѣ Николаевнѣ. По кончинѣ же ея величества, послѣдовавшей вслѣдъ за кончиною короля, ея супруга, портретъ этотъ, согласно ея духовному завѣщанію, пересланъ былъ генералъ-лейтенанту Граббе на память пребыванія его въ Штутгартѣ вмѣстѣ съ покойнымъ императоромъ. Этотъ портретъ, сдѣланный акварелью, въ размѣрѣ обыкновенной визитной карточки, и понынѣ сохраняется въ семействѣ Николая Павловича Граббе.

Изъ Штутгарта Граббе не пришлось уже возвращаться обратно въ Майкопъ, такъ какъ 30-го августа 1864 года онъ былъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка и долженъ былъ отправиться къ мѣсту новаго своего назначенія. Такимъ образомъ, послѣднимъ памятникомъ его командованія Нижегородскимъ полкомъ остались два отзыва, которые онъ сдѣлалъ передъ поѣздкой въ Штутгартъ, и которые, какъ отголоски минувшей войны, оказали Нижегородцамъ двѣ важныя услуги по вопросамъ вооруженія и ремонтированія. Нужно сказать, что еще въ 1859 году явилась мысль снабжать Нижегородскій полкъ лошадьми исключительно кабардинскихъ заводовъ, и тогда же, въ видѣ опыта, куплено было въ счетъ годового ремонта 50 лошадей, которыя всѣ зачислены были въ 3-й эскадронъ князя Амилахвари, и, для лучшаго наблюденія за ними, составили 4-й взводъ. Опытъ оказался, однако, вполнѣ неудачнымъ. «Кабардинскія лошади—писалъ о нихъ Граббе:—незамѣнимы подъ офицерскимъ сѣдломъ, но не могутъ выносить тяжелаго солдатскаго вьюка, и въ этомъ отношеніи настолько уступаютъ донскимъ, что къ концу четырехъ-лѣтней кампаніи въ полку не осталось изъ нихъ почти ни одной». Не состоялся также и другой проектъ о вооруженіи Нижегородцевъ новыми шашками, образцы которыхъ были высланы въ полкъ для испытанія. Это были превосходные клинки литой обуховской стали, но съ обыкновенной драгунской рукоятью и въ желѣзныхъ ножнахъ, которыя до тѣхъ поръ на Кавказѣ еще не появлялись. Нижегородцы не полюбили этихъ шашекъ, и Граббе далъ о нихъ слѣдующее заключеніе: «Клинки литой обуховской стали сами по себѣ весьма хороши, но драгунская рукоять отнимаетъ у нихъ нужный размахъ, и, такимъ образомъ,

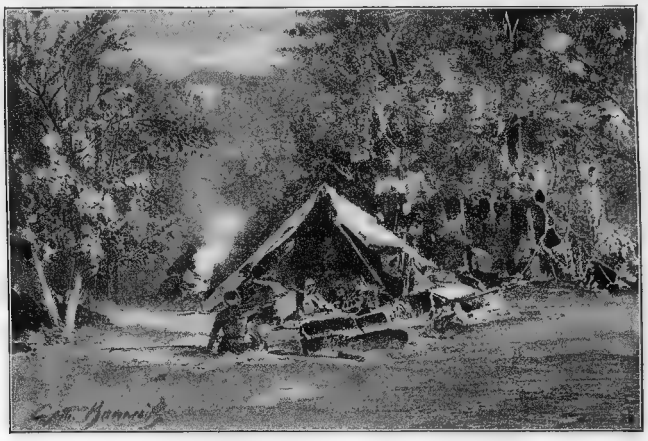
лишаетъ шашку главнаго ея достоинства — силы удара. Это происходитъ отъ того, что отвѣсъ клинка уменьшается противоположною ему тяжестью эфеса, чего нѣтъ въ азіатскихъ шашкахъ; а, между тѣмъ, самый эфесъ совершенно безполезенъ, ибо дужка его представляетъ для руки слишкомъ ничтожную защиту, да и то развѣ только при фехтованіи»... «Что же касается желѣзныхъ ноженъ,—писалъ онъ далѣе:—то онѣ, кромѣ того, что тяжелы и неудобны въ носкѣ,—еще подвержены ржавчинѣ, гнутся и часто ломаются» (9)... Очень можетъ быть, что только благодаря такому категорическому отзыву, сдѣланному Граббе на основаніи опытовъ минувшей войны, Нижегородцамъ и удалось отстоять въ ту пору свои историческія шашки.

Такъ прошло лѣто и наступила осень. Западный Кавказъ давно былъ покоренъ, но въ горахъ его все еще находилось небольшое общество, которое не только отвергло всѣ предложенія о покорности, но даже перебило посланныхъ къ нимъ парламентеровъ. Это были Хакучи. Собственно говоря, они не составляли какого-нибудь самостоятельнаго племени, а были просто сбродомъ людей, которые по различнымъ причинамъ бѣжали въ горы и, поселившись въ трущобахъ по обѣ стороны рѣчки Аше, совершенно тамъ одичали. Среди нихъ можно было встрѣтить убыховъ, шапсуговъ, абадзеховъ, нашихъ бѣглыхъ казаковъ и солдатъ, и даже раскольниковъ. Ихъ спеціальностью были разбои, а потому, пока существовали хакучи, не могло быть и полнаго умиротворенія края. Гейманъ два раза предпринималъ противъ нихъ экспедиціи, но хакучинцы, избѣгая открытыхъ битвъ, разбѣгались по такимъ лѣсамъ и трущобамъ, гдѣ ихъ разыскивать, значило гоняться въ полѣ за вѣтромъ. Тогда Гейманъ рѣшилъ измѣнить систему своихъ дѣйствій, и направить ударъ прежде всего на хакучанскія поля и жилища. Съ линіи потребованъ былъ дивизіонъ Нижегородскаго полка, который и прибылъ къ нему осенью въ концѣ сентября мѣсяца *). Драгуны тотчасъ принялись вытаптывать хлѣба́ своими конями, жечь аулы и истреблять хутора. «Настоящая экспедиція,—говоритъ въ своемъ донесеніи Гейманъ,—конечно не имѣла тѣхъ славныхъ дѣлъ, которыми сопровождались былыя экспедиціи на Западномъ Кавказѣ, но по тѣмъ препятствіямъ, которыя приходилось

*) Князь Амилахвари назначилъ дивизіонъ сборный, по полуэскадрону отъ каждаго эскадрона, и командиромъ его назначилъ капитана Бурлея.

преодолѣвать войскамъ, она должна быть поставлена въ разрядъ самыхъ тяжелыхъ и трудныхъ». Дикость этихъ мѣстъ, дѣйствительно, превосходитъ всякое воображеніе, и можно только удивляться, какимъ образомъ драгуны дѣйствовали конными тамъ, гдѣ съ трудомъ перебирались одиночные пѣшіе люди. Но хакучивскій походъ не увѣнчался и на этотъ разъ безусловнымъ успѣхомъ. Суровая осень, проливные дожди и бури заставили насъ прекратить военныя дѣйствія и оставить экспедицію опять недоконченною. Въ октябрѣ мѣсяцѣ драгуны отпущены были домой, и черезъ Бѣлорѣчинскій перевалъ вернулись снова на Курджипскую линію ([10]).

Это было послѣднее военное движеніе на Западномъ Кавказѣ, закончившее собою знаменательный 1864-й годъ. Окончательное истребленіе хакучей было произведено гораздо позже,—но драгуны въ немъ уже не участвовали.



Бабуковъ аулъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Масштабъ
въ дюймѣ 20 верстъ
р Кубань
ЕКАТЕРИНОДАРЪ
Великолагерный Постъ
Анапа
Крымская
Григорьевская
Ильское
ГРИГОРЬЕВСКОЕ
Некрасовская
Ново Лабинская
Темиргоевская
Петропавловская
Михайловская
Прочный Окопъ
Убѣжная
Николаевская
Дорога въ Ставрополь
Дорога въ станицу Александровскую
Курганная
Константиновская
Родниковская
Чамлыкская
Лабинская
Ханская
Майкопъ
Кужорская
Брукаевская
ХАДЫЖЫ
ГОЙТХЪ
Передовая
Каладжинская
ПСЕБАЙ
Преградная
Джубгская
Вельяминовское (Туапсе)
Укр. Хамышки
ГАГРЫ
ЧЕРНОЕ МОРЕ

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ТОМЪ VIII
СТР.

ГЛАВА I.

[1]) Приказы по полку за 1858 г. 2
[2]) Изъ бумагъ графа Ностица . . . . . —
[3]) Ар. Шт. Кав. Воен. Окр. Жур. в. д. на Лѣвомъ крылѣ въ 1858 г. . . . 4
[4]) Тамъ же 5
[5]) Тамъ же . . . . . —
[6]) Тамъ же. Бумаги графа Ностица 6
[7]) Тоже 7
[8]) Тоже 8
[9]) Записки графа Ностица. 9
[10]) Ар. Шт. Кав. В. Окр. жур. в. д. на Лѣв. крылѣ 1859 и Записки гр. Ностица. 12
[11]) Приказы по полку за 1859 г. 13

ГЛАВА II.

[1]) Изъ бумагъ графа Ностица 17
[2]) Тоже 18
[3]) Тоже 19
[4]) Изъ разсказовъ старыхъ Нижегородцевъ. 20
[5]) Приказы по полку за 1859 годъ. 22
[6]) Приказы по войскамъ Прикаспійскаго края за 1859 годъ. . . . . —
[7]) Рус. Ар. 1868 г. № 1. Записки Инсарскаго. . . . . —
[8]) Тамъ же. 23
[9]) Изъ записокъ графа Ностица. 26
[10]) Изъ воспоминаній старыхъ Нижегородцевъ. 29

[11]) За разновременныя дѣла при покореніи Восточнаго Кавказа въ Нижегородскій полкъ пожалованы слѣдующія награды:

Полковнику **графу Ностицу** орденъ св. Георгія 4 ст., Анны 2 ст. и монаршее благоволеніе. Полковнику **Барковскому** ордена св. Анны и св. Станислава 2 ст., оба съ Императорскою короною. Подполковнику **Кишинскому** чинъ полковника и Станислава 2 ст. съ короною. Подполковнику **Калмыкову** св. Станислава 2 ст. съ короною, и **князю Чавчавадзе** (Захарію) тотъ же орденъ безъ украшенія. Маіору **Макарову** чинъ подполковника. Штабсъ-Капитаны: **Зинченко, Ключаревъ, Батіевскій 1-й, Джемарджидзе, Гребскій,**

Тарновскій и Вихманъ произведены въ капитаны; штабсъ-капитанъ **князь Амилахвари**—чинъ капитана, золотая шашка и ордена св. Станислава и Анны 3-й ст. и Владиміра 4 ст.; штабсъ-капитану **Батіевскому** св. Станислава 2 ст. и **Умарову** — тотъ же орденъ 3-й ст. Поручики: **Ушаковъ, Готовицкій и Сопіенца**—въ штабсъ-капитаны; поручикъ **Корродини** чинъ штабсъ-капитана и ордена св. Станислава и св. Анны 3-й степени; поручикъ **Дуровъ** — ордена св. Анны и св. Станислава 3-й ст. Поручикъ **князь Чавчавадзе** орденъ св. Станислава 2й ст. и **Іосселіани** Анну 4 ст. съ надписью «за храбрость». Прапорщики: **князь Чавчавадзе, Джакели, Мамуловъ, Гончаровъ, Тявкежевъ, Климентовъ, Вихманъ, Іосселіани 2-й, Маралинъ, Зиссерманъ** и **Миссори-Торіани**—въ поручики. Прапорщику **графу Ферзену**: чинъ поручика, переводъ въ гвардію, званіе флигель-адъютанта и орденъ св. Анны 4 ст. съ надписью: «за храбрость». Прапорщику **Джемарджидзе**—орденъ св. Станислава 3-й ст. и **Оленину** Анну 4 ст. Младшему лекарю **Полякову** орденъ св. Станислава 3 ст.

Юнкера Батіевскій и князь Челокаевъ, унтеръ-офицеры: Гизети, Агамоловъ и Николай Бутовичъ (изъ разжалованныхъ)—въ прапорщики.

Знаки отличія Военнаго ордена 2 ст. пожалованы: унтеръ-офицерамъ Филиппу Гнетову и Алексѣю Собикину.

3-й степени: старшему вахмистру Іовѣ Волкову, младшему вахмистру Павлу Любитенкѣ, унтеръ-офицерамъ Филиппу Гнетову и Алексѣю Собикину; юнкеру Іосселіани.

4-й степени: Старшимъ вахмистрамъ Онуфрію Шилову и Степану Глазову; младшимъ—Ивану Величенкѣ, Василію Батанову, Матвѣю Макаренкѣ и Михаилу Литвиному; унтеръ-офицерамъ: Рафаилу Агамолову, Якову Бондареву, Калистрату Федорову, Михаилу Боеру, Александру Махатадзе, Поликарпу Камбурову, Евсею Кадымову, Семену Богомолову, Макару Кутенкѣ, Ивану Савченко-Маценко, Василію Скляменко, Никандру Повицкому и Агаѳону Александрову; трубачу Егору Соколову, и рядовымъ: Ивану Морозову, Федору Малышкину, Кузьмѣ Евстафьеву, Семену Фадѣеву, Димитрію Раевскому, Григорію Фролову, Григорію Вернясову, Матвѣю Казакову, Ивану Петрову, Ларіону Алексѣеву, Лукьяну Тиханову, Ефиму Богуненко, Андрею Кравченко, Александру Николенко, Макару Ленгину, Дороѳею Подлѣснюку, Финогену Мамонтову, Ивану Чернышеву, Антону Мазину, Василію Колосовскому и Алексѣю Богданову.

Старшій фельдшеръ Леонтьевъ произведенъ въ чинъ коллежскаго регистратора, а младшій—Семенъ Плуталовъ единовременную денежную награду. Рядовому Семену Седашеву прощенъ штрафъ. 29

[12]) Государь Императоръ повелѣлъ въ память покоренія Восточнаго Кавказа день 25-го августа внести въ число дней табельныхъ для повсемѣстнаго празднованія во всемъ Кавказскомъ краѣ. 30

ГЛАВА III.

[1]) Приказы по полку за 1859 годъ 32
[2]) Ар. Кав. В. Окр. о передвиженіи войскъ въ 1860 году. . . . . —
[3]) Изъ записокъ графа Ностица 33
[4]) Разсказы старыхъ Нижегородцевъ. . . . . —
[5]) Тамъ же 34
[6]) Тамъ же 36

[7]) Тамъ же 37
[8]) Тамъ же 39
[9]) Ар. Кав. Воен. Окр. жур. В. д. въ Кубанской области. Дѣла 1860 года. . . 40
[10]) Тамъ же. Секретное отдѣленіе. Дѣло № 1. 41
[11]) Изъ бумагъ графа Ностица . . . . . —
[12]) Сѣверная Пчела за 1877 годъ. 43
[13]) Жур. в. д. Кубанской области. Дѣла за 1860 годъ. 49
[14]) Записки стараго Нижегородца (рукопись). 50
[15]) Предписаніе штаба войскъ Куб. области 31 ав. 1860 № 4289. 52

ГЛАВА IV.

[1]) В. сб. 1867 г. № 10. «Шехскій отрядъ» и Записки Нижегородца (рукопись). 54
[2]) Ар. Шт. Кав. В. окр. журналъ в. д. на пр. крылѣ Кав. линіи 1860 г. и разсказы старыхъ Нижегородцевъ. 57
[3]) Тамъ же. Дѣла о наградахъ за 1860 г. . . . . —
[4]) Изъ записокъ стараго Нижегородца. . . . . —
[5]) Тоже 60
[6]) Разсказы старыхъ Нижегородцевъ, бумаги Н. П. Граббе, Рус. Стар. 1878 г. т. 22-й. 63
[7]) Изъ разсказовъ стараго Нижегородца . . . . . —
[8]) Съ уходомъ резернаго эскадрона и инвалидной команды, въ Чиръ-Юртѣ осталась только команда для присмотра за полковымъ штабомъ въ числѣ 54 унтеръ-офицеровъ и 313 рядовыхъ. Впослѣдствіи, въ мартѣ мѣсяцѣ 1863 года, и самая штабъ-квартира окончательно передана была въ вѣдѣніе Дагестанскаго пѣхотнаго полка, при чемъ въ собственность его поступили и всѣ полковыя заведенія, постройки, всѣ огороды и сады, разведенные драгунами, безъ всякаго вознагражденія ихъ частнымъ владѣльцамъ, такъ какъ земля, на которой они возводились, принадлежала не имъ, а штабъ-квартирѣ. (Ар. Шт. войскъ Даг. об. предписаніе графа Евдокимова отъ 18 апрѣля 1860 г. № 2595 и 29 марта 1863 г. № 151). 64
[9]) Ар. Шт. Кав. Воен. Окр. Дѣла 1860—61 г. о перемѣщеніи войскъ въ Кубанск. области. . . . . —
[10]) Тамъ же. 65

ГЛАВА V.

[1]) Ар. Шт. Кав. Воен. Окр. Дѣла 1861 г. по Кубанской области о путешествіи Государя Императора. Русск. Старина 1884. т. 42-й. Ст. Ольшевскаго: Императоръ Александръ Николаевичъ на Западномъ Кавказѣ въ 1861 году, и Рус. Ст. 1883 г. т. 40. 68
[2]) Передъ самымъ отъѣздомъ Государя полковникъ Граббе доложилъ Его Величеству о затруднительномъ и крайне тяжеломъ положеніи одного изъ лучшихъ офицеровъ Нижегородскаго полка полковника Макарова. Онъ женился не задолго передъ тѣмъ на своей двоюродной сестрѣ, и теперь по поводу этого возникло дѣло о расторженіи брака, какъ незаконнаго. Государь подъѣхалъ къ Макарову, командовавшему 1-мъ дивизіономъ, и милостиво сказалъ ему: Благодарю васъ за славную боевую службу.

	ТОМЪ VIII стр.
Относительно вашего семейнаго дѣла будьте спокойны, устроить его я беру на себя». Новое доказательство милостиваго вниманія Императора Александра II-го къ службѣ Нижегородцевъ	74
[3]) Русс. Старина 1884 г. т. 42-й статья Ольшевскаго. Газета Кавказъ 1861 г. № 90 и разсказы и воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ	—
[4]) Изъ бумагъ графа Н. П. Граббе	75
[5]) Изъ бумагъ князя А.	76

ГЛАВА VI.

[1]) Изъ записокъ старыхъ Нижегородцевъ	78
[2]) Ар. Шт. Кав. Воен. Окр. Дѣла о в. д. въ Куб. области въ 1862 г.	79
[3]) Тамъ же и записки старыхъ Нижегородцевъ	80
[4]) Тамъ же и Воен. Сб. 1866 г. № 7 и 8. Дѣйствіе и занятіе войскъ среднефарскаго отряда.	82
[5]) Записки стараго Нижегородца (рукопись)	83
[6]) Воен. Сб. 1866 г. № 7 и 8	84
[7]) Записки старыхъ Нижегородцевъ	85
[8]) Тоже и Воен. Сб. 1866 г. № 7 и 8.	86
[9]) Тоже	87
[10]) Изъ мелкихъ нападеній и стычекъ, происходившихъ въ это время, заслуживаютъ вниманія серьезная перестрѣлка, выдержанная 3-мъ эскадрономъ, ходившимъ въ разъѣздъ изъ Ханской станицы, подъ командой штабсъ-капитана Корродини, и нѣсколько нападеній на разъѣзды, высылаемые изъ Майкопа, при чемъ съ нашей стороны случались и убитые и раненые	88

ГЛАВА VII.

[1]) Ар. Шт. Кав. Воен. Окр. Дѣла Куб. обл. 1862 г.	90
[2]) Тамъ же	91
[3]) Записки стараго Нижегородца (рукопись)	92
[4]) Въ этомъ дѣлѣ, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, одинъ драгунъ убитъ, восемь ранено и 14 лошадей выбыло изъ строя. Въ числѣ раненыхъ находился рядовой, исправлявшій должность фельдшера Пейсахъ Аргибантъ, пораженный горскою пулею въ то время, когда онъ подъ огнемъ непріятеля перевязывалъ раненыхъ драгунъ	93
[5]) Воен. Сб. 1866 г. № 7 и 8	94
[6]) Исторія Кабардинскаго полка. Зиссермана т. III.	95
[7]) Тамъ же	—
[8]) Записки стараго Нижегородца (рукопись)	99
[9]) Тамъ же	—
[10]) Тамъ же	100
[11]) Тамъ же	—
[12]) Тамъ же	102
[13]) Тамъ же	104

[14]) Ар. Шт. Кав. Воен. Окр. Дѣло о в. д. въ Куб. об. за 1862 г. 104
[15]) Военн. Сб. 1867 г. № 10-й. Средне-фарскій отрядъ 105
[16]) Изъ бумагъ графа Н. П. Граббе . . . . . —

ГЛАВА VIII.

[1]) Приказы по Кав. ар. 6-го сентября 1862 г. № 387 . . . . . .
[2]) Полковыя бумаги и записки старыхъ Нижегородцевъ . . . . . .
[3]) Тоже и Ар. Шт. Кав. Воен. Ок. Дѣла 1862 г. о переформированіи полковъ .
[4]) Жур. воен. дѣйст. въ Кубанской области за 1862 г. Записки А. Е. Баранова. Разсказы и воспоминанія участниковъ боя 116
[5]) Въ офиціальномъ журналѣ происшествій ошибочно показано, что при этомъ нападеніи 1 драгунъ убитъ и 5 ранено. Убито было всего четыре человѣка 117
[6]) Письма съ Кавказа Фадѣева 118

ГЛАВА IX.

[1]) «На Кавказѣ въ 1862 году». Книга эта издана въ Берлинѣ однимъ изъ спутниковъ принца Альберта на нѣмецкомъ языкѣ съ прекрасными рисунками и альбомомъ. Записки Черкеса, Воен. Сб. 1867 г. № 3 и разсказы старыхъ Нижегородцевъ 124
[2]) Воен. Сбор. 1866 г. № 3. «Шехскій отрядъ». 127
[3]) Изъ воспоминаній старыхъ Нижегородцевъ 130
[4]) Тоже, и Воен. Сб. 1863 г. № 3. . . . . —
[5]) Полковникъ Макаровъ назначенъ былъ на мѣсто Полковника Есакова командиромъ 25-го коннаго полка Кубанскаго казачьяго войска и начальникомъ Бѣлорѣчинской линіи 26-го іюля 1863 года. Впослѣдствіи онъ вышелъ въ отставку генераломъ, жилъ въ своемъ небольшомъ имѣніи въ Богучарскомъ уѣздѣ и умеръ въ 1886 году. . . . . —
[6]) Изъ бумагъ одного частнаго архива . . . . . —
[7]) Приказъ по войскамъ Кубанской области 16 сентября 1863 г. № 63 . . . . —
[8]) Ар. Шт. Кав. Воен. окр. жур. воен. д. въ Куб. об. за 1863 годъ 131
[9]) Тоже 132
[10]) Приказы по полку за 1863 годъ . . . . . —
[11]) Ар. Шт. Кав. Воен. окр. жур. воен. д. въ Куб. об. за 1863 годъ. 133
[12]) Воен. Сбор. 1866 г. № 3. . . . . —
[13]) Тамъ же 134
[14]) Разсказы старыхъ Нижегородцевъ. 135
[15]) Пр. по Кав. арміи 7 ноября 1863 г. № 468. . . . . —

ГЛАВА X.

[1]) Исторія Кабардинскаго полка Зиссермана т. III и письма съ Кавказа Фадѣева. 138
[2]) Ар. Шт. Кав. Воен. Окр. жур. воен. д. въ Куб. об. за 1863 г. и В. Сбор. 1865 г. № 3. 140

[3]) Воен. Сборн. 1864 г. № 5. Извѣстія съ Кавказа 143
[4]) Разсказы старыхъ Нижегородцевъ . . . . . —
[5]) Воен. Сбор. 1867 г. № 10. «Шехскій и средне-фарскій отряды» 145
[6]) Приказы по Кавказской арміи за 1864 г. 146

[7]) Воен. Сборн. 1864 г. № 8. «По поводу оканчанія Кавказской войны».

Во время знаменательнаго парада 12 іюля въ Учебномъ эскадронѣ отъ Нижегородскаго полка находился капитанъ Андреевъ. Когда Государь вызвалъ къ себѣ кавказскихъ драгунъ, онъ стоялъ на правомъ флангѣ Нижегородцевъ. Объявивъ о своемъ зачисленіи въ полкъ, Государь обратился къ Андрееву и спросилъ: былъ ли онъ въ дѣлахъ въ Кубанской области? Андреевъ отвѣчалъ утвердительно и прибавилъ, что онъ раненъ въ Кюрюкъ-Даринскомъ сраженіи. «А, Кюрюкъ-Дара! сказалъ Государь: хорошо васъ тамъ побили?»—«Ничего, Ваше Величество, да будутъ и турки помнить Нижегородцевъ». Государь улыбнулся. За завтракомъ, къ которому былъ приглашенъ и Андреевъ, Государь нѣсколько разъ обращался къ нему съ вопросами, показалъ ему Кавказскій крестъ, бывшій тогда только еще на одномъ Государѣ; спросилъ — видѣлъ ли шашку, которую онъ пожаловалъ командиру ихъ Граббе? и въ заключеніе сказалъ: «Передай полку все, о чемъ я говорилъ съ тобою».

Черезъ мѣсяцъ, 26 ноября, въ день Георгіевскаго праздника, капитанъ Андреевъ, какъ имѣвшій знакъ отличія Военнаго ордена, участвовалъ въ парадѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, вмѣстѣ со взводомъ, составленнымъ изъ кавалеровъ Учебнаго эскадрона. Обходя войска, Государь остановился возлѣ этого взвода. «Здравствуй Андреевъ! сказалъ онъ:— Когда вашъ полковой праздникъ?»—«Завтра, Ваше Величество». Государь обратился къ графу Евдокимову и спросилъ: «Какъ скоро можетъ дойти къ вамъ телеграмма?» Евдокимовъ отвѣтилъ, что черезъ сутки. «Во всякомъ случаѣ — сказалъ Государь:—я ихъ поздравлю», — и онъ показалъ глазами на Андреева. Дѣйствительно, 27 ноября 1864 года, во время полкового обѣда, Нижегородскій полкъ получилъ царскую телеграмму, первый державный привѣтъ, съ котораго полкъ считаетъ свою новую эру.

Во время военныхъ дѣйствій на правомъ крылѣ Кавказской линіи офицеры и нижніе чины Нижегородскаго полка получили слѣдующія награды:

Полковникъ **Граббе**—ордена св. Станислава 2 ст., Анну 2 ст. съ короною, золотую шашку, чинъ генералъ-маіора съ назначеніемъ въ свиту Его Величества; золотую шашку, украшенную брилліантами, съ надписью «За троекратный переходъ черезъ Кавказскій хребетъ» и прусскій орденъ—Краснаго Орла 3 ст.

Подполковники **Макаровъ** и **Калмыковъ** произведены въ полковники.

Капитанъ **князь Амилахвари**: св. Станислава 2 ст. и чины маіора и подполковника. **Умаровъ** — золотую шашку, ордена св. Анны 3 и Владиміра 4 ст. и чинъ маіора. **Батіевскій**: Станислава 2 ст. съ короной, Анну 2 ст. и чины маіора и подполковника. **Авалдовъ**: Станислава 2 ст. съ короной и чинъ маіора; **Вихманъ** Станислава 2 ст. съ короной.

Штабсъ-капитаны: **Андреевъ I** св. Станислава 2 ст. съ короною, Анну 2 ст. и чинъ капитана; **Бурлей** св. Станислава 3 ст. и чинъ капитана; **Негодаевъ** — св. Анны 4 ст.; **Бергеръ** св. Станислава 2 ст.; **Миссори-Торріани** — ордена Анну 3 ст., Владиміра 4 ст. и прусскій Краснаго Орла 4 ст. и чинъ капитана. **Готовицкій** чинъ капитана; **Андреевъ 2**—св. Станислава 3 ст.; **князь Урусовъ**—Станислава 2 ст., **Моралинъ**—св. Станислава и Анну 3 ст.

Поручики: **Барановъ**—ордена св. Георгія 4 ст., св. Станислава 3 ст. и золотую

шашку; **Джемарджидзе**—орденъ св. Станислава 2 ст. и чины штабсъ-капитана и капитана; **Iосселіани**—Анну 3 ст. и чины штабсъ-капитана и капитана; **Корродини**—св. Станислава 2 ст. и чины штабсъ-капитана и капитана; **князь Чавчавадзе**—Владиміра 4 ст. и чины штабсъ-капитана и капитана; **Бутурлинъ**—орденъ св. Анны 3 ст. и прусскій Краснаго Орла 4 ст., чины: штабсъ-капитана, капитана и маіора; **Колмыковъ 2**—ордена св. Станислава 3 ст. и 2 ст. съ короною; **Дуровъ**—св. Станислава 2 ст. съ короною; **Мамуловъ**—св. Анны 3 ст. и чинъ штабсъ-капитана; **Донауровъ**—св. Станислава 3 ст. и чинъ штабсъ-капитана; **князь Баратовъ**—св. Станислава 3 ст. и чинъ штабсъ-капитана; **Травло**—орденъ св. Владиміра 4 ст. и чины штабсъ-капитана и капитана; **Вихманъ 2**—ордена св. Станислава и Анны 3 ст.; **князь Щербатовъ и Моралинъ**—св. Станислава 3 ст.; **Николевъ**—чинъ штабсъ-капитана; **Гончаровъ и Андреевъ 2**—произведены въ штабсъ-капитаны.

Прапорщики: **Махотадзе**—ордена св. Анны 3 ст., св. Владиміра 4 ст. и чинъ поручика; **Толстой**—чинъ поручика; **Климентовъ**—Анну 4 ст. и чины поручика, штабсъ-капитана и капитана; **Гогель**—чинъ поручика; **Аракеловъ**—св. Станислава 3 ст. и чинъ поручика; **князь Орбеліани**—чинъ поручика и прощеніе штрафа; **князь Шаликовъ**—св. Станислава 3 ст.; **Клюки-фонъ-Клугенау**—чинъ поручика и св. Станислава 3 ст.; **Айгустовъ**—чинъ поручика; **Колоссовскій**—Анну 4 ст.; **Господиновъ**—св. Станислава 3 ст.; **Дружининъ**—св. Станислава 3 ст.; **Обуховъ**—Станислава 3 ст.; **Джемарджидзе**—Анну 3 ст. и чинъ поручика; **Лисовскій**—Станислава 3 ст.; **Кудринскій, Гоппе, князь Баратовъ, Ивановъ, Батіевскій** и **князь Амилахвари**—произведены въ поручики; **князь Вахваховъ**—орденъ св. Станислава 3 ст. и чинъ поручика.

Произведены въ прапорщики: изъ юнкеровъ — Грушецкій, Вашкевичъ, Позе 2, князь Амилахвари, Роттермундъ и Айгустовъ; изъ унтеръ-офицеровъ: Позе 1, баронъ Дершау, Лаптевъ, Дубровъ, Озерецковскій, Игнатовскій, Савченко-Маценко, Колосовскій и Гончаровъ.

Старшему лекарю Финку пожалованы ордена св. Анны 2 ст. и св. Владиміра 4 ст.; лекарскому помощнику коллежскому регистратору Леонтьеву—полугодовой окладъ жалованья, и священнику Василію Золотухѣ—золотой наперсный крестъ.

Знаки отличія Военнаго ордена **2-й степени** пожалованы старшимъ вахмистрамъ: Матвѣю Макаренкѣ и Василію Батонову, унтеръ-офицерамъ Василію Колосовскому и Валентію Чахонскому.

3-й степени: старшимъ вахмистрамъ: Матвѣю Макаренкѣ, Василію Батанову, Федору Семенову, Никифору Адаменкѣ, Ивану Астанкову, Онуфрію Шилову и Василію Склеменкову; младшему вахмистру Ивану Плетеницкому; унтеръ-офицерамъ: Василію Гончарову, Валентію Чахонскому, Василію Колосовскому, Димитрію Лаптеву, Игнату Плутайникову, Михаилу Тарасову и Степану Соболеву; рядовымъ Евсею Скелевому и Ивану Крикунову.

4-й степени: *старшіе вахмистра:* Никифоръ Адаменко и Федоръ Семеновъ; *младшіе:* Григорій Алферовъ, Григорій Бабенко, Александръ Горбачевъ, Самуилъ Егоровъ, Сергѣй Забѣлинъ, Федоръ Луценко, Иванъ Козубинскій, Степанъ Ковалевъ, Антонъ Кизилевичъ, Петръ Могилевскій, Трофимъ Мухановъ, Иванъ Миляевъ, Иванъ Плетеницкій, Вицентій Стефанскій, Иванъ Чернышевъ и штабъ-трубачъ Григорій Игнатовъ.

Юнкера: князь Александръ Амилахвари, Алексѣй Толстой, баронъ Дершау, Михаилъ Мариненко и Петръ Перретъ.

Унтеръ-офицеры: Димитрій Алексѣевъ, Алексѣй Агаповъ, Михаилъ Боярскій. Иванъ Бѣловольченко, Федоръ Бакинъ, Архипъ Васильевъ, Иванъ Волошинъ, Павелъ Войтенко, Михаилъ Годяновскій, Василій Гончаровъ, Димитрій Еременко, Григорій Зубаревъ, Василій Игнатовскій, Николай Круковской, Иванъ Квасовъ, Димитрій Котляровъ, Михаилъ Кузьминъ, Іосифъ Ковалевъ, Кузьма Куликовъ, Іеремей Лукьяновъ, Иванъ Лаптевъ, Кирилъ Кошелевъ, Петръ Мойсенко, Фролъ Муратовъ, Матвѣй Мухановъ, Яковъ Медвѣдевъ, Антоній Мирошниковъ, Тимофѣй Нечаевъ, Никандръ Новицкій, Иванъ Онуфріенко, Артемъ Панкратьевъ, Игнатій Плутайловъ, Антоній Панковъ, Григорій Подъусовъ, Никита Сергѣевъ, Петръ Сагайдашинъ, Тарасъ Слепченко, Несторъ Солонко, Корней Скоторенко, Федоръ Третьяковъ, Миронъ Ткаченко, Степанъ Соболевъ, Иванъ Шевченко, Семенъ Яценко, Савелій Хмѣлевскій, Димитрій Шишкинъ, Иванъ Харченко, Василій Чичкинъ, Василій Чупровъ, Карлъ Цапанъ, Прокофій Явновъ, Евдокимъ Фастыгинъ, Исидоръ Чайкинъ, Яковъ Червянцовъ и Максимъ Шейкинъ.

Рядовые: Федоръ Харкунъ, Якубъ Чай, Герасимъ Шимаенко, Яковъ Харевскій, Игнатій Хруленко, Василій Цыбульскій, Иванъ Федуловъ, Яковъ Шиповъ, Федоръ Цыганковъ, Василій Шевцовъ, Федоръ Чухонастовъ, Федоръ Юрчинъ, Емельянъ Родовичъ, Яковъ Рядыхъ, Григорій Терентьевъ, Степанъ Таруткинъ, Наумъ Тищенко, Емельянъ Тарадинъ, Николай Степанкевичъ, Авдѣй Синицинъ, Павелъ Сувязовъ, Антонъ Савченко, Иванъ Супруновъ, Иванъ Свинаревъ, Викторъ Солонченко, Игнатъ Сухаревъ, Евграфъ Старцевъ, Антонъ Солинъ, Гаврилъ Сильченко, Петръ Самородковъ, Евсѣй Скелевой, Евстафій Погасей, Федоръ Прокофьевъ, Михаилъ Переверзевъ, Акимъ Проходченко, Петръ Плисъ, Наумъ Павловъ, Иванъ Огневъ, Иванъ Осиповъ, Никифоръ Неретинъ, Софроній Никифоровъ, Никифоръ Никифоровъ, Стратонъ Мозговой, Данило Мирошниковъ, Фома Моисеенко, Прокофій Михайловъ, Петръ Марченко, Леонтій Мирошниковъ, Никита Мининъ, Григорій Михайленко, Иванъ Морозовъ, Леонтій Мещериковъ, Давидъ Ковалевъ, Иванъ Кихтенко, Иванъ Кравковъ, Степанъ Квиткинъ, Иванъ Крикуновъ, Елистратъ Каншинъ, Иванъ Куликовъ, Максимъ Костинъ, Романъ Кушнаревъ, Козьма Кошелевъ, Емельянъ Калашниковъ, Федоръ Калмыковъ, Данилъ Крадченко, Сергѣй Кошеленко, Петръ Кобаловъ, Николай Ильинъ, Фролъ Игнатовъ, Федоръ Исаевъ, Андрей Зайцевъ, Іосифъ Запруцкій, Парфенъ Захаровъ, Иванъ Загородневъ, Егоръ Зайцевъ, Кирилъ Емельяновъ, Иванъ Евстигнеевъ, Титъ Евдокимовъ, Михаилъ Афонасьевъ, Матеушъ Антоновичъ, Григорій Андреевъ, Степанъ Хмельницкій, Филиппъ Астапенко, Филимонъ Астапенко, Иванъ Алейниковъ, Николай Веретенниковъ, Федотъ Вдовинъ, Антонъ Васильевъ, Сергѣй Воробьевъ, Василій Вошневскій, Янъ Верховскій, Демидъ Васильевъ, Иванъ Бураковъ, Григорій Бережновъ, Иванъ Даниловъ, Иванъ Деревянченко, Трофимъ Даниленко, Яковъ Горскій, Афонасій Голозубовъ и Федосѣй Галлюкъ.

Рядовому Евграфу Старцеву — серебряная медаль съ надписью «За спасеніе погибавшихъ» (спасъ съ опасностью жизни 8 іюня 1860 г. утопающаго въ Кубани солдата). 148

[8]) Высочайшій приказъ $^{13}/_{25}$ іюня 1864 г. 149

[9]) Изъ дѣлъ Арх. Шт. Кавк. Воен. Округа 151

[10]) Тамъ же 152

О кавказскихъ пѣсняхъ.

Памятникомъ Кавказской войны остался цѣлый циклъ боевыхъ пѣсенъ, представляющихся своего рода историческою эпопеею. Если бы подобные сборники составлялись прежде—по нимъ можно бы было прослѣдить всю исторію нашей минувшей Кавказской войны, въ особенности послѣдняго времени. Къ сожалѣнію, подобныхъ сборниковъ не было, а между тѣмъ значеніе военной пѣсни, какъ элемента, способствующаго къ развитію въ полкахъ боевого направленія, не подлежитъ сомнѣнію. Пѣсня, запечатлѣнная патріотическими чувствами, проникнутая любовью къ Царю и славѣ родного оружія—легче всего знакомитъ солдата съ прошедшими славными походами, сохраняетъ въ рядахъ его память о достославныхъ побѣдахъ и тѣхъ вождяхъ, которые покрыли русское имя неувядаемою славою.

Къ сожалѣнію, въ настоящее время не часто можно услыхать въ нашихъ полкахъ настоящія боевыя пѣсни: ихъ вытѣснили, ихъ замѣнили другія, чуждыя и духу и быту нашего солдата, а тѣ, которыя еще и сохранились, не будучи закрѣплены печатью, исказились до того, что лишились смысла, а слѣдовательно и значенія. Съ этой точки зрѣнія мы полагаемъ, что возстановить въ памяти молодого поколѣнія тѣ пѣсни, которыя пѣвались Нижегородцами въ старые годы, и такъ или иначе, касавшіяся ихъ походовъ, будетъ далеко не безполезнымъ. Эти пѣсни мы заимствуемъ изъ рукописнаго сборника, доставшагося намъ также отъ стараго Нижегородца (теперь уже умершаго) генералъ-маіора Карла Карловича Шульца.

Вотъ какую, напр., пѣли пѣсню въ Царскихъ Колодцахъ въ 1841 году, когда одинъ дивизіонъ Нижегородскаго полка готовился выступить въ Чеченскій походъ, подъ начальствомъ извѣстныхъ генераловъ Граббе и Фрейтага:

Весна, ребята, настаетъ,
Трепещетъ врагъ лукавый, —
Вѣдь Граббе самъ насъ поведетъ
Искать побѣдъ и славы.

Ура, ура—летучій нашъ отрядъ!
Вѣдь Граббе самъ насъ поведетъ
И Фрейтагъ будетъ съ нами!

Мы къ Ахульго перешагнемъ
Черезъ хребетъ подснѣжный,
Чрезъ лѣсъ проложимъ путь штыкомъ
И усмиримъ мятежныхъ.
Ура, ура и проч.

Мы съ нимъ пройдемъ чрезъ всю страну,
Повсюду поражая,
Въ Чечнѣ мы встрѣтимъ Аргуну
И башню Нерхъ-Сурхая.
Ура, ура и проч.

Коль здѣсь насъ не могли пугать
Заоблачныя скалы,
То что жь намъ стоитъ разметать
Чеченскіе завалы.
Ура, ура и проч.

Пускай съ мюридами бѣжитъ
Шамиль на новоселье,
Его отъ насъ не защититъ
Аргунское ущелье.
Ура, ура и проч.

Итакъ, друзья, идемъ въ походъ
Съ веселыми сердцами —
Вѣдь Граббе самъ насъ поведетъ
И Фрейтагъ будетъ съ нами.
Ура, ура и проч.

Одинъ укажетъ путь побѣдъ,
Съ другимъ намъ бой забава, —
Гдѣ Фрейтагъ — тамъ ужь страха нѣтъ,
И неизбѣжна слава.
Ура, ура и проч.

Для насъ походъ Чеченскій — пиръ,
Мы въ немъ не сыщемъ злата,
За то намъ скажетъ командиръ:
«Спасибо вамъ, ребята!»
Ура, ура и проч.

Необходимо прибавить, что эта пѣсня была заимствована драгунами отъ Куринскаго егерскаго полка.

Слѣдующія двѣ пѣсни относятся къ походамъ на Лезгинской кордонной линіи:

Не орелъ подъ облаками
Въ непогодушку леталъ —
То леталъ передъ полками
Нашъ удалый генералъ.

Онъ поздравилъ насъ съ походомъ,
И отдалъ такой приказъ:
Завтра съ солнечнымъ восходомъ
Подниматься на Кавказъ.

Справа дьявольскія кручи,
Слѣва — скалы до небесъ,
Подъ ногами ходятъ тучи,
Въ облакахъ отрядъ исчезъ.

Верхъ Кавказа былъ ночлегомъ,
Съ неба сдѣлали шатеръ,
А въ котлахъ — крупа со снѣгомъ,
Подъ котлами самодеръ.

Утромъ рано затрещали
Бусурманскіе бока,
И лезгины тягу дали
Отъ солдатскаго штыка.

Разобрали мы по-свойски
Все татарское добро,
И сожгли аулъ дидойскій —
Распроклятое Хупро.

А вотъ и штурмовая пѣсня:

Ахъ, матушка родимая, прости, прости, прости,
Эхъ, дѣвица-красавица, о падшемъ не грусти...
Гей! дьяволы косматые, вставайте на пути!...
И-и-ихъ — душенька солдатская рости, рости, рости...

Безпрерывныя дѣла съ чеченцами и дагестанскими горцами, по переходѣ полка изъ Царскихъ Колодцевъ въ Чиръ-Юртъ, и постоянные успѣхи надъ непріятелемъ сдѣлали въ полку одною изъ самыхъ любимѣйшихъ пѣсенъ слѣдующую:

Вздумалъ Ша́миль бунтоваться
Въ прошедшіе годы,
А теперь пошелъ скитаться —
Вышелъ врагъ изъ моды.
Трай-рай, ра-та-тай,
Вышелъ врагъ изъ моды!

По заваламъ его войско
Все въ горахъ лежало;
Услыхало русскій духъ,
Отъ штурмы бѣжало.
Трай-рай и проч.

А мы штурмою въ погонь,
Командиръ былъ съ нами;
Эскадронъ открылъ огонь —
Ура! со штыками...
Трай-рай и проч.

Тутъ драгуны и стрѣлки,
Казаки, пѣхота,
Изъ-подъ камешковъ звѣрьки —
Кабардинцевъ рота!
Трай-рай и проч.

Распрекрасныя мѣста
Резервы заняли:
Стукъ, брякъ, буеракъ —
Туда ихъ погнали...
Трай-рай и проч.

Мы ихъ гнали по скаламъ
Прямо до оврагу,
Расщелкали шайку ихъ,
Сбили имъ отвагу.
Трай-рай и проч.

И бросались они съ кручи
Отъ большого страху,
Представлялось имъ въ глазахъ —
Вотъ такъ дали маху!
Трай-рай и проч.

Насчитали битыхъ муллъ
Болѣе десятка,
А общипанныхъ татаръ —
Четыреста гладко.
Трай-рай и проч.

Течетъ рѣчка Аргуна
Кровью, не водою, —
Тамъ у насъ была война
Съ поганой ордою.
Трай-рай и проч.

Пѣли Нижегородцы и полковую Куринскую пѣсню, напоминавшую имъ кровавый чеченскій походъ 1852 года: и взятіе Автуры, и штурмъ Гельдигена, и переходъ черезъ страшный маіортупскій орѣшникъ.

Гей, куринцы-молодцы *),
Вспомнимъ, какъ недавно
Разудалые бойцы —
Мы дрались славно!
За Аргуной, по Большой
Сторонѣ Чеченской,
Мѣрно двинулся нашъ строй
Въ свѣтлый день Крещенскій.

Князь Барятинскій насъ велъ,
Воронцовъ **) былъ съ нами,
На чеченцевъ страхъ нашелъ —
Дрогнули сердцами.
То-то былъ счастливый день!
Но второй былъ краше —
Автуры и Гельдигенъ
Взяты грудью нашей.

Бой былъ страшенъ, но для насъ
То была потѣха:
Мы дрались цѣлый часъ,
Полные успѣха.

*) По нижегородской пѣснѣ: «Гей, драгуны-молодцы».
**) Вмѣсто Воронцова пѣли: «Круковской»

Задрожалъ Шамиль — и въ мигъ
Самъ рванулся къ бою:
Видитъ плохо — и поникъ
Старой головою.

Въ мигъ винтовку онъ схватилъ,
Князю въ грудь направилъ —
Пуль съ десятокъ отпустилъ,
Не попалъ — отставилъ.

Всѣ бѣгутъ, и онъ бѣжитъ...
Дали-жь ему страху!
Говорятъ — рыдалъ навзрыдъ,
Рвалъ свою папаху,

О турецкой войнѣ 1853—1856 года сохранились двѣ пѣсни, касающіяся Башъ-Кадыкъ-Ларскаго боя:

1.

Что не беркуты со скалъ
Поднялись,
Царь-Салтанъ войска собралъ
На Тифлисъ.

Вздумалъ онъ своей башкой
Воевать:
Намъ-ли Бебутовъ съ тобой
Оплошать!

Собирайтеся паши —
Всѣхъ пугнемъ,
И Цареградъ, какъ Кутиши,
Разобьемъ.

Ни съ Россіи, ни съ квартиръ
Мы сошлись,
Съ поля битвы, какъ на пиръ,
Принеслись,

И пошли мы въ Баяндуръ.
Что за прыть?
Врагъ храбрится черезъ-чуръ, —
Сталъ палить.

Да пальбой насъ не стращай —
Погоди!
Дай намъ только Арпачай
Перейти.

Къ Кадыкъ-Лару подошли:
Врагъ кругомъ
Словно выросъ изъ земли.
Ни почемъ!

Сорокъ тысячъ противъ насъ: —
Не робѣй!
Богъ за правыхъ въ этотъ часъ:
Онъ сильнѣй.

Девять тысячъ молодцовъ —
Грозный строй, —
Противъ линіи враговъ
Стали въ бой.

Полкъ драгунъ и казаковъ
По бокамъ,
Сняты пушки съ передковъ
По мѣстамъ.

Все готово:—дымъ взлетѣлъ,
И кругомъ —
Простоналъ и прогремѣлъ
Пушекъ громъ.

Барабаны всюду бьютъ —
Бьютъ походъ;
Съ лѣвымъ флангомъ Багговутъ
Взялъ въ обходъ.

Правый флангъ нашъ шесть колоннъ
Обошелъ;
Въ центрѣ каждый батальонъ
Шелъ и шелъ ..

Дружной, сомкнутой стѣной
Всѣ полки
Безъ пальбы вступаютъ въ бой —
На штыки.

Чавчавадзе молодецъ
Первый сталъ —
И повсюду наконецъ
Врагъ бѣжалъ.

Пушки, знамя, лагерь весь —
Все у насъ!
Такъ-то мы имъ сбили спѣсь
Въ добрый часъ!

Такъ-то Бебутовъ османъ
Припугнули, —
И Ахалцыхъ Царь-Салтанъ
Вспомянулъ.

2.

Цѣлый мѣсяцъ съ штабъ-квартиры
Все вели насъ командиры
Воевать съ врагомъ,

Для кавказскаго жь солдата
Не впервые супостата
Укрощать штыкомъ.

Нашихъ девять тысячъ было,
Турокъ въ пять разъ больше силы
Вышло противъ насъ.

Приготовили канаты,
Чтобъ вязать насъ какъ пернатыхъ,
И вести всѣхъ въ Карсъ.

Вотъ сраженье началося,
Намъ подъ ядрами пришлося
Два часа стоять.

Но начальникъ нашъ любимый
Въ строй насъ ставитъ невредимый —
Ядра въ даль летятъ.

А чтобъ пушки не вредили,
Лѣвый флангъ въ обходъ пустили
Чтобы ихъ отнять.

Тутъ мы всѣ перекрестились
На врага въ карьеръ пустились,
Съ нами вѣдь Господь!

И тогда-то какъ барановъ,
Вѣроломныхъ тѣхъ османовъ
Стали мы рубить.

И одежду, лагерь, пушки
Все забрали, какъ игрушки
У малыхъ дѣтей.

Хоть свинцовые орѣхи
Намъ и сдѣлали прорѣхи —
Да не въ первый разъ.

Мы опять готовы биться,
А геройству не учиться
На Руси у насъ.

О блокадѣ Карса была такая пѣсня:

Что не вороны чернѣютъ
Ожидая насъ,
То османы, какъ умѣютъ,
Укрѣпляютъ Карсъ.

И спѣшатъ они работать,
Гостей къ себѣ ждутъ:
Что не тучи закипаютъ —
Гости къ нимъ идутъ.

Грозенъ видъ солдатъ удалыхъ,
Молодцовъ лихихъ;
Вотъ драгунски эскадроны —
Шашки — смерть у нихъ!

Авангардъ на Карса-чаѣ
Строитъ лагерь свой,
Въ авангардъ Нижегородцевъ
Первый эскадронъ.

Горе, горе вамъ Османы —
Муравьевъ идетъ:
И теперь твердыня Карса
Васъ ужь не спасетъ.

Онъ розыщетъ васъ повсюду,
Выжметъ изъ щелей,
Онъ разгонитъ васъ въ минуту,
Какъ орелъ гусей.

А вотъ и пѣсня полковая на ту же кампанію, передѣланная изъ одной старинной пѣсни, сложенной, кажется, въ 1812-мъ году:

Станемъ, братцы, въ круговую,
Жизнь вспомянемъ боевую,
Какъ живали мы.

Про житье-бытье, приволье,
Кадыкъ-Ларское раздолье,
Кюрюкъ-дарскій бой.

Еще вспомнимъ, други-браты,
Соловьиные раскаты
Съ карсскихъ батарей.

И какъ корпусъ нашъ летучій
Перешелъ снѣга и тучи
Саганлугскихъ горъ.

Станемъ, братцы, въ круговую,
Жизнь вспомянемъ полковую,
Какъ гуляли мы.

Помимо этихъ чисто солдатскихъ пѣсенъ, были еще и другія, которыя въ старину распѣвались хоромъ самими офицерами, любившими собираться у бивуачнаго огонька или у кого-нибудь изъ товарищей. Эти пѣсни носили характеръ, если такъ можно выразиться, военныхъ романсовъ. Вотъ одна изъ нихъ:

Улегся на горы туманъ,
Въ ущельи свищетъ вѣтръ порывный,
Готовъ на приступъ русскій станъ,
И только ждетъ трубы призывной.

Зажглась вечерняя заря,
Загрохотали барабаны, —
И вотъ молитву за Царя
Поютъ Кавказа ветераны.

Среди заботы боевой,
Передъ началомъ грозной сѣчи,
Въ бесѣдѣ ратниковъ живой
Кипятъ воинственныя рѣчи.

Кому и что въ грядущій мигъ
Готовитъ страшный жребій боя?
Кто жертвою падетъ изъ нихъ?
Кому сужденъ вѣнецъ героя?

Звукъ трубный пѣсни перервалъ,
Глухая ночь... Отрядъ собрался...
Вотъ къ штурму подали сигналъ, —
И бой кровавый завязался.

Другая пѣсня начиналась такъ:

Лишь тонну я ногою,
Опять вокругъ меня
Сбираются толпою
Старинные друзья.

О, горныя вершины,
Я васъ увижу вновь,
Кавказскія долины —
Кладбище удальцовъ.

Продолженіе этой пѣсни изъ сборника вырвано, а кончалась она слѣдующимъ куплетомъ:

Прости, моя невѣста,
Прости, мой идеалъ!
Любовь, тебѣ нѣтъ мѣста
Среди кавказскихъ скалъ!

О, горныя вершины,
Я васъ увижу вновь,
Кавказскія долины —
Кладбище удальцовъ.

Не меньшею извѣстностью пользовалась и слѣдующая пѣсня:

Любимъ драться со врагами,
Пулей пулѣ отвѣчать,
И съ бутылкой предъ огнями
На бивакѣ пировать;

Любимъ шумныя веселья,
Нектаръ въ чашѣ круговой;
Чашѣ вѣрно въ часъ бездѣлья
Служитъ ратникъ строевой.

Пей, друзья, покуда пьется,
Горе жизни забывай,
Искони у насъ ведется —
Пей, ума не пропивай.

Завтра, можетъ, въ полѣ чистомъ
Громы битвы загремятъ,
Ядра съ трескомъ, пули съ свистомъ
Къ намъ въ колонны полетятъ;

Завтра можетъ быть изъ строя
Насъ на ружьяхъ понесутъ,
И ужь водки послѣ боя
Намъ понюхать не дадутъ.

Пей, друзья, покуда пьется,
Горе жизни забывай,
Искони у насъ ведется,
Пей, ума не пропивай.

Въ числѣ подобныхъ пѣсенъ была одна «Скандинавская». Какъ она попала на Кавказъ—Богъ вѣсть; но ее любили пѣть Нижегородцы, быть можетъ потому, что она уже черезчуръ рельефно выражала внутреннія качества и нравственные принципы самаго Нижегородскаго полка.

Ни шатровъ на поляхъ, ни ночлега въ домахъ:
Супостатъ за дверьми стережетъ!
Спать на ратномъ щитѣ, мечъ булатный въ рукѣ,
А шатромъ—голубой небосводъ.

Какъ у Фрея лишь въ локоть будь мечъ у тебя,—
Малъ у Тора *) громящаго млатъ —
Есть отвага въ груди—ко врагу подойди:
И не будетъ коротокъ булатъ.

Какъ взыграетъ гроза—подыми паруса,
Подъ грозою душѣ веселѣй:
Пусть гремитъ, пусть реветъ—трусъ, кто парусъ совьетъ, —
Чѣмъ быть трусомъ—погибни скорѣй.

Рана—прибыль твоя: на челѣ, на груди,
То прямая украса мужамъ;
Ты чрезъ сутки не прежде ее повяжи,
Если хочешь собратомъ быть намъ.

Чу! Тревогу гремятъ!... Нападай и рубись!
Подъ щитами потѣха бойцамъ!
Кто отступитъ на шагъ—тотъ не нашъ: вотъ законъ!
Поступай какъ ты вѣдаешь самъ!

Что касается до пѣсенъ, сложенныхъ во время военныхъ дѣйствій въ Кубанской области, при покореніи Западнаго Кавказа, то мы скажемъ о нихъ въ другой разъ.

---

*) Торъ и Фрей—скандинавскія божества.

2457